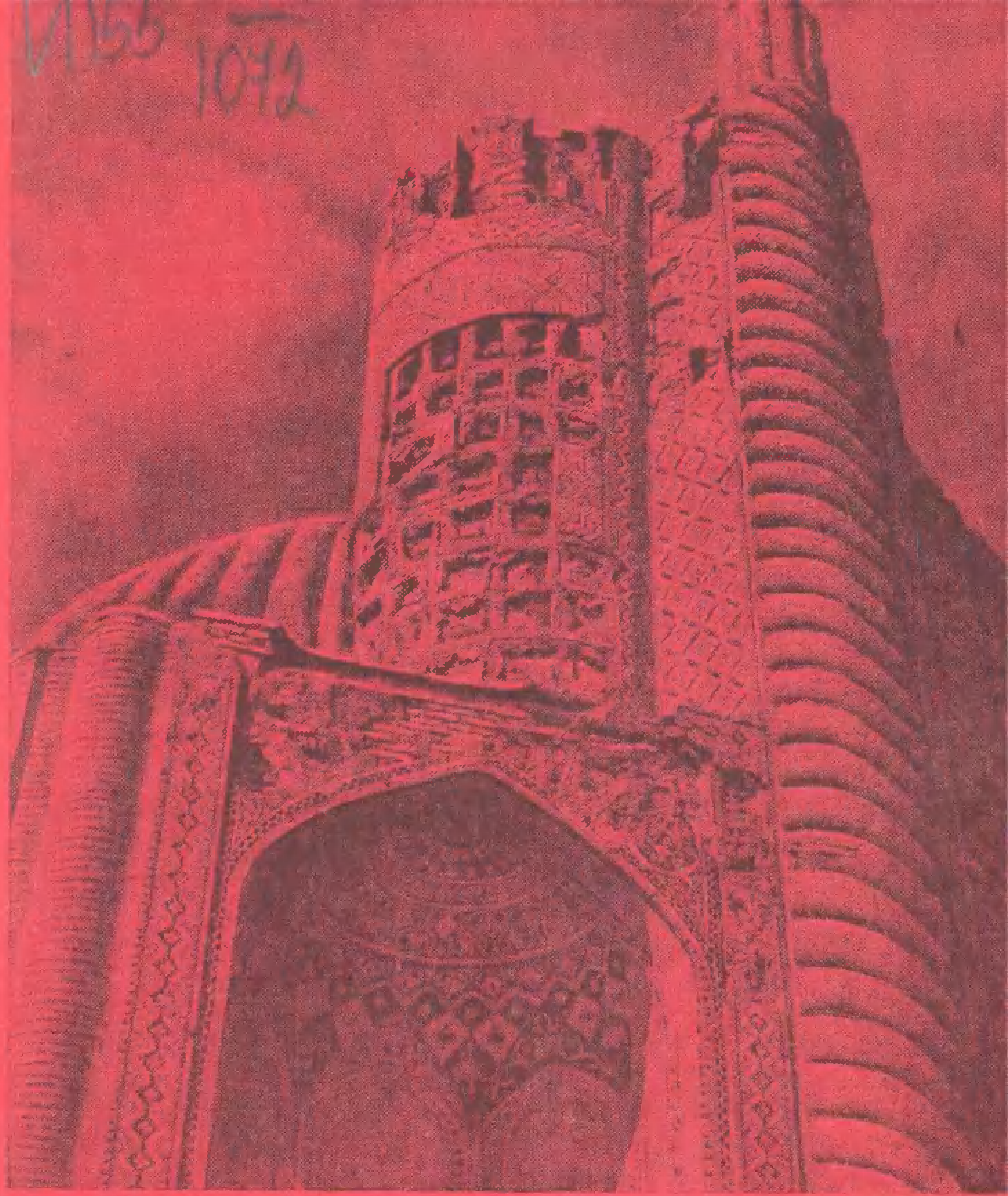

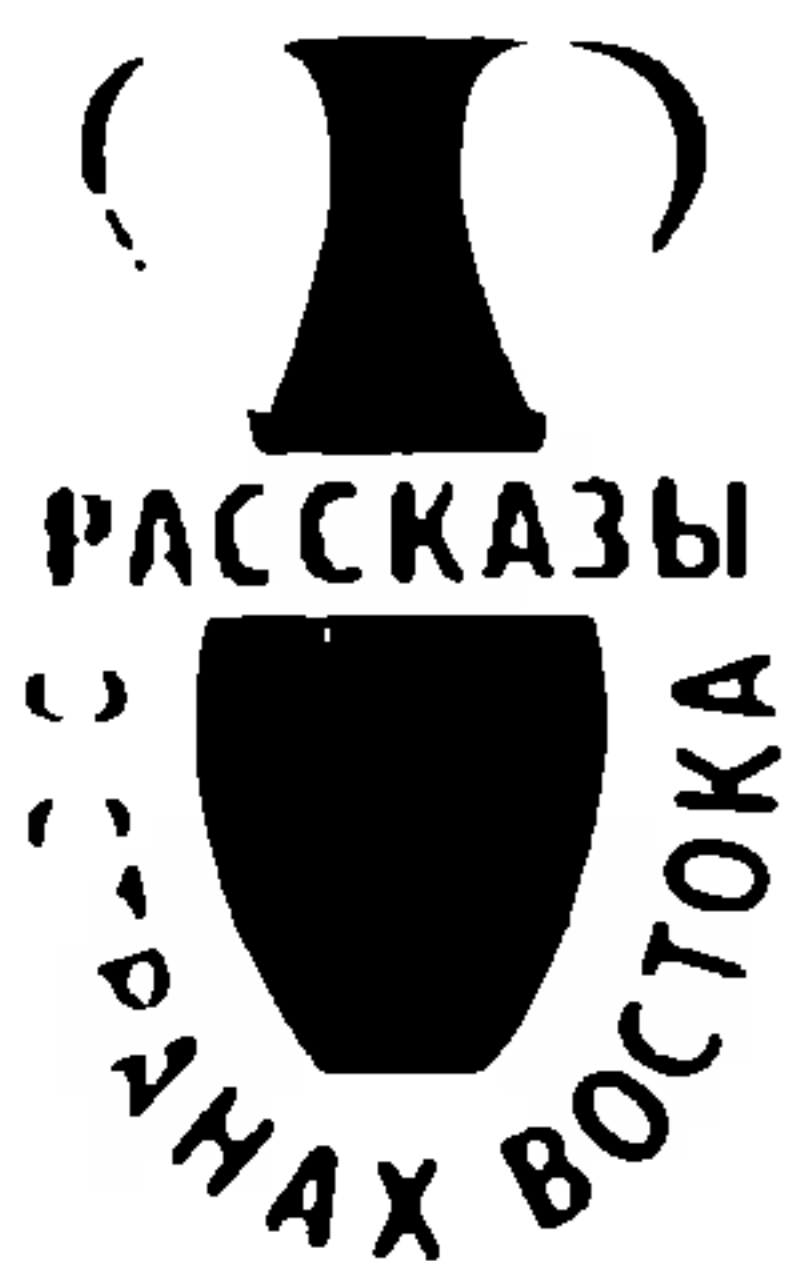

V155 1042

М. А. Коноваловский

СТРАНА
ГОР
И ЛЕГЕНД

М. А. Конаровский

СТРАНА
ГОР
И ЛЕГЕНД

(Очерки об Афганистане)

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (председатель), *А. Б. Давидсон*,
Н. Б. Зубков, *Г. Г. Котовский*, *Н. А. Симония*

Ответственный редактор

О. М. Матвеев

Конаровский М. А.

К 64 Страна гор и легенд (Очерки об Афганистане).
М., Главная редакция восточной литературы изда-
тельства «Наука», 1979.

238 с. с ил., с карт. («Рассказы о странах Востока»).

Книга представляет собой серию путевых очерков об Афганиста-
не. Автор несколько лет работал в этой стране и побывал во многих
ее районах. Он делится впечатлениями о природе страны, описывает
быт, нравы и обычаи афганского народа, рассказывает о переплетении
традиционного и нового в различных сторонах жизни Афганистана.
Значительное место уделено советско-афганским отношениям.

К 20901-096 БЗ-16-16-79. 1905020000
013(02)-79

91 (И5)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

У каждого своя история знакомства с новым. Часто слышишь, как побывавшие в десятках стран журналисты говорят, что за два-три дня может родиться заметка, за неделю — статья, за месяц — очерк, но стоит провести в стране полгода, начинаешь понимать, как в сущности мало о ней знаешь. Окончательно в справедливости этого я убедился, когда взялся за оформление альбомов, сделанных в различные годы пребывания в Афганистане.

Вспоминая первое знакомство с этой древней страной в центре Азиатского континента, я невольно возвращаюсь к раннему детству, когда меня и многих моих сверстников одолевала страсть к коллекционированию марок. Как-то мне попала марка с изображением триумфальной арки, обрамленной затейливой арабской вязью. Лет через двадцать в Кабуле мне удалось приобрести еще одну марку этой серии. Тогда я уже знал, что эта арка была воздвигнута под Кабулом, в Пагмане, в честь победы афганского народа, одержанной в 1919 г. в борьбе с англичанами.

Когда-то родители подарили мне красиво иллюстрированную книгу, рассказывающую о том, как смелый кузнец Кова поднял народ на борьбу с тираном, тысячу лет угнетавшим людей. Через много лет, изучая творчество крупнейшего средневекового персоязычного поэта Фирдоуси, я узнал, что эта сказка была пересказом лишь одного эпизода его поэмы «Шах-наме». Я видел развалины замка легендарного тирана на одной из труднодоступных вершин Гиндукуша в Центральном Афганистане.

Первая поездка в Афганистан. В погожий мартовский день 1966 г. катер перевез нас через своенравную Амударью на афганский берег. В тот первый день все

было непривычно: мужчины в чалмах-«дастарах», длиннополых халатах, белоснежных рубашках навыпуск и туфлях с высоко поднятыми носками; женщины в легких, развевающихся на ветру накидках, закрывающих лицо; разрисованные небесными светилами, диковинными животными и изречениями из Корана высокие борта грузовиков; караваны терпеливых верблюдов; развалины древних селений на фоне строящихся корпусов промышленных предприятий и современных зданий.

В основу очерков легли дневниковые записи, знакомство с географией, историей и отличающейся богатством многовековых традиций культурой Афганистана, его современной экономикой и, конечно, с его народом — трудолюбивым, приветливым и доброжелательным. Среди работающих на объектах советско-афганского сотрудничества соотечественников я нашел много новых друзей. Им и посвящаются эти очерки, которые, не претендуя на категоричность, носят главным образом этнографический характер.

Страна гор и легенд, страна тысячи городов, ключ к Индии, Швейцария Востока — такими эпитетами наделяли Афганистан путешественники, посещавшие в различные времена эту страну на стыке Центральной, Передней и Южной Азии.

Здесь, в северо-восточной, наиболее высокой части Иранского нагорья, с античных времен перекрещивались караванные пути из Средиземного моря в Индию и Китай. Уже в древних хрониках эта часть Азиатского континента характеризовалась как узел мировых путей из Европы в Азию. Здесь сходились все важнейшие ответвления «великого шелкового пути», в течение столетий служившего основной торговой магистралью между Востоком и Западом и не терявшего своего значения вплоть до открытия европейцами морского пути в Индию.

Много пережил афганский народ, нелегкими были его пути на дорогах истории. В длительной и жестокой борьбе в 1919 г. он добился восстановления своей национальной независимости и встал на путь самостоятельного развития, но еще более полувека находился под игом собственных внутренних угнетателей.

Когда очерки готовились к выпуску, афганский народ открыл новую страницу в своей истории. 27 апреля 1978 г. патриотические части армии под руководством Народно-демократической партии Афганистана свергли авторитарный режим президента М. Дауда. Вся государственная власть перешла в руки Революционного Совета, страна была провозглашена Демократической Республикой. Выступая через несколько дней по Кабульскому радио, Генеральный секретарь Народно-демократической партии, председатель Революционного Совета и премьер-министр Н. М. Тараки подчеркнул, что вооруженное выступление 27 апреля «означает начало демократической народной революции, открывает новый исторический этап в жизни страны». Проведение глубоких социально-экономических реформ в интересах трудящихся масс стало краеугольным камнем всей деятельности новой власти с первых дней ее существования. Земельная реформа в интересах трудящегося крестьянства, ликвидация давно изживших себя феодальных и полуфеодальных отношений, укрепление государственного сектора в экономике, обеспечение демократических свобод, ликвидация влияния империализма и неоколониализма во всех сферах жизни страны — основные положения всесторонней и глубокой программы правительства Демократической Республики Афганистан.

Находясь в эти дни в Афганистане, автор был свидетелем того энтузиазма, с каким простые люди страны встречали переход государственной власти в руки народа, выражали намерение защищать завоевания своей революции.

ГОРОД НА р. КАБУЛ

Прорезая террасообразные нагромождения скал и набирая в себя талые снега Гиндукуша, река в неудержимом порыве на восток, к Инду, стремительно вырывается на широкую долину и, постепенно замедляя здесь свой бег, отдает ей почти всю свою влагу. Вновь она набирает мощь лишь через несколько десятков километров, у новых гранитных отрогов.

В этой долине, расположенной на высоте 1850 метров над уровнем моря, и возник в свое время один из

Арка Независимости в Пагмане

старейших городов Центральной Азии, получивший имя реки, которая дала ему жизнь,— Кабул.

Название Кубха упоминается в Ригведе — древнеиндийском своде гимнов, составленных во II тысячелетии до н. э. Ахеменидский царь Дарий, повелевший на своем надгробии перечислить все завоеванные им земли, упомянул и долину Кабула. Позднее через нее проходили на восток, в Индию, легионы Александра Македонского, которого в этой части земли именуют Искандер, и древнегреческий ученый Птолемей уже пишет о городе под названием Кабур, который впоследствии встречается и в арабских рукописях. Странствующие китайские монз-

хи в середине VII в. называли эти места на свой лад — Куфу.

В 656 г. в долине Кабула появляются арабские завоеватели, и веротерпимый буддизм постепенно вытесняется здесь пуританским исламом. Впоследствии город входил в состав многих быстро возникавших и столь же скоро распадавшихся империй и султанатов, пережив трагедии разорения и радости возрождения из пепла: удобное географическое расположение долины, превращенной трудом сотен поколений в зеленый, цветущий край, издавна сделало Кабул важным центром пересечения караванных путей от Средиземного моря к Индии и Китаю.

В начале XVI в. Кабул был захвачен основателем династии Великих Моголов Бабуром. В своих записках, получивших название «Бабур-наме», он оставил интересные зарисовки долины Кабула.

Столицей Афганистана Кабул стал в 1773 г., почти сразу же после основания централизованного афганского государства, а в период борьбы против экспансии британского колониализма, в XIX — начале XX в., он явился главным центром всех прогрессивных и патриотических сил страны.

...В середине 30-х годов XX в. у подножия холма Маранджан, что расположен в северо-восточной, самой старой части Кабула, археологи обнаружили большую коллекцию древних монет. Сейчас она украшает экспозицию столичного исторического музея и свидетельствует о том, что история города насчитывает более чем два с половиной тысячелетия.

Кабульцы любят рассказывать легенды и предания о происхождении их города и его названия. Большинство из них связано с различными произношением и этимологическим толкованием слова «Кабул».

Когда-то, говорится в одной из легенд, на месте долины было огромное озеро, а в центре его — прекрасный остров. Слухи о чудесном острове, где жили веселые и счастливые люди, дошли до правителя, и он захотел побывать в тех краях. Приказав построить огромный мост из соломы, правитель переправился на остров. Красота острова так его поразила, что он решил заложить здесь город, получивший название Каполь — Соломённый мост. Если же его вторую часть произнести

как «пуль», то значение «мост» уступит значению «деньги». В связи с этим появилось второе толкование названия города: базары Кабула были настолько богатыми, что трудно было удержаться и не приобрести порой даже совсем ненужный пучок соломы.

Другие легенды связывают Кабул с библейскими именами. Некие братья, имена которых по-персидски звучат как Какул и Хабул, долго спорили, как назвать один из самых красивых городов мира, пока не решили составить его название из частей своих имен. Бабур, также считавший Кабул самым красивым городом во всей своей обширной империи, полагал, что его основателем был один из сыновей Адама, имя которого по-персидски звучит как Кабил, и утверждал даже, что где-то неподалеку находится его гробница.

Небольшие, лишенные растительности вершины Асмаи и Шир-Дарваза делят Кабул на две части, соединяя их узким ущельем с почти высыхающей летом рекой. С холма Маранджан открывается панорама на основную, северо-восточную часть города. Раздвигая ветхие глинобитные постройки старого города, убегает вдаль широкая лента Джадайи-Майванд — главной магистрали афганской столицы. Она названа в честь победы у местечка Майванд, под Кандагаром, где в 1880 г. ополчения племен наголову разбили английскую экспедиционную бригаду.

С холма хорошо видно, как на одной из площадей, образуемых пересечением Джадайи-Майванд с улицей, связывающей старый город с центральной частью, устремляется вверх конусообразная башня с кафельной отделкой на ажурных крыльях. Минар-и Майванд (башня Майванда) хорошо знакома каждому афганцу, и историю битвы под Майвандом вам перескажет здесь всякий.

...Измотанные боями афганские воины хоронили своих погибших товарищей по оружию. Не было воды, всех мучила жажда, люди смертельно устали, а англичане возобновили атаку. Казалось, еще мгновение — и ряды патриотов дрогнут. Но когда из рук раненого знаменосца упало на землю национальное знамя, его подхватила юная поэтесса Малалай и первой бросилась на врага. Ободренные воины устремились за героиней и разбили захватчиков. Отважная девушка стала национальной

героиней, и на мраморной плите у подножия обелиска на Джадайи-Майванд выведено ее знаменитое двустигшие:

Если ты, любимый, не погибнешь у Майванда,
Клянусь, тебе не избежать позора!

Слева, между Джадайи-Майванд и подошвой Шир-Дарваза, находится самая старая часть Кабула. Она застроена плотными рядами глинобитных построек. Над ними возвышаются остатки бастионов доминировавшей когда-то над долиной цитадели Бала-Хиссар. Крепость и по сей день остается одной из самых «высотных» точек города, хотя в последние годы с ней не без успеха конкурирует здание гостиницы «Интерконтиненталь», построенное на одном из зеленых холмов в северной части города.

Кварталы старого Кабула еще не утратили своего традиционного колорита. Вдоль узких кривых улочек — небольшие арыки, на которые смотрят высокие глухие «дувалы» (глинобитные стены). Их единственным украшением служат низкие деревянные двери с массивными металлическими кольцами, выполняющими функции и ручек, и звонка. Возвещая хозяев о приходе, гость несколько раз ударяет кольцом о металлическую пластинку. В стене над дверью иногда прорублено окно, и, прежде чем открыть дверь, хозяева могут удостовериться в личности гостя.

С незапамятных времен основными материалами для сооружения городских и сельских построек в Афганистане служила глина, сырой и обожженный кирпич, а деревянными были лишь балки основных перекрытий, оконные рамы и двери. При внешнем оформлении дома нелегко было проявить оригинальность и выдумку, потому-то всю фантазию вкладывали в его деревянные части. Семьи с достатком стремились придать привлекательность домам не только окраской дверей в зеленый цвет, но и резными украшениями, своеобразными ручками и засовами. Стены обычно штукатурили, полы утрамбовывали плотной смесью глины и соломы.

Дом, как правило, состоял из двух половин: кухни и жилого помещения, окна которого смотрели во внутренний дворик, где летом концентрировалась вся жизнь семьи. В зажиточных домах были еще помещения и для

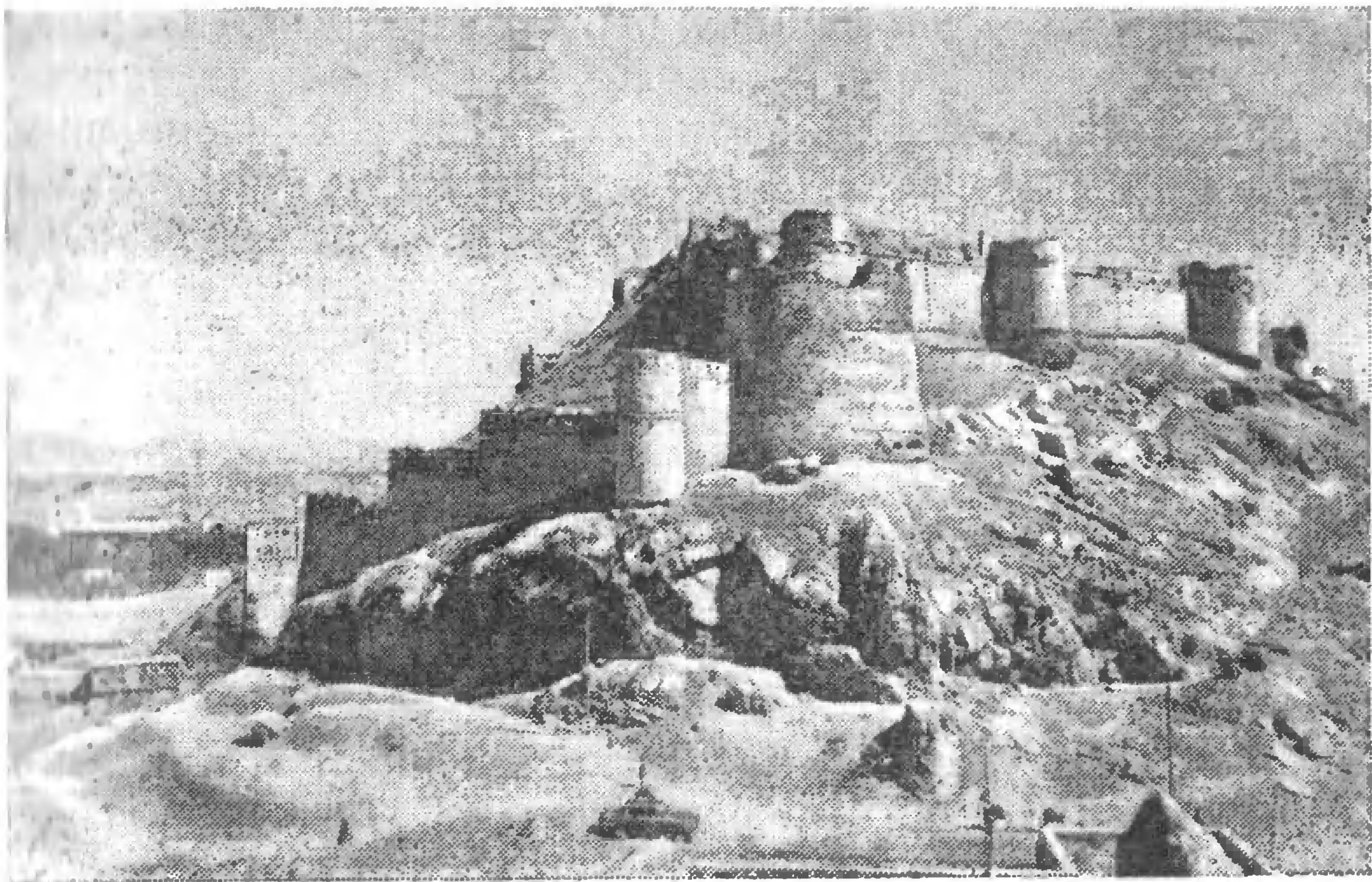
приема гостей. В кухне делали углубления для котлов, иногда сооружали очаг с вертелом, а дым выходил через дверь и отверстие в крыше.

Климатические условия вносили своеобразие и в постройки: где жарче, там больше куполообразных домов, а в горах — домов с плоскими крышами, но террасообразных, в два-три этажа, где жилые помещения располагаются наверху. Пожалуй, для всех видов старых построек — и в городах, и в деревнях — характерно то, что они располагаются семейными усадьбами: к этому обязывал старый обычай объединенной семьи. Они представляют собой несколько строений, окруженных высокими толстыми дувалами, иногда с башнями и бойницами. Издавна дувалы служили местом для сушки фруктов. Плоские крыши были местом отдыха в вечернее время.

Нередко строили кварталы и по принадлежности к тому или иному цеху ремесленников. Так возникали ряды гончаров, жестянщиков, булочников. Общими для жителей каждого квартала были мечеть, кузница, несколько духанов и «михманхана» — гостиный дом, который содержался «всем миром». В нем стояло несколько «чапаркатов» (плетеных кроватей на низких ножках) и был небольшой очаг. Сюда приносили хлеб и чай для гостей. Обычай предписывал развлекать путника рассказами и сказками, но нередко здесь собирались потолковать и сами жители квартала.

Названия улиц и переулков давались по достопримечательному месту — мечети, караван-сарая, большой лавке или солидному дому. И сейчас названия имеют лишь главные улицы Кабула, и доведись незнакомцу искать адрес в старом городе, его нередко ориентируют так: дом напротив духана такого-то, лавка рядом с такой-то мечетью и т. п. Когда несколько лет назад на одной из центральных площадей города открылся четырехэтажный универмаг, то рекламное объявление, приглашавшее посетить магазин и передававшееся по радио, было составлено по традиционному принципу и в стихотворной форме. Перевод его звучал примерно так:

Не забудьте магазин «Кари Амана»,
Что рядом с площадью Пуштунистана
И напротив министерства плана!

Старая цитадель Бала-Хиссар в Кабуле

Мебель в домах всегда отличалась простотой. Пол большой комнаты, где к обеду обычно собиралась семья, покрывался циновками, а в зажиточных домах — паласами и коврами. Прежде чем поставить еду, на ковре расстилали платок или полотенце. Основным видом освещения долгое время служили глиняные и медные светильники с хлопковым фитилем, а где есть леса, использовали и деревянные лучины. Им на смену пришли керосиновые лампы, а сейчас в городах уже давно не новость и электрическое освещение. Зимой для отопления помещений все еще используют сухой навоз, кустарник и дрова.

Осенью в Кабуле и других городах нередко встретишь группы детей с мешками и коробками за спиной, собирающих сухие ветки, листья и опрометчиво оставленные кем-то доски и деревянные ящики. Дровяное отопление дорогое: лес в Афганистане — большая ценность. Дрова продают на оптовых базарах на вес, и чем ближе зима, тем выше цена на них. Каждую щепку берегут: пригодится не только для отопления, но и в строительном деле. Лишь состоятельные люди могут позволить себе настилать в своих домах деревянные полы. Даже в сохранившихся в Кабуле и в других го-

родах дворцовых постройках эмиров из дерева сделаны, как правило, только потолки, лестницы и легкие балконы с небольшими колоннами на фасаде. В небольших мебельных мастерских, которых так много в Кабуле, я ни разу не видел большого количества древесных опилок; мастера стремятся максимально экономить древесину, где только возможно заменяя ее пластиком и металлическими каркасами.

Снежные заносы, нередко затрудняющие движение транспорта в зимнее время, в Кабуле не редкость. Обычно обильные снега выпадают во второй половине января — феврале. Но несмотря на то что снег приносит немало хлопот горожанам, особенно жителям старого города, его всегда встречают радостно, и кабульцы любят повторять поговорку: «Кабул проживет без золота, но не без снега!» Исстари повелось считать: если в Кабуле много снега — быть везде хорошему урожаю!

Выпадение первого снега отмечается как праздник. Горожане и крестьяне играют в «снежную» игру «барфи». Соседям и родственникам рассылаются письма, содержащие короткое двустихие: «Пришел новый снег, снег — мой, а барфи — твой». Следует, однако, избегать получения такого письма и постараться поймать письмоносца «с поличным». Ему перемазывают лицо сажей и с позором препровождают к отправителю письма. Это означает проигрыш письмоносца, и он должен выставить угощение. Если же письмо принято, то проигравшим считается адресат.

Зима в Кабуле солнечная и нередко морозная, поэтому здесь издавна, как и по всей стране, сложилась особая система зимнего отопления, во многом традиционная и сегодня: печки («бухари») и жаровни («сандали») — самые популярные виды обогрева. Бухари напоминают «буржуйки» и отапливаются отходами строительного леса, опилками, сухой травой, навозом и угольной пылью. Сандали же представляют собой жаровню с тлеющими углями, которую ставят под табурет и накрывают теплым стеганым одеялом («душак»), как правило, из плотной верблюжьей шерсти. Нередко на сандали вместо одеяла кладут сшитые, как одеяла, овечьи шкуры.

Попав на базар зимой, обязательно увидишь, как лавочники, не прекращающие торговлю даже в самые лю-

ные морозы (а они достигают в Кабуле —25°), забравшись под ватное одеяло, удобно устраиваются у сандали и стараются как можно реже выбираться из-под них. Вокруг домашних сандали собираются семьи за ужином или вечерним чаем. В старых домах сандали устанавливаются в общей комнате, для чего в полу делают плоское углубление шириной около 1 м, которое выкладывают соломой. На нее ставят жаровню с углями, вокруг настилают циновки или ковры, а сверху все это накрывают большим теплым одеялом. Около сандали часто располатаются и на ночлег.

Более 90% афганских домов обогреваются этими печками. В последние годы, правда, все большее распространение получают масляные и электрические радиаторы и электрокамины, но их еще не часто встретишь в провинциальных городках, а тем более в сельской местности. Зима в деревне — время домашних работ, и крестьяне большую часть времени проводят у сандали или собираются потолковать в общественных местах — в мечетях и михманхана. Вечера нередко коротают в беседах за «кирчи» — рисовой кашей с бобовой приправой — или за «пача» — пловом с отваренными овечьими ножками, играют на музыкальных инструментах, рассказывают легенды и предания. Собравшись у сандали, женщины занимаются вышиванием и шитьем, но дети все же предпочитают проводить время на улице: во многих районах Афганистана зимой школьников отпускают на длительные каникулы.

Любимое занятие детворы в это время — запуск бумажных змеев — «парандабази», т. е. игра в птицу. Дети сооружают снеговиков и снежных тигров. Снеговиков часто делают на конкурс, где судьей может стать любой прохожий. В снежки играют как вдвоем, так и команда на команду, как правило одна сторона улицы против другой, и снежки запускаются не только рукой, но и пращой.

...За Джадайти-Майванд в легкой дымке высятся минарет и голубой купол соборной мечети Поли Хишти, справа от которой бесконечной вереницей тянутся ряды старого оптового базара Миндави, незаметно переходящие в центральную, деловую часть города. Здесь находятся банки, некоторые министерства, отели и крупные магазины.

По соседству с шумной площадью Пуштунистана высятся комплекс массивных каменных зданий с бойницами и башнями. Дворец выстроен в 1883 г. и многие годы символизировал незыблемость монархии, будучи резиденцией эмиров. Революция 27 апреля унесла в небытие бывшее значение потомственной резиденции монархов, все имущество которых стало достоянием народа, а старый «Арк» теперь называется «Дом народа».

Прямое широкое полотно асфальта из центра города ведет к международному аэропорту, расположенному в северо-восточной части долины. Воздушные трассы связывают Кабул с Дели и Москвой, Франкфуртом-на-Майне и Бейрутом, Лондоном и Римом. Здесь делают посадку самолеты «Аэрофлота», «Эйр Индия», «Пакистан Интернэшнл Эйрлайнз», Иранской национальной авиакомпании и, конечно, афганской авиакомпании «Ариана».

Постепенно деловой центр уступает место тихим респектабельным районам Шаринау — нового города. За заборами уютно разместились двухэтажные современные особняки из бетона и стекла, красиво декорированные необработанным камнем, небольшие, но самые дорогие магазины и крохотные — на европейский манер либо под местный колорит — ресторанчики. Здесь наряду с национальными кушаньями вам подадут европейские, индийские и китайские блюда. К Шаринау примыкает и квартал иностранных посольств. Глядя на его густо застроенные улицы, трудно представить, что еще каких-нибудь полвека назад здесь было летное поле первого в стране аэродрома.

Панораму Кабула дополняют ровные кварталы четырехэтажных домов, похожих на московские новостройки. Кабульский микрорайон, строящийся при содействии советских специалистов, совершенно новое явление в градостроительстве афганской столицы. Уже сейчас здесь живут более тысячи семей и располагается ряд министерств и центральных ведомств. По генеральному плану реконструкции города, составленному при содействии советских архитекторов, облик города все больше меняется. На смену узким улочкам приходят широкие проспекты, а вместо глинобитных кварталов вырастают современные бетонные здания.

Кабул — крупнейший хозяйственный и культурный

центр страны. Население его постоянно растет и уже достигло 0,6 млн. человек, из которых 130 тыс. заняты в сфере экономики. Быстрое развитие города отражает крупные изменения, которые произошли в Афганистане после восстановления независимости, и движение страны по пути социально-экономического прогресса на современном этапе.

В Кабуле, где в конце XIX в. было основано первое в Афганистане предприятие заводского типа «Машинлана», в настоящее время находятся крупнейшие в стране промышленные предприятия и экономические объекты. Это авторемонтный завод «Джангалак», домостроительный комбинат, крупнейший элеватор и хлебокомбинат, текстильные, обувные и деревообрабатывающие фабрики, мыловаренные и пищевые предприятия. В столице сконцентрированы банки и крупнейшие национальные торговые компании, основные учебные заведения и просветительные учреждения. В основанном в 40-х годах нынешнего столетия университете обучаются более 9 тыс. студентов. Здесь же находятся политехнический институт, военная академия, автомеханический техникум, педагогическое училище и самые крупные в стране библиотеки.

...Вдоль хребта Шир-Дарваза, то карабкаясь вверх, то стремительно падая вниз и почти нависая над городскими улицами, тянутся остатки древней глинобитной стены с большими неровными зубцами и слепыми отверстиями бойниц. Издали стена, как и бастионы крепости, кажется игрушечной, однако ее высота в некоторых местах превышает 6 м, а ширина достигает почти 4 м. От Бала-Хиссара городская стена круто спускается к небольшому ущелью, соединяющему основную часть города с его юго-восточным предместьем. Белоснежные дома с плоскими крышами террасами карабкаются здесь почти до половины вершин Асмаи и Шир-Дарваза, отчего те, и так небольшие, кажутся совсем приземистыми и неуклюжими. На вершине Асмаи построена ретрансляционная станция первого в стране телевизионного центра.

На половине спуска с Шир-Дарваза сооружена укрепленная огромными глыбами скалы насыпь в виде небольшого форта с двумя башнями. Со стороны шумных городских улиц она кажется похожей на настоя-

Старое и новое на кабульских перекрестках

щую крепость. На шумное ущелье с Шир-Дарваза молча смотрят две старые медные пушки на огромных деревянных колесах, перетянутых в некоторых местах толстыми веревками.

Мне часто приходилось совершать «восхождение» к пушке, и, завидев меня, старый пушкарь с коричневым от солнца лицом, обрамленным белоснежным дастаром, украшающий со своей «батареей» проспекты туристической организации «Гырзандуй», всякий раз приветливо кивал головой. Почти 60 лет выстрелы с Шир-Дарваза возвещали жителям столицы о восходе и заходе солнца, когда открывают и закрывают городские ворота, а также о наступлении полудня. За это время бессменный Мухаммед Сабер более 23 тыс. раз заряжал свою пушку и израсходовал около 200 т пороха. Сейчас же по ее звукам кабульцы узнают о начале и конце мусульманского поста в месяц рамазан.

Однажды я не поленился и задолго до полудня добрался до пушки. Я стал свидетелем тайнства подготовки к полуденному выстрелу. Деревянным шестом в

огромное жерло он забил пыж, затем снял тряпку, прикрывающую отверстие для пороха и придерживаемую от ветра несколькими камнями. Порывшись в жилете, пушкарь извлек кожаный мешочек с порохом и, насыпав в отверстие, опять закрыл его тряпкой. Клубы молочно-голубого дыма заволокли все вокруг и старого пушкаря, а когда дым рассеялся, я увидел улыбающееся лицо Мухаммеда Сабера. Ну вот, как бы говорил он, дело сделано, можно и отдохнуть.

Откуда эти пушки? — задал я давно интересовавший меня вопрос. Старик неторопливо побрел к небольшой глинобитной хибарке и, усевшись в тени, жестом пригласил меня. В выжженную июньским солнцем лаву безоблачного неба упирались зубцы древней стены. Кажется, время остановилось, и только где-то внизу сливающиеся в глухой монотонный гул гудки автомобилей, скрип тормозов и голоса прохожих напоминали о быстротечности времени.

— Мухаммед Сабер, когда построили стены? — решил я снова нарушить молчание, хотя так и не получил ответа на первый вопрос.

— Говорят, что их начали строить тысячи полторы лет назад, но так и не достроили.

Старый пушкарь поправил круглые темные очки, сползшие на кончик носа:

— Решил в древние времена один правитель окружить Кабул стеной с двумя большими воротами: одни — у Бала-Хиссара, другие — здесь, под нами, у Демазанга, — и старик показал вниз на площадь под горой. — Правитель решил построить стену на все времена, и поэтому глина замешивалась на молоке. От этого и гора стала называться Шир-Дарваза, что означает «ворота, построенные на молоке». Люди не любили жестокого и несправедливого тирана, приказавшего всем мужчинам работать на строительстве, но ослушаться его не смели. Никто не знает, сколько лет ее строили, знают только, что строить было очень трудно. Кирпичи приходилось поднимать на самую вершину, от жары и усталости люди выбивались из сил, и тех, кто работать больше не мог, замуровывали в стены. Был среди них юноша, а у него — невеста, которая, чтобы спасти жениха от неминуемой гибели, решила на хитрость. Пришла она на строительство и стала наравне с мужчи-

нами носить тяжелые камни. Как-то, заметив девушку, правитель подозвал ее и спросил, почему она находится там, где работают мужчины. «Мужчины не позволили бы тебе обращаться с ними как с рабами», — ответила смелая девушка, подняла с земли камень и, бросив его в правителя, угодила ему в самое сердце. Весть о смерти тирана разнеслась по городу с быстротой молнии, и несколько дней все жители веселились на свадьбе юной героини. А стена так и осталась недостроенной... — старик помолчал, а потом, вероятно вспомнив мой первый вопрос, сказал:

— Пушки отлиты нами, афганцами, на заводе «Машинхана», что на той стороне реки, за ущельем. Раньше они стояли на одном из холмов в северной части Кабула, а потом — на слонах — их перевезли сюда.

...Последние годы жизни Бабур провел в своей столице Агре среди ярких и буйных красок индийской природы. Но на исходе своих дней вспомнил он мягкую зелень долины Кабула в серебряной оправе горных вершин, которые даже в жаркий летний зной не всегда снимают перед солнцем свои белоснежные шапки. Поэтому Бабур завещал похоронить себя в долине, у подножия вершины, в саду, который, по преданию, заложил сам. В 1646 г. в нем была построена небольшая, отделанная мрамором мечеть, а вокруг нее разбит парк. И сегодня террасами спускается он со склонов Шир-Дарваза к шумным городским кварталам, а гробница Бабура находится на верхней террасе. Говорят, он просил, чтобы над могилой всегда светило солнце, поэтому долгое время ее единственным украшением было надгробие из черного мрамора с эпитафией. Только в 30-х годах XX в. из кусков разноцветного мрамора был сооружен новый памятник, а над ним небольшой павильон с черепичной крышей.

За парком так и закрепилось название Баге-Бабур — Сад Бабура, и он давно превратился в излюбленное место отдыха горожан. В выходные дни здесь собираются продавцы птиц. Они расставляют конусообразные плетеные клетки, и парк наполняется неутомным разноголосьем. Под развесистыми кронами столетних чинар играют дети, а взрослые пьют чай на веранде небольшого павильона.

Мы с женой часто приходили сюда. Потолок и лег-

ние квадратные колонны веранды украшены ажурной резьбой по дереву работы афганских умельцев конца прошлого века. Образцы такой резьбы теперь встретить не часто. Из павильона открывается красивый вид на террасообразный парк с фонтанами и аккуратно подстриженными газонами и на ровные кварталы домов и садов, незаметно переходящие в зелень уже за городской чертой.

Кабульцы считают, что Сад Бабура особенно неповторим весной. Весна здесь вообще любимое время года — пора буйного цветения, ярких, сочных красок природы и надежд на хороший урожай. Когда же мы наглядывали в сад осенью, то садовник всегда сокрушался: и вид не тот, и листья опали, и цветов уж нет. Но, наблюдая кабульскую осень с ее удивительным богатством золотисто-желтых и пурпурно-алых тонов, согласиться с ним было трудно.

МУЗЕЙ В ДАР УЛЬ-АМАНЕ

Почти от подножия Шир-Дарваза широкая прямая улица-аллея с полувековыми деревьями ведет в юго-западное предместье Кабула. В этом районе, получившем когда-то название Чардехи (Четыре деревни), климат более влажный и мягкий, чем в остальной части долины. Наверное, поэтому в 20-х годах именно здесь было решено построить новый центр города. В Чардехи выросли удобные каменные здания и окруженный тенистым садом дворец Дар уль-Аман. Одно время в нем располагалась канцелярия эмира Амануллы, потом он долгое время пустовал, затем был отдан под министерство общественных работ, частично сгорел и был реставрирован в начале 70-х годов.

В те годы Кабул кончался у Шир-Дарваза, а новый район с городом соединяла шестикилометровая узкоколейная железная дорога. Однако антиправительственное выступление 1929 г. помешало достроить новый Чардехи, узкоколейка была разобрана, а старые вагоны и сегодня стоят в небольшом ангаре у дворца.

Пожалуй, только в этой части Кабула еще и сейчас можно увидеть «гади» — упряжки с коляской на два-три пассажира, когда-то выполнявшие функции такси. В

центре города гади уже не встретишь: они запрещены, чтобы не мешать бурному движению транспорта. В провинциальных же городках эти колоритные, разукрашенные во все цвета радуги коляски, где пассажиры рассаживаются рядом и спиной к вознице, нередко служат основным видом транспорта.

Первые гади появились в Афганистане в 1880 г. Они были завезены из Индии и с тех пор получили самое широкое распространение по всей стране, придя на смену «тахтаравану» — кубической палатке, закреплявшейся на горбе верблюда или на седле лошади, — распространенному тогда виду транспортировки пассажиров, особенно женщин.

В глубине тенистого сада — напоминающие классические европейские дворцы очертания Дар уль-Амана, напротив него — двухэтажное, кажущееся по сравнению с громадой дворца совсем карликом, здание Кабульского музея. Однако он не только самый крупный в стране, но и уникальный по своей коллекции, которой, пожалуй, могут позавидовать многие крупные музеи мира. Директор музея знает буквально каждый экспонат экспозиции и все обширные запасники, и рассказ директора-специалиста воссоздает стройную картину богатого исторического прошлого Афганистана. На стенах просторного кабинета, куда мы любезно приглашены перед тем как осмотреть музей, большая фотоэкспозиция археологических находок и памятников архитектуры на территории страны.

— Знаете, чем отличается наш музей от подобных музеев в других странах? — спрашивает директор. — Тем, что коллекция состоит исключительно из образцов, обнаруженных на территории Афганистана. Музейное же дело у нас сравнительно молодое, хотя частное коллекционирование давно получило распространение. И сейчас у частных лиц находится множество ценных реликвий, документов, монет, старото оружия и рукописных книг, которым место в экспозициях музея или в национальном архиве.

Мне довелось побывать и в Национальном архиве Афганистана, образованном на базе библиотеки Исторического общества страны и пополняемом путем приобретения у населения старинных книг и рукописей. В архиве уже собрано более 10 тыс. рукописей и книг,

старейшие из которых датированы IX в. н. э. Есть уникальные образцы Корана раннего куфического письма, исполненные на обработанной коже газелей. Среди 10 тыс. документов, собранных в архиве, оригиналы фирманов эмиров, купчие крепости, договорные обязательства племен с центральными властями. Особый интерес представляет диван стихотворений известного афганского прогрессивного деятеля и поэта Гулям Мухаммеда Тарзи — признанного мастера каллиграфии и миниатюры, переписанный его сыном — Махмудом Тарзи (1868—1933), с чьим именем связано развитие просветительских идей в стране в первой четверти нашего столетия.

После апрельской революции в домах членов бывшей королевской династии обнаружено несколько совершенно неизвестных ранее в стране рукописей, которые также переданы в Национальный архив. Предстоит долгая и кропотливая работа по составлению каталога фонда архива, описанию и даже во многих случаях определению времени составления многих ценных документов, которыми все больше пополняется его коллекция.

Как-то мне довелось побывать и у крупного специалиста по манускриптам профессора Парванты. Ученый показал свою богатую коллекцию, состоящую из более 1,5 тыс. рукописей. Многие составлены более восьми столетий назад, и хозяин назвал даже сорта бумаги и чернил, которыми выведены затейливые каллиграфические столбцы. Перед тем как расстаться, Парванта показал свою гордость — огромный рукописный труд в толстом кожаном переплете с подробным жизнеописанием Петра I, составленный в начале прошлого столетия на персидском языке. Тонкие шелковые страницы, четкий бирюзовый каллиграфический и изящная канва миниатюрного рисунка...

Долгое время из Афганистана легально и нелегально вывозились многие образцы археологических находок, древние монеты и предметы кустарного ремесла. Правительство демократического Афганистана в комплексе программ социально-экономического и культурного развития страны уделяет большое внимание не только всемерному расширению археологического изучения, но и охране и реставрации ценнейших исторических памятников различных эпох на ее территории.

Рассказ директора музея живой и увлеченный. Узна-

ем, что начало музейным собраниям в Афганистане было положено частной коллекцией эмира Хабибуллы и его брата Насруллы, у которого хранилась, например, богатая коллекция рукописных книг. В 1925 г. они были переданы в первый музей, открытый в охотничьем домике эмиров в районе Бате-Бала.

Кабульский музей, куда со временем была перенесена и коллекция из Бате-Бала, открылся в 1931 г. и с тех пор регулярно пополняется новыми находками археологов. Однако здание музея уже давно не вмещает всех экспонатов, и в нем выставлена лишь десятая их часть: ведь археологические исследования ведутся в Афганистане уже более полувека. Несколько лет назад при содействии ЮНЕСКО был разработан проект нового комплекса зданий для национального музея, который будет построен в самом центре Кабула. Туда будут переданы лучшие образцы собраний музея в Даруль-Амане; многие экспонаты будут демонстрироваться впервые.

По Кабульскому музею можно ходить часами. Занимающий два этажа особняка, он состоит из нескольких больших залов, где выставлена экспозиция образцов различных эпох и цивилизаций: доисторический период, эпоха бронзы, бактрийская культура и эллинизм, буддизм и исламская архитектура.

Историческое прошлое Афганистана уходит в глубь веков. Ряд северных и южных районов страны были обжиты еще в каменном веке, а в эпоху бронзы они уже входили в сферу оседлых земледельческих культур. И пожалуй, нелегко найти на Азиатском континенте культуру, которая не оставила бы свой след на афганской земле. Древняя Бактрия, эллинизм, буддизм, ислам в различные эпохи вместе с караванами купцов и миссионеров, а подчас и на мечех завоевателей встречались здесь, на перекрестке Азии, и, смешиваясь с местными традициями, давали удивительные образцы таких великолепных достижений синтеза цивилизаций Востока и Запада, как, например, греко-бактрийские и греко-буддийские культуры. В различные времена районы Афганистана входили в состав империи Ахеменидов (основатель которой Кир, как утверждает традиция, был уроженцем Балха), эфемерной империи Александра Македонского, государства Кушанидов, Арабского хали-

фита, государств Газневидов, Гуридов, Тимуридов, Великих Моголов и т. д.

Предметом особой гордости музея является уникальная коллекция древних монет. Здесь полностью экспонируется обнаруженный в 1946 г. в северных районах страны знаменитый Кундузский клад, где среди сотен греко-бактрийских монет есть редчайшие, отчеканенные в древней Бактрии, а также множество образцов, до сих пор остающихся для ученых загадкой.

В 1963 г. в Кабульском музее была открыта новая экспозиция: в этнографическом зале собрана прекрасная коллекция национальной одежды, предметов быта и домашней утвари населения всех районов страны (более 20 народностей), в том числе редчайшие образцы из старого Кафиристана (Нуристан). Этническая пестрота населения Афганистана также тесно связана с его географическим положением: ведь через территорию страны в различные времена двигались многие народы и племена, и история ее населения тесно переплетается с историей многих государств и соседних народов.

Археологическое изучение Афганистана началось только с середины 20-х годов нашего столетия, и многие страницы истории страны долгое время оставались для исследователей «белыми пятнами». Но уже в 1922 г., через несколько лет после восстановления независимости, французскому правительству удалось получить концессию на проведение в Афганистане археологических изысканий. В течение долгих лет их вел известный археолог проф. А. Фуше, исследования которого в Бамиане, в районе Кабула и Балха пролили свет на многие страницы древней истории страны. Франко-афганская археологическая миссия (ДАФА) работает в стране и по сей день, сделав немало интересных открытий.

Однако поначалу деятельность А. Фуше и его коллег не давала заметных результатов. В 1924—1925 гг. в районе Балха и в развалинах старого города исследователи натолкнулись на образцы только буддийской культуры. Они обнаружили ступы из прочного кирпича, относящиеся к первым векам нашей эры и достигавшие иногда высоты более 20 м. Поэтому долгое время именно они оставались самыми древними памятниками, найденными на территории Афганистана. Лишь значительно позднее в районе Кандагара, в Мундигаке, были

обнаружены культурные образцы эпохи бронзы, а в начале 70-х годов советско-афганская археологическая экспедиция открыла в районе Акчи, в нескольких десятках километров от Балха, целые наслоения культур, начиная от эпохи бронзы и кончая образцами греко-бактрийской цивилизации.

Афганское правительство все большее внимание уделяет развитию археологии, и генеральная дирекция Управления археологии и охраны исторических памятников заключила соглашения о сотрудничестве с научными учреждениями СССР, Ирака, Японии, Англии. Летом 1978 г. заключено соглашение о сотрудничестве между Кабульским музеем и Государственным музеем искусства народов Востока СССР.

Помимо бесспорной научной ценности интенсификация археологических исследований в стране стимулирует и значительное развитие иностранного туризма, который, особенно в последние годы, становится все более важным источником дополнительных валютных поступлений в госбюджет. Но не всех туристов с Запада действительно интересует историческое прошлое Афганистана. Сопровождавший нас по музею гид показывал немало образцов — начиная от бактрийских монет и кончая метровыми каменными Буддами, — которые предприимчивые «любители» старины пытались нелегально вывезти из страны. Когда мы были в Бамиане, представитель туристической организации Афганистана удрученно рассказывал о том, как ищущие «уединения» в анфиладах древней пещерной обители буддистов хиппи варварски уничтожают ценнейшие настенные фрески.

...За одно посещение Кабульского музея можно составить лишь общее впечатление о всем богатстве культурных и исторических традиций, своеобразии уклада жизни и быта населяющих территорию Афганистана пуштунов и таджиков, узбеков и туркмен, хазарейцев, чараймаков и других народов. Но для каждого, кто приезжает в эту древнюю страну, открывающую сегодня новую главу своей истории, музей в Дар уль-Амане является тем вступлением к большой книге, которое надо обязательно прочесть, прежде чем открыть ее первую главу.

ЛЕГЕНДА О НЕБЕСНОМ КАМНЕ

Кабул просыпается рано, и уже часов в пять на улицах появляются первые «карачи», направляющиеся в сторону рынков и оптовых складов. Эти деревянные ручные повозки на двух резиновых или деревянных колесах все еще остаются одним из видов грузового транспорта. На карачи перевозят все: от автозапчастей, огромных мешков с хлопком, бараньих и говяжьих туш до живого скота, свежих дынь и арбузов. Ведь карачи, во-первых, дешевле, а, во-вторых, в толчее улиц нередко мобильнее других средств транспорта. Как-то я наблюдал «караван» карачи примерно из трех десятков повозок, который вез через весь Кабул экипировку целой киносъёмочной группы.

Обычно повозку тянут один-два человека. В основном это хазарейцы, приехавшие в Кабул на заработки, их называют «карачивала». За пять-шесть лет нелегкого труда они наскребают на клочок земли и возвращаются в обжитые места, в свой Хазараджат, что в центральной части страны. Многие карачивала отличаются недюжинной силой и выносливостью. Лет двадцать назад, рассказывал мне один шофер такси, по всему Кабулу шла слава о карачивала, который мог тянуть повозку с целым харваром (565 кг) груза. Сейчас уже никто и не помнит его настоящего имени, а только закрепившееся за ним прозвище Харвари.

Вслед за карачи появляются такси и первые автобусы, маршруты которых связывают все основные районы города и его окрестности. Грузовые же автомобили выглядят совершенно необычно и подчас кажутся двухэтажными. Каждый владелец «наращивает» борта и перестраивает кабины, укорачивая их и надстраивая деревянные площадки для груза. Кузов и кабина, как уже упоминалось, ярко разрисовываются зверями, птицами, цветами, небесными светилами, расписываются отрывками из Корана, а ветровые стекла и края сидений кабины украшаются разноцветной тесьмой, бумажными цветами и талисманами. Из такой кабины видна только узкая полоска дороги.

Улицы оглашаются резкими, пронзительными криками подручных шоферов — «келинаров». Келинар есть у каждого водителя. Громкоголосые и расторопные, они

заывают пассажиров на очередной рейс. Во время движения транспорта они виртуозно висят на ступенях автобусов или на высоких задних бортах грузовиков, с бешеной скоростью мчащихся по крутым горным дорогам. Слово «келинар» — искажение английского глагола «to clean» («чистить»). Таких заимствований в пушту и дари* немало. С начала 70-х годов все большую популярность приобретают и авторикши, сконструированные на базе мотороллеров.

Среди калейдоскопа автобусов, авторикш и грузовиков выделяются такси, которые можно сразу узнать по черно-белой окраске кузова. Сегодня в Кабуле уже несколько тысяч такси, что по масштабам автопарка Афганистана, насчитывавшего в 1975 г. 35 тыс. транспортных единиц, немало. И трудно представить, что каких-нибудь 20 лет назад современных такси в городе не было вообще. Первыми такси стали несколько наших «Побед», в 1956 г. вместе с партией автобусов переданных Моссоветом в дар кабульскому муниципалитету. И сегодня среди пестроты автомобилей разных марок в Кабуле нет-нет да и встретишь старенькую «Победу», а «Волги» пользуются у водителей такси особой популярностью. «Крепкая, надежная машина», — говорят о ней в Афганистане.

С раннего утра начинается и жизнь базаров. Убериге их из городского пейзажа — и Кабул потеряет добрую половину своеобразия и колорита. Отделить Кабул от базаров невозможно — они здесь повсюду. Это ровные ряды традиционных духанов, лавок и оптовых складов, портняжные, меховые и обувные мастерские старого города; это современные универмаги и специализированные магазины в его новой части; это и бесконечные лотки уличных торговцев овощами, фруктами, сигаретами, лезвиями, кока-колой, жевательной резинкой и открытками.

Торгуют везде — на широких улицах и в узких проулках, на площадях и во дворах, на мостах и в парках. На всегда многолюдной Джадайи-Майванд каждое утро деловито раскладывают нехитрый инструмент уличные цирюльники и сапожники, а под навесами больших мануфактурных лавок примостились продавцы целебных трав и снадобий. У глухих, покрытых голубыми израз-

* Пушту и дари — государственные языки Афганистана.

нами стен соборной мечети Поли Хишти разложили товар продавцы каракулевых шапок, четок и талисманов. У набережной за 2 афгани* прохожим предлагают сделать несколько затяжек из глиняных «чилимов», а на каменистых парапетах — настоящая выставка ковров и папирос. Восседая на своем товаре в ожидании покупателей, неторопливо беседуют хозяева с продавцами кока-колы и шербета.

Приготовление сладкого шербета особенно распространено в летнее время, и он небезуспешно конкурирует с кока-колой, выпускаемой местной компанией. Шербет принято подавать холодным, с кусочками льда или снега. Раньше в городах (сейчас эта традиция осталась преимущественно в сельской местности) специально запасали снег на лето. Для этого у предгорьев строили большие «яхданы» — ледники, состоявшие из нескольких подземных камер, куда собирали снег, накрывая его плотным слоем соломы. «Живой» снег сохранялся все лето и использовался как для охлаждения шербета, так и для приготовления домашнего мороженого. Остатки таких ледников в Кабуле и сегодня можно видеть у подножия Шир-Дарваза.

На все голоса зазывают продавцы круглых и овальных лепешек, пшеничного и маисового хлеба и традиционных сладостей — печений и халвы. Вот крупные буро-кирпичные караваи морковной халвы — одной из самых ароматных и вкусных. Ее готовят из протертой моркови с сахаром и грецкими орехами. А вот халва, по внешнему виду напоминающая пышные облады. Ее состав — те же сахар и грецкие орехи. Продавцы утверждают, что она стимулирует работу головного мозга. Может быть, поэтому ее и называли мозговой халвой.

Лотки и лавки саложников, галантерейщиков, мануфактурные и жестяные ряды тянутся до огромных, примыкающих к Джадайи-Майванд и мечети Поли Хишти кварталов старого оптового базара. Это и есть Миндави — самый крупный кабульский рынок, без которого город так же немыслим, как Агра без Тадж-Махала. Хотя за Миндави закрепилось название оптового базара, кабульцы покупают здесь все и в розницу: зубочист-

* А ф г а н и — денежная единица в Афганистане. 60,4 афгани — 1 руб.

ки, шнурки, губную помаду и обувь, сухофрукты, свежий виноград и персики, легкую парчу, тонкую шерсть и готовую одежду. Индийские пряности соседствуют со скобяными товарами, столовое стекло — с рулонами бечевки и сырой кожи. Целые ряды занимают жестянички, достигшие в своем ремесле виртуозного мастерства. Чтобы показать товар лицом, они выставляют жестяную посуду и на чудом свободном от толчеи базара «пятачке», и на любой стене, и в каждом углу лавки. Здесь кувшины с узкими загнутыми горлышками, подносы, бачки для воды, чайники и самовары. Но уровень мастерства жестяничка определяет его умение сделать бухари. Мода не обошла и эту традиционную продукцию афганских ремесленников: на смену круглым пришли печки в виде шаров и кубов, украшенных орнаментом. Профессия жестяничка, как и многие другие, передается по наследству, и настоящий мастер может вырасти только из подмастерья — «шагирда», которого обязательно встретишь в любой лавке. Покупая бухари, принято добавлять «шагирдани» — несколько монет для подмастерья.

На Миндави встретишь любого кабульца: и того, одетого по-европейски, кто приезжает на своем автомобиле последней марки, и того, кто пришел сюда пешком, в стоптанных сандалиях — «чаплях» — на босу ногу, в традиционных шароварах, рубашке навывпуск, поношенном жилете и пиджаке с чужого плеча. Миндави, как, впрочем, и весь Кабул, не подвержен капризам моды: каждый носит то, что у него есть, и одежда горожан представляет собой пестрое сочетание разных стилей. Здесь встретишь экстрамодного юношу в расклеванных брюках и вместе с тем в традиционной афганской каракулевой шапке. Наряду со шляпами носят тюбетейки и белоснежные дастары, мини-, миди- и макси-юбки с вышитыми разноцветным бисером блузами — элементом одежды кочевых племен. Чаше, чем в других районах города, на Миндави можно увидеть и чадру — старенькую, залатанную, из-под которой торчат простые галоши на босу ногу, и красивую, новую, которая под стать модным туфлям на «платформе». Из-за густой сетки на лице смотрят на прохожих настороженные и пытливые глаза. А вокруг — разноголосый шум и говор базара.

Языки пушту и дары отличаются богатством арсенала приветствий и обращений. Вежливость и любезность — неотъемлемая черта каждого афганца, к какому бы слою общества он ни принадлежал. Встречаясь на улице, знакомые долго приветствуют друг друга, расспрашивая о здоровье, делах, житье-бытье. Нередко наблюдаешь такую сцену: на самой середине проезжей части стоят два приятеля и, не обращая внимания ни на движущийся транспорт, ни на пешеходов, мирно беседуют, что порой доставляет немало хлопот водителям.

Эта особенность характерна и для эпистолярного стиля: в письме о себе пишут в третьем лице, а обращение к адресату ставится только во множественном числе. Таков же стиль уличной рекламы и объявлений. Например, возле управления регулирования уличного движения прохожий прочтет такую надпись: «Когда во двор входит взятка, то справедливость вылетает в окно!» Лаконично и мудро! В духанах на Миндави рядом с отрывками из Корана, такими, как традиционное «Нет бога кроме Аллаха», висит в разных вариациях прозаически-лирическая казуистика типа «Просим прощения, но сегодня — за наличные, а в долг — завтра».

К Миндави примыкают остатки старого крытого базара Чарчата (Четыре арки). Это вереница узких улочек и переулков с глинобитными постройками. Здесь когда-то был целый квартал лавок ювелиров-заргяров. Сейчас они в основном располагаются неподалеку, вдоль набережной Кабула.

Ювелирное дело — здесь традиционное ремесло. Однако, по признанию самих кабульских «заргяров» — они всегда были гораздо лучшими мастерами по серебру, чем по золоту. Одна из причин заключается в том, что серебро здесь издавна имело большее хождение, чем золото, а серебряные кольца считались талисманом.

Золотые копи были и труднодоступны, и не отличались богатством. Наиболее распространенной оставалась промывка золотого песка на берегах Амударьи, и древний способ, передававшийся из поколения в поколение, был простым, но трудоемким. На берегу устраивали покатую насыпь и покрывали ее овчинами шерстью вверх. Над овчинами ставили проволочную сеть и на нее лопатами насыпали песок, затем поливали его водой. Крупный песок оставался на сети, а мелкий с части-

цами золота осаждался на овчине. Но и сегодня афганского золота почти не встретишь в ювелирной лавке, и украшения делаются, как правило, либо из переплавляемых монет, либо из старых изделий. У каждого ювелира множество золотых «пехлеви», ливанского золота, а иногда встретишь и старые русские пяти- и десятирублевые монеты.

Что же касается серебряных украшений, то их сейчас во множестве можно встретить в знаменитых «антикфоруши» — антикварных лавках Кабула. На Миндави их нет: рассчитанные на иностранцев, они располагаются в новой части города. Чего только не увидишь в антикфоруши: старые часы и ковры, самовары и монеты, холодное и огнестрельное оружие, которое уже давно не стреляет, зато привлекает отделкой казенной части и приклада, посуду и светильники, национальную одежду и украшения кочевников! Одни лавки специализируются на оружии, коврах и предметах домашнего обихода, другие — на одежде и украшениях.

— Эти предметы, — рассказал мне как-то владелец одной из антикфоруши, — как правило, не имеют исторической ценности. Мы строго следим за вывозом из страны антиквариата, и для того чтобы вывезти антикварную вещь, необходимо получить сертификат Управления археологии и охраны исторических памятников.

Старое оружие лавочники скупают у кочевников, которые охотно продают его за наличные, а резную мебель ни низких ножках и небольшие деревянные статуэтки богов предлагают тем, кто хочет оставить на память образцы быта жителей Нуристана. Много, правда, делается и по заказу, но по старым образцам.

Однако самые любопытные лавки — те, где продают национальные одежду и украшения: длинные вышитые рубахи, обувь, металлические с тонкой резьбой, крупными агатами, лазуритом и бирюзой пояса, серебряные и латунные серьги, броши, массивные ожерелья и многорядные браслеты.

Хозяин одной из таких лавок, продемонстрировав все украшения, вдруг стал быстро снимать их со стены, обитой тонкой красной материей. Разбросав изделия по полу, он резким движением сорвал со стены обивку, за которой оказалась дверь, куда он мне предложил войти. Когда был включен свет, я увидел, что стены

небольшой комнаты были от пола до потолка увешаны серебряными и латунными украшениями. Мне они показались такими же, как и те, что выставлены в лавке, но разница в цене была огромная.

— Здесь собраны только действительно старинные образцы ювелирного искусства кочевников, — пояснил хозяин. — Сейчас, когда среди иностранцев резко возросла мода на простые, грубые по обработке украшения кочевников, появилось множество подделок, которые с первого взгляда просто не отличишь от настоящих.

Действительно, летом, когда в Афганистан приезжает особенно много туристов, антикварные лавки Кабула не знают покоя, и местом торговли становятся даже тротуары и парки. Тогда же здесь появляются и множество хиппи. Толпясь на кабульских базарах, они все что-то деловито выпрашивают и ищут. Но, увы, не древняя история, не археологические памятники и не этнография страны интересуют их, хотя хиппи и щеголяют в амулетах и длинных платьях «под кочевников». Не встретишь их ни в Кабульском музее, ни на ферме, ни на промышленном предприятии — они безразличны ко всему. Привела же их сюда главным образом страсть к наркотикам. Но им все же далеко до «деловых» людей. Стремясь использовать афганские пограничные пункты для транзита запретного товара из Китая и Юго-Восточной Азии, эти последние прибегают к самым изощренным методам и ухищрениям, по сравнению с которыми двойное дно чемоданов «хиппи», опечатанные коробки из-под кинолент с припиской «не проявлено», канистры из-под бензина — детские забавы.

...Фасадом на набережную обращены десятки небольших ювелирных лавок. Они же — и мастерские, в глубине которых на небольших наковальнях набором легких молоточков придают изделиям форму заргяры, игрушечными мехами раздувая пламя в игрушечных горнах. Вся продукция: массивные золотые и серебряные браслеты, кулоны, броши и кольца с рубинами, топазами, агатами и александритами, на виду — на стенах, за стеклами витрин и полок, выставленных прямо на улице.

Но особенно много изделий из небесно-синего камня: от запонок и табакерок до небольших скульптурных фигурок и просто тонко отшлифованных пластинок. Это

знаменитый афганский лазурит — «ладжвард». В изделиях он эффектно оттеняет блеск золота, матовость серебра и естественную гамму цветов популярного в Афганистане отделочного камня — арагонита. Хотя лазурит считается полудрагоценным камнем, но ценится на вес золота — грамм за грамм. И это не случайно. Еще древние восхищались красотой и удивительной «теплотой» его красок. Более 700 лет назад Марко Поло, описывая свое путешествие в Китай и сообщая, в частности, об огромных залежах серебра, меди и свинца в северо-восточных районах Афганистана, упоминал о драгоценных камнях. Среди них итальянец особо выделял лазурит как лучший в мире по качеству. Таковым камень остается здесь и по сей день.

История лазурита, насчитывающая более 7 тыс. лет, и добыча ляпис-лазури, или лазуревоего камня, многие столетия была окутана таинственными легендами и мрачной славой. Лазурит очень красив в ярких сверкающих лучах солнца, когда в нем отражается бездонная синева неба. В сумерках же он как бы мрачнеет, становится тусклым, почти черным. Поэтому особую популярность этот камень издавна приобрел именно в Южной Азии, столь богатой солнцем и сочными красками.

Китайские мандарины, считавшие свою власть небесной, сделали лазурит эмблемой и приказывалишивать его бусинки на свои замысловатые головные уборы. Неповторимая красота камня настолько покорила китайцев, что они искусственно окрашивали в синий цвет свой любимый агальматолит. В древней Персии, Индии, Ассирии и Вавилонии, обжигая небесный камень на кострах, растерев его в порошок и добавив немного смолы и масла, получали ценнейшую природную краску — ультрамарин. Благодаря необычной устойчивости ультрамарина до наших дней сохранились не только многие образцы украшений далеких времен, но и знаменитые полотна европейских мастеров раннего средневековья.

Как мягкий камень лазурит во все времена широко использовался в камнерезанье. Он получил немалое распространение в древнем Египте как священный камень, где из него делали амулеты и фигурки. В средневековой Италии он шел на изготовление ваз, чаш, кубков, эле-

монгов мебели и зеркальных рам, а великий Бенвенуто Челлини в своих трактатах посвятил лазуриту немало строк.

Однако этот камень все же нечасто доходил до Европы и еще в конце XVIII в. ценился как чрезвычайная редкость. В Россию, куда до открытия в середине XIX в. залежей лазурита в Сибири и в 40-х годах нашего столетия на Памире, он долгое время доходил окольными путями через Китай и обменивался на серебро — фунт за фунт. Именно русские умельцы-камнерезы достигли непревзойденных вершин в тонкости и изяществе обработки лазурита. Многие экспонаты, собранные в Эрмитаже, — яркие тому свидетели. Темным бадахшанским лазуритом отделаны и внутренние колонны Исаакиевского собора.

Долгое время не была точно известна родина лазурита, откуда небольшими партиями и с таким трудом он доставлялся по долгим и небезопасным караванным дорогам. Иногда его родиной считали Иран, иногда Китай, а то Армению и Бухару. Однако впервые синий камень был обнаружен в Бадахшане — труднодоступном районе Памира, на крайнем северо-востоке Афганистана. Отсюда по узким горным тропам и переходам его отправляли на восток, юг и запад, и до открытия залежей русского лазуритового камня в Сибири и светло-голубого лазурита в Южной Америке, найденного в конце прошлого века, бадахшанское месторождение оставалось единственным в мире. Однако и сегодня качество афганского лазурита — ладжварда — остается непревзойденным.

Попасть в Бадахшан можно лишь летом. Добираться по горным кручам приходится на лошадях или яках, рискуя попасть под обвалы и оказаться навеки запертым в горном ущелье. Эти места, редко населенные киргизами-скотоводами, влекут любителей природы своей первозданной красотой, охотников — соблазном попытаться счастья в погоне за горным козлом «маркополо», лингвистов и этнографов — остающимся исключительно традиционным образом жизни местного населения, геологов — почти не изученной структурой горных пород.

Маня смельчаков таинственностью, копи ладжварда долгое время оставались окутанными тайной, которую не могли раскрыть сбивчивые и отрывочные рассказы

очевидцев. Афганские эмиры, никого не допуская к его месторождениям, сделали их своей регалией. Лазурит добывался небольшими партиями, чтобы не снижать цены. Его запасы в Бадахшане точно не определены. Более того, долгое время было практически невозможно даже составить их примерное описание. Редкие смельчачи отваживались в поисках своего «лазурного счастья» отправиться в Бадахшан, но чаще всего гибли в пути, а те, кому удавалось добраться до места и вернуться с добытым камнем, тайно сбывали его перекупщикам.

Доступ к месторождениям, лежащим высоко в горах в породах известняка, всегда был чрезвычайно труден, а выработки настолько завалены обломками горной породы, что добираться до них порой приходилось только ползком. Однако и на этом трудности не кончались: добыча лазурита была сопряжена со значительным риском. Обычно у намеченного для выработки места разжигали костер, раскалившийся камень обливали холодной водой, он трескался, после чего его раскалывали на куски и вытаскивали наружу.

Сегодня в Бадахшане эксплуатируется пять расположенных в его южной части месторождений лазурита, самое крупное из которых находится на высоте почти 4 тыс. м. Министерством горных дел и промышленности Афганистана созданы государственные мастерские по обработке этого ценного самоцвета, и, побывав на небольшой выставке-музее, надолго запоминаешь экспозицию разнообразнейших изделий афганских камнерезов.

ЧЕРЕЗ ГИНДУКУШ

От Кабула берут начало три основные магистрали страны. Восточная ведет в царство сухих субтропиков — Нанграхар. Юго-восточная полукольцом через обширные пустыни огибает южные районы и связывает столицу с Газни, Кандагаром и Гератом. Наш же путь лежит на север, по той дороге, которая, прорезая седые громады Гиндукуша, через высокогорный перевал Саланг связывает Кабул с экономически развитыми районами Афганистана.

За окнами автомобиля остаются аккуратные здания

Углок древнего базара

Политехнического института, затем минуем городские предместья, опытные участки министерства сельского хозяйства. Последняя остановка — у бензозаправочной станции. Дорога идет на подъем. Бросая последний взгляд на Кабул, окутанный легкой утренней дымкой, вижу далеко на холме на фоне массивного, в форме огромного серого кирпича здания «Интерконтиненталья» зеленые игрушечные купола старого дворца Баге-Бала, ровные ряды белоснежных кварталов с плоскими крышами, минарет Поли Хишти, вдалеке Бала-Хиссар, а слева, насколько хватает глаз, небольшие селения попеременно с болотами, славящимися прекрасной охотой на диких уток.

Северная часть долины Кабула носит название Кухдаман — предгорье. Пожалуй, то самая живописная ее часть. Вдоль дороги посева пшеницы и табака сменяются обширными виноградниками, зарослями миндаля, вишневыми и абрикосовыми садами, а глинобитные селения и игрушечные городки чередуются с тенистыми тополиными рощами.

Если летом свернуть с дороги в сторону, то минут через двадцать езды по ухабистой дороге оказываешься в настоящем царстве воды и зелени платанов и тополей. Особо популярен в Кухдамане, как, впрочем, во всех южных предгорьях Гиндукуша, тутовник. Здесь насчитывается множество его сортов, а заросли тутового дерева состоят порой из десятков тысяч деревьев. Плоды тутовника едят не только свежими и нередко вместо сахара с чаем, но и в сушеном виде, смешивая его с другими сухофруктами. «Тутовник — хлеб Кухдамана», — говорят местные жители.

Но все же особо славится Кухдаман виноградниками. Когда осенью проезжаешь мимо его селений, внимание привлекают многочисленные гроздья, развешанные прямо на дувалах и на деревянных конструкциях — это сушится кишмиш. А в сезон сбора урожая сотни огромных плетеных корзин, наполненных виноградом, выстраиваются вдоль шоссе в ожидании погрузки.

На фоне холмистых предгорий большим зеленым пятном выделяется Карезимир — густые яблоневые сады, обширный, аккуратно распланированный парк с оранжереями и большой коллекцией карликовых расте-

ний и кактусов, небольшой дворец с острыми башнями, экспериментальная животноводческая ферма. Карезимир в прошлом имение королей — теперь собственность народа, и здесь предполагается создать кооператив.

Мелькают придорожные чайные и духаны небольших селений. В селениях множество лавок, где торгуют керамическими изделиями: тарелками, кубками, вазами, статуэтками, пепельницами. В нарочитом беспорядке они развешаны по стенам, а также навалены и разложены на земле.

Километров через тридцать пять сворачиваем с основного шоссе влево. Ухабистая крутая дорога петляет по склонам, по краям которых уютно примостились уютные в садах небольшие селения. Наконец выезжаем на обширную площадку, обрамленную кронами столетних платанов. Впереди открывается широкая панорама Кухдамана и Гиндукуша, а слева — городок с глинобитными домами, террасами карабкающимися к вершине большого холма. Плоские крыши и дувалы каждого двора почти скрыты за густыми фруктовыми деревьями и виноградниками. Это Исталиф — не только самое большое и одно из самых древних поселений Кухдамана, но, пожалуй, и самое живописное из всех, что мне доводилось видеть на дорогах Афганистана.

Как Пагман и Карезимир, Исталиф давно стал одним из любимейших мест отдыха кабульцев. Приезжают сюда семьями, на целый день, с чайниками, мангалами, котлами для плова. Под звенящие струны «рубаб» молодежь поет народные песни, танцует. Из окрестных деревень приходят продавцы фруктов, орехов и сладостей. Я ни разу не видел, чтобы здесь кто-нибудь выбросил пустой пакет или сломал ветку. Таблички на всякий случай напоминают: «Сад без цветов — что семья без детей!» Летом сюда приезжают и автобусы с иностранными туристами, поэтому производство оригинальных поделок уже давно стало доходным предприятием города.

Вся жизнь Исталифа сосредоточена на единственной улице. Это и базар, и мастерские, и место встреч жителей. То карабаясь вверх, то стремительно падая вниз, к ним вливаются узкие проулки. Базар города разнообразен. Здесь множество предметов труда ремесленни-

ков: выделанные кожи и меха, керамика, добротные паласы, множество ювелирных изделий, а лавки «древностей» завалены старым оружием, посудой, светильниками. По своему колориту они не уступают кабульским антикфоруши с многочисленными кремниевыми ружьями, аркебузами, пистолетами с воронкообразными дулами, шлемами, кольчугами и разнообразием холодного оружия. Инкрустированные приклады и ложа, гладкие стволы орнаментированы искусной гравировкой. Все это нередко делается на месте. При этом изделию обязательно придается «древность», дряхлость. Проходя мимо одной из таких лавок, я обратил внимание, как двое мастеровых, склонившись над столярным столом с полдюжиной прикладов, придавали им антикварную ветхость. Увлеченные работой, они не заметили моего присутствия и сосредоточенно продолжали «колдовать» над перламутровой инкрустацией ружей.

Если Кухдаман — один из важных районов виноградарства, то окрестности Исталифа — его главный центр. Особенно славится город своими белыми сортами винограда, и значительное его количество в свежем виде вывозится за рубеж. Зимой местный виноград не сходит и с прилавков кабульских базаров. Вековой опыт крестьянина выработал систему его хранения: спелые гроздья аккуратно обертывают хлопковой тканью и упаковывают в небольшие деревянные ящики. Иногда виноград засыпают в сильно увлажненную землю, и он сохраняется свежим до следующего сезона.

Рассказывают, что название города связано с войнами Александра Македонского. Утопавшее в виноградниках селение так было похоже на родные деревни македонских крестьян, а его ароматный виноград был так похож на выращиваемый у них в Македонии, что легионеры называли городок на греческий манер — Исталиф.

...Позади остается Чарикар, ремесленники которого широко известны выделыванием ножей всевозможных видов и размеров. Минуем развалины старой Каписы, столицы кушанских царей, и узкую проселочную дорогу в Бамиан — древний буддийский центр. Едем прямо, и чем дальше, тем все отчетливее вырастают первые ярусы гранитных отрогов Гиндукуша.

Джабаль-ус-Сирадж приютился у самой его подошвы. Когда Александр Македонский подошел к южным

склонам Гиндукуша, он приказал построить здесь один из самых больших своих фортов, назвав его Александрия Кавказская (греки называли Гиндукуш Кавказом). Сейчас же Джабаль-ус-Сирадж известен в стране не столько своим прошлым, сколько настоящим. Здесь построены цементный завод, продукция которого обеспечивает почти весь кабульский экономический район, одна из старейших в стране текстильных фабрик, электростанция. Когда в 1958 г. началось строительство высокогорной шоссейной дороги через Гиндукуш, в старом ущелье эмиров располагалась контора управления строительства и жили специалисты.

Истляя среди то отвесных, то пологих гор, коричнево-стальной цвет которых лишь изредка нарушается, кажется, чудом оказавшимися на скалах одинокими деревьями и террасообразными полями, дорога осторожно, но упорно карабкается вверх. Чем выше, тем меньше дождей. Все реже у дороги попадаются чайные, все чаще к самому ее полотну подкрадываются языки снежных оползней. На смену легким бетонным мостам, перекинутым через многочисленные горные потоки, приходят вереницы бетонных галерей, защищающих дорогу от опасных оползней снега, который на этой высоте уже не тает круглый год.

Резкий, порывистый ветер обжигает лицо, становится труднее дышать, напряженно и глухо дышит двигатель, и все, кто был в машине, как-то сразу притихли, словно боясь нарушить наваждение все теснее обступающей нас горной поэмы. перевал Саланг завораживает величием нагромождений скал, то сжимающих его, то неожиданно расступающихся перед ним. И тогда с высоты небольшого «пяточка» можно увидеть бескрайние поля заснеженных конусов горных вершин. Они заслоняют не только горизонт, но и почти половину прозрачного безоблачного неба. Кажется, нет в мире ни равнин, ни лесов, ни городов, и все в нем только эти молчаливые и величественные горы.

Мощные хребты Гиндукуша высотой в некоторых местах более 7 тыс. м изрезаны сетью продольных долин и глубоких ущелий. Их длина достигает 800 км, ширина — от 50 до 350 км. «Гиндукуш и Гималаи — родные братья, а Памир — их отец», — говорят жители высокогорных долин.

Действительно, обе горные системы, беря начало на Памире, гигантскими ветвями расходятся от Крыши мира в разные стороны: Гималаи — на юго-восток, а Гиндукуш — на юго-запад. Основная часть Гиндукуша, или Индийской горы (перевод этого названия), расположена в Афганистане, Индии и Пакистане. Сложенный из гранитов, палеозойских мраморов, сланцев, известняков и песчаника, он богат залежами каменного угля, железа, меди, хрома, серы, каменной соли, драгоценных и полудрагоценных камней. Не менее разнообразен и его животный мир: снежный барс и гриф, торный волк и козел, кабан и медведь, рысь и леопард. На территории Афганистана Гиндукуш прорезают несколько относительно удобных для перехода горных проходов. Саланг, один из наиболее удобных и коротких проходов, связывающих центральные и северные районы страны, проходит почти по самой середине этой — одной из величайших — горной системы мира.

Но сотни лет и Саланг имел недобрую славу: узкими, опасными тропами, ведущими в глубокие пропасти, медленно пробирались через перевал груженные товаром караваны, но суровой и снежной зимой дорога на несколько месяцев становилась непроходимой. Может быть, именно здесь, где девять месяцев в году лежит снег, и родилось второе толкование названия Гиндукуш — «Убивающий индийца»: непривыкшие к холодам и снегу путники из Индии, которые когда-то переправлялись через его хребты, нередко почти все погибали в пути.

Долины Саланга — это в основном каменистые склоны, в нижней своей части богатые тутовником и лекарственными растениями. Заросли ценной облепихи, плоды которой служат важнейшим сырьем для производства поливитаминного препарата «облепиховое масло», лишь один из сотен видов местных растений, которые активно используются в современной медицине.

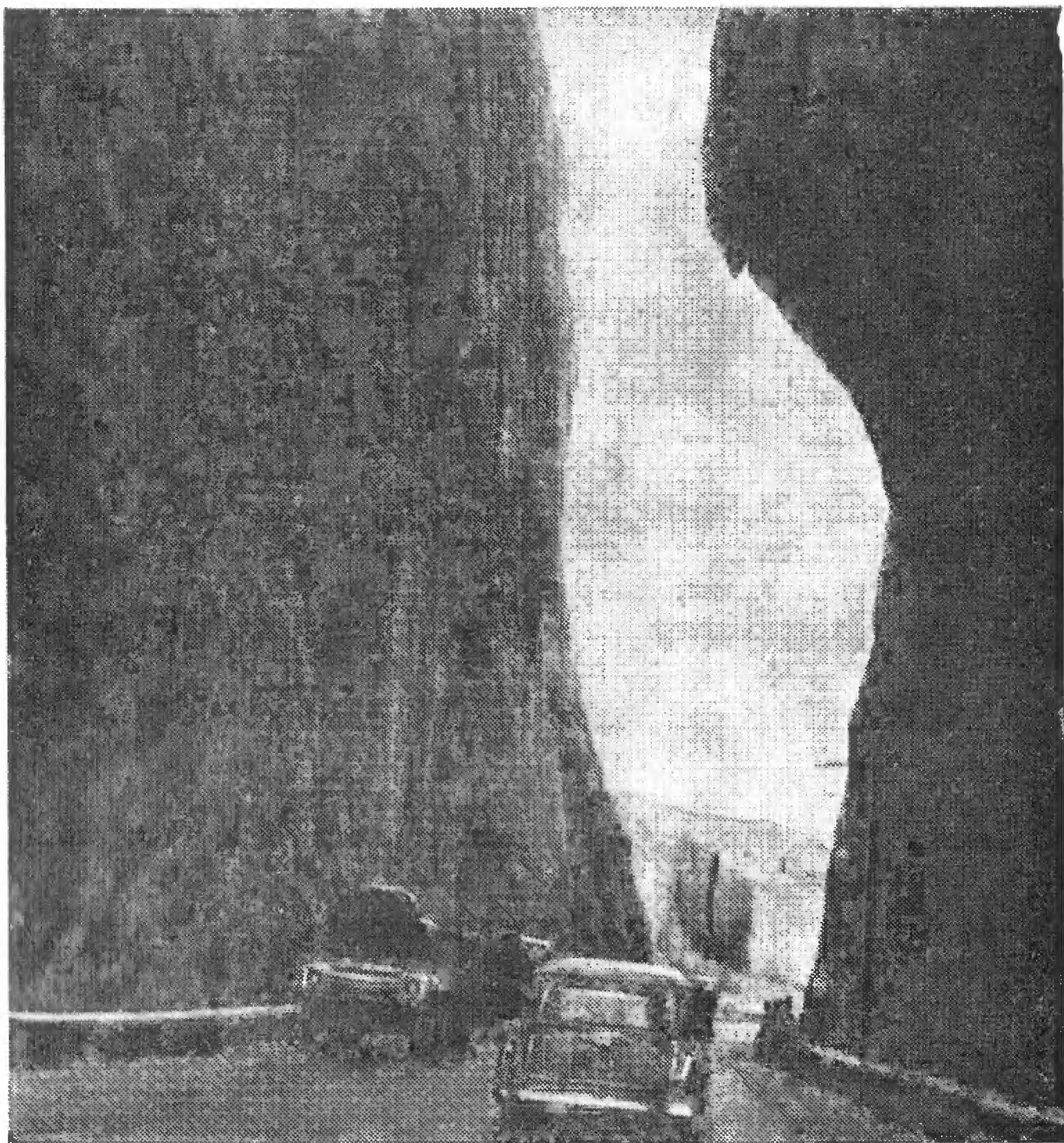
Сбор лекарственных трав и растений культивируется в Афганистане повсеместно, и народная медицина имеет богатую традициями историю. Все еще нередко наряду с современными аптеками в городах можно встретить лавки и просто уличных торговцев, разложивших на земле многочисленные коробочки, скляночки, бутылочки и банки с разноцветными кореньями, смолами, се-

Менями и разнообразными снадобьями. Многие из них одновременно являются носителями и хранителями передающихся из поколения в поколение способов народного врачевания. Оно предлагает всевозможные горячительные, возбуждающие и охлаждающие (жаропонижающие) средства для больных всех возрастов. Опыт населения по использованию растений в медицинских целях почти не изучен, а запас эмпирических знаний народной афганской медицины велик, хотя нередко народная медицина смешивается со знахарством, и вам, к примеру, могут предложить средство для «привораживания».

При врачевании широко используют и культивируемые масличные растения: лен и кунжут — для размягчения тканей, коноплю и мак — как наркотики, клещевину — как слабительное, а растение с местным названием «хакшир» понижает жар и, употребляемое с теплой водой, облегчает состояние больного, а с холодной — укрепляет организм. Лекарственными афганцы считают и многие пряные эфиромасличные растения: их курят в чилиме при простуде горла, применяют при насморке, как мочегонное и как желудочное средство.

В лекарственных целях употребляются и многие дикорастущие растения. На базарах встретишь *Peganum harmala*, который в Афганистане называют «гармаль», и обычай предписывает сжигать его у домов для избавления от «плохих духов». Семена подорожника иногда смешивают с водой и употребляют в жаркое время как жаропонижающее. На базарах много и лекарств из Индии, которыми, как правило, торгуют выходцы из этой страны.

Афганистан экспортирует целый ряд лекарственных растений. Их вывоз постоянно растет. По оценкам специалистов, страна обладает огромными потенциальными возможностями как для увеличения сбора и экспорта традиционных лекарственных растений, используемых в современной медицине, так и для культивирования многих новых видов. Но богатый опыт народной медицины Афганистана пока не стал достоянием науки. Еще не издано ни одного справочника по афганским лекарственным растениям, не установлены их научные названия, не уточнены заболевания, при которых они используются, формы и способы их применения и т. д. И все это несмотря на то, что ученые располагают достаточно

Скала Искандера

широким представлением о флоре Афганистана. Но ботанический материал ряда иностранных экспедиций с Запада утерян для страны, так как все собранные гербарии были вывезены.

В середине 70-х годов в Афганистане побывала группа ученых МГУ, с целью оказания содействия в разработке программы по увеличению заготовок местного сырья для удовлетворения внутренних потребностей в медикаментах растительного происхождения и расширения экспорта лекарственных трав и самих лекарств. Покрыв почти 5 тыс. км, экспедиция побывала во многих районах и составила богатый гербарий более чем из

750 видов лекарственных растений, который был передан министерству здравоохранения страны. Это послужило основой для создания документально-справочного гербария, необходимого для серьезного изучения лекарственных и других полезных растений, которыми столь богата афганская флора.

...В последние десятилетия благодаря развитию экономических связей между различными районами страны перед афганским правительством все острее вставал вопрос о необходимости сооружения через Гиндукуш современной автодороги. Первые попытки привести этот замысел в исполнение относятся еще к 30-м годам, но отсутствие необходимых для проведения работ средств сорвало эти планы.

Строительство автомобильной дороги от Кабула через Саланг к северным склонам Гиндукуша протяженностью 108 км стало важнейшим объектом инфраструктуры, включенным в первый пятилетний план развития Афганистана. Но оно требовало не только невиданных до того времени капиталовложений, но и техники и специалистов. На помощь своему южному соседу пришел Советский Союз. Строительство заняло несколько лет (1956—1964) и превратилось в один из ярчайших образцов плодотворного технико-экономического сотрудничества двух стран.

«С открытием дороги через Саланг и покорением этих великих гор открылась новая глава в экономической истории нашего народа», — отмечалось в книге «Саланг», изданной в Кабуле после завершения строительства. Действительно, строительство дороги позволило кратчайшим путем связать центральные и северные районы страны, дав новый импульс к укреплению их хозяйственных связей. Трудно переоценить значение туннеля, на 200 км сократившего путь от южных до северных отрогов Гиндукуша, путь тяжелый и опасный из-за снежных обвалов и крутизны горных дорог. Но что не менее важно, время для покрытия расстояния от Кабула до Пули-Хумри, первого крупного города на северных склонах Гиндукуша, сократилось с двух дней до четырех часов.

На строительстве были заняты сотни механиков, бульдозеристов, трактористов, подрывников и рабочих других квалификаций, а также более 500 шоферов. Мно-

гие из них получили специальности прямо на строительстве, где советские коллеги, передавая свой богатый опыт, подготовили за годы сооружения дороги более 2 тыс. специалистов. Впоследствии многие из них успешно применяли полученные знания на других стройках. Бывая в разных районах Афганистана — в Джелалабаде, Герате, Кандагаре, Мазари-Шарифе, я неоднократно встречал бывших «саланговцев», и каждый из них всегда с какой-то особой гордостью говорил: «Я работал на Саланге». Это было их лучшей аттестацией. «Дорога через Саланг является самой короткой и самой лучшей. Она связала два важных торговых и культурных района Афганистана — Кабул и северные провинции. На строительстве были использованы лучшие и наиболее совершенные инженерные средства. Сооруженная при технико-экономическом содействии Советского Союза руками афганских и советских специалистов, она останется символом искренних отношений между двумя нашими странами», — отмечала кабульская газета «Анис». За этой оценкой стоит гигантский труд людей, заставивших Саланг покориться.

...Выехав из последней галереи и миновав смотровую площадку, попадаем в пробитый сквозь гранитную толщу гор на высоте более 3 тыс. м тоннель, над которым высится более чем 500-метровая скалистая гряда. Тоннель через Саланг пропускной способностью 1000 автомобилей в сутки уникален: он самый высокогорный в мире, его длина достигает 2,7 км, ширина — 6 м и высота — 12 м.

Высшая точка тоннеля — 3363 м. Теперь дорога идет на спуск. Из тоннеля, щуря глаза от ослепительной близости гор, попадаем в ярусы заснеженных скал. Постепенно они переходят в горную сухую степь, сменяющуюся зарослями древовидного можжевельника, дикой фисташки и высокой травы. И чем ниже, тем все живописнее и разнообразнее природа. Вдоль берегов горной реки, долго сопровождающей дорогу, расположились окруженные тутовником небольшие деревеньки. Вода в реке так прозрачна, что кажется, будто это и не вода вовсе, а легкий туман. Если приглядеться, то в быстрых ледяных потоках замечаешь стаи жирной форели.

Хинджан и Души — небольшие придорожные посел-

ки, которые после сооружения дороги быстро превратились в значительные торгово-перевалочные центры на северных склонах Гиндукуша. Километров через пятьдесят от Души, которые машина пролетает уже по ровной местности, дорога упирается в Пули-Хумри — один из важных промышленных центров Северного Афганистана, где построены текстильные фабрики, цементный завод, две ГЭС, крупный элеватор. Город окружают небольшие экспериментальные фермы.

При выезде из Пули-Хумри дорога разветвляется: правая ветка ведет к порту Шерхан на Амударье, а мы берем левее — к Мазари-Шарифу, крупнейшему торговому и экономическому центру афганского севера.

В районах от Гиндукуша до Амударьи преобладают степные лёссовидные почвы, весной богатые буйной растительностью. Обширные пространства дикой травы привлекают сюда кочевников из всех районов Афганистана, которые пригоняют огромные отары овец и коз длинношерстных пород. Проживают здесь главным образом таджики, узбеки и туркмены, частично хазарейцы и пуштуны — всего около трети населения страны. Они кропотливо обрабатывают каждый клочок земли, и по всей стране славятся не только как искусные земледельцы, но и как каракулеводы и ковроткачи. С давних времен жизнь здесь концентрировалась в оазисах по берегам рек, главными из которых были Балх и Кундуз. В свое время именно здесь, на перепутье между Месопотамией и Индией, р. Балх дала жизнь одной из богатейших цивилизаций — культуре древней Бактрии.

Значение северных районов Афганистана — страны, где продукция сельского хозяйства — основа экономики, трудно недооценить. Здесь сосредоточены основные массивы богарных земель — более 40% всей пахотной земли в государстве. Площадь под зерновыми и овощами составляет здесь почти 60% всей земельной площади страны, занятой под этими культурами; 46% занимают фруктовые сады; более 80% — технические культуры. На северные провинции приходится производство почти всего хлопка, который занимает все более значительное место не только в сельском хозяйстве, но и в экспорте страны, около половины общего производства хлопка, значительная часть сбора пшеницы, риса, грана-

тов и винограда, более 70% поголовья мелкого рогатого скота и почти все пятимиллионное поголовье каракульских овец.

Однако актуальной остается здесь проблема орошения: существующие в течение столетий системы арычного и кяризного орошения уже не могут обеспечить его интенсивное развитие. Проезжая по степям Северного Афганистана, можно часто видеть значительные площади и солончаковых степей, которые из-за резкого недостатка воды обрабатываются лишь на участках, расположенных близко от деревень и городков.

300-километровая ветка первоклассной автомагистрали, сооруженной в начале 70-х годов, связывает Пули-Хумри со всеми важнейшими городами Северного Афганистана — Хульмом, Мазари-Шарифом, Балхом, Акчой и Шибарганом. Когда-то этот путь по старой грунтовой дороге торговые караваны проделывали за 12 дней.

Впервые советские специалисты государственного проектного института «Союздорпроект» прибыли в Афганистан в сентябре 1963 г. и всего за семь месяцев провели тщательные изыскания будущей автомобильной трассы. Ее прокладка осуществлялась в сложных географических условиях. Трасса пересекает реки Кундуз, Саманган и Балх, проходит через опасные сели. Советские специалисты-дорожники, осуществлявшие строительство с 1965 по 1971 г., как и на Саланге, большое внимание уделяли обучению афганских национальных кадров рабочих и техников, а многие афганские специалисты пришли на стройку, уже имея за плечами опыт работы на строительстве Саланга.

...Неожиданно перед бескрайней равниной вырастает длинная гряда почти отвесных скал. Стремясь найти проход, дорога петляет между вставшими на ее пути скалами. Внезапно 300-метровая отвесная гряда расступается, образуя узкий коридор шириной не более 30 м.

Когда-то, гласит легенда, скала была естественной границей между двумя районами — Саманганом и Хульмом, население которых не знало друг друга. Но когда четвертый арабский халиф Али, дойдя до Самангана, двинулся в поход на Хульм и на пути его армии встала неприступная гряда, он рассек ее единым взмахом своего волшебного меча «Зульфикар». В образовавшийся

новый проход Али въехал на крылатом коне, и за ним шли воины мусульман. Другие же легенды приписывают это «чудо» Александру Македонскому. Но оставим легенды легендам.

Еще в далекие времена трудолюбивые руки крестьян «подтесали» скалу и возвели вдоль нее подпорную стену. По образовавшемуся проходу могли проехать две шлюпки. Как-то я проезжал по этой старой дороге. С трудом взобравшись на ухабистое полотно, ГАЗ-69 погрузился в темень. Какими долгими показались тогда всего 600 м дороги, почти вплотную прижавшейся к отвесной скале. Под колесами устрашающе грохотала стремительная Саманган. Миллионы брызг разбивались о скалистые выступы. А когда нашей машине пришлось объезжать застрявший на дороге грузовик, то левые колеса все время норовили съехать в обрыв.

Зима 1969/70 г. выдалась в этих районах необычно бурной и снежной, а строители как раз подошли к отвесной «скале Александра». Здесь, дважды пересекая реку, дорога должна была по подножию крутой осыпи протиснуться через скалистый коридор. Пропустить по новому пути, ширина которого могла быть не больше 10 м, через скалистый коридор, не тронув бурную реку, было чрезвычайно сложной задачей. И строители приняли смелое решение — на высоте 5 м «подтесать» на шестиметровую ширину выступающую скалу. Работы велись зимой, под пронизывающим ледяным ветром. Приостанавливать движение на дороге можно было только на время взрыва, после которого приходилось сразу убирать скальную породу. Проезжая же «ущелье Александра» сегодня, трудно представить себе его без этой прекрасной современной дороги.

После ущелья мы вновь оказались перед широкой долиной. Здесь, прижавшись к горам, раскинулся небольшой городок, узкие кривые улочки которого почти полностью скрыты листвой абрикосовых садов. Если Металиф — самый живописный, то Хульм — самый традиционный из афганских городов.

С обеих сторон улицы теснят глухие глинобитные дувалы, за которыми едва видны куполообразные крыши домов. Спустившись вниз с почти незаметного поворота, через несколько сот метров оказываемся на обширной площади, окруженной толстыми дувалами, из-

За которых выглядывают лишь вершины крон раскидистых деревьев. В разные стороны расходятся улочки, на которых двум автомобилям не разъехаться.

Традиционность Хульма и в его крытом базаре — одном из немногих в Афганистане, почти целиком сохранившем средневековый колорит. Вдоль дороги — небольшие арыки, через которые кое-где перекинута шаткие деревянные мостки. Дувалы смотрят на узкую улочку своими низкими, в половину человеческого роста, не приветливыми с первого взгляда дверями. У одного из дувалов наращивают стену. Кирпич накладывают и большие плетеные корзины, которые тащит ослик. Нехитрый подъемник доставляет свежесоборенный кирпич, а за работой с дувала наблюдает энергичный старик, вероятно старший в семье.

Крытый базар начинается прямо на одной из старых улочек. Большие, грубо отесанные деревянные балки подпирают редкие перекрытия, над которыми сооружена дощатая крыша. Небольшие отверстия в крыше служат единственным освещением для лавок, расположенных по обеим сторонам улочки рядами. В крошечных мастерских сапожного ряда склонились над работой ремесленники, где-то в глубине у небольшого горна — кузнецы, тайно поблескивают в полутьме миниатюрные стеклянные витрины ювелиров, развешаны по стенам и разложены на небольших ступенях скобяных лавок медные и жестяные кувшины, чайники, кастрюли. Пройдя несколько рядов, вдруг попадаем в царство света и красок: небольшая круглая площадь с куполообразной крышей, стены окружающих площадь лавок, украшенные традиционным орнаментом изразцов голубого, белого и зеленого цвета. Это центральная часть базара, от которой во все стороны расходятся его кривые улочки.

Хульмский базар — настоящая история и география афганской обуви, где встретишь ее образцы из всех районов страны. Хотя в последние десятилетия все большую популярность, особенно среди городского населения, приобретает современная обувь, однако традиционная вовсе не собирается окончательно уступить своих позиций на внутреннем рынке. Вызывается это, пожалуй, не столь приверженностью к старине, сколь простотой и дешевизной национальной обуви. В ней ходят

нома и на загородных прогулках даже те, кто давно перешел на европейское платье и обувь.

Многие народности и племена и по сей день носят только такую обувь. Если среди кочевого и полукочевого населения южных и юго-восточных районов особой популярностью пользуются «чапли» (сандалии с открытым носком), которые умелые ремесленники мастерят не только из кожи, но и из тростника, то обычной обувью жителей крайних северных районов страны и горных областей Центрального Гиндукуша являются «чамулы» — ботинки до икр. Население ряда других северных, а также юго-западных и западных районов предпочитает разновидность кожаных сапог — «муза». Однако, пожалуй, наибольшей популярностью продолжают пользоваться сандалии с загнутыми кверху узкими носками и с высокой пяткой. Это «пейзары». Сшитые из грубой невыделанной кожи, они очень прочны и к тому же дешевы, в чем и кроется главная причина их популярности, поскольку вряд ли пейзары можно считать удобной обувью: по признанию тех, кто их носит всю жизнь, пейзары хороши в основном для домашней работы и лишь на недолгий путь.

Захотите познакомиться со всем разнообразием пейзаров, сверните в обувной ряд базара. Ровными рядами от пола до потолка они развешаны по стенам лавок и мастерских. Предприимчивые сапожники выставляют их и на лотках — от самых простых и дешевых, без украшений, до выходных, с каймой из золотой или серебряной тесьмы, либо пейзаров из цветной кожи с разноцветными пряжками. По внешнему виду они напоминают лады, а в Кабуле в лавках сувениров для туристов нередко встретишь миниатюрные пейзары длиной 5—6 см и огромные — 0,5 м. Однажды мне даже предложили настольную лампу, подставка для которой была сделана в виде изящного пейзара. Пейзары носят и мужчины, и женщины, но для последних сандалии выделывают более изящными и с более богатой цветной отделкой. Деревенские женщины надевают их в основном по торжественным дням.

Хульм — старое название города, который иногда называют и Ташкурган. Античный же Хульм расположен километрах в десяти к северу от современного города, но сейчас это лишь огромный голый холм.

От Хульма рукой подать до Мазари-Шарифа. При проектировании дороги, связывающей эти два города, рассказывал руководитель советских специалистов-дорожников А. И. Каспаров, мы прежде всего учитывали особенности рельефа, чтобы обеспечить безопасность движения скоростного транспорта и создать эстетически завершенное сооружение. По всей трассе дорога украшена изящными подпорными стенками. Инженерные сооружения, остановочные площадки и дорожные указатели, выполненные из камня, органически вписываются в ландшафт.

ПРАЗДНИК КРАСНОГО ЦВЕТКА

Весна в том году запаздывала. Почти весь март небо было затянуто плотной молочной дымкой, не рассеивавшейся до середины дня. Днем шел мелкий дождь вперемежку с крупными хлопьями снега, а по ночам легкие заморозки тонкой коркой покрывали отяжелевший и начавший уже понемногу оседать снег.

Но 20 марта (последний день мусульманского солнечного года), несмотря на капризы природы, приближение весны чувствовалось во всем — и в больше чем обычно оживленных кабульских базарах, и в предпраздничной суете улиц старого и нового города. Новый год — «Ноуруз» — издавна принято встречать обновками, подарками друзьям и знакомым, генеральной уборкой дома. Это чисто семейный праздник, который знаменует завершение определенного периода в жизни семьи, и подготовка к Ноурузу начинается задолго до его наступления.

Рубежом старого и нового года является час ночи 21 марта. С этого момента и до 12 часов дня никто, как правило, не покидает дома и проводит все время в кругу семьи. Выход из дому в это время, по убеждению афганцев, может привести к потере в наступающем году кого-либо из членов семьи. Новый год не празднуется лишь в семьях, где кто-то умер накануне. В этот день считается, нельзя плакать, наказывать и бранить детей, проявлять нервозность и неудовольствие, иначе, гласит поверье, так будет весь грядущий год. Хорошее, при-

поднятое настроение делает Ноуруз самым веселым и любимым праздником афганцев.

В период с X в. до н. э. по VII в. н. э. в земледельческих районах Средней и Центральной Азии распространилось учение религиозного проповедника Зороастра (Заратустры). По представлениям зороастрийцев (огнепоклонников), мировой процесс составляла вечная борьба доброго и злого начал. Силы добра они группировали вокруг верховного божества Ахурамазды и его духа Спента-Манью, а дух-разрушитель Ахриман, выступавший как прямой противник Ахурамазды, возглавлял силы тьмы. В то же время отличительной чертой зороастризма была вера в земного человека; коллективные усилия людей должны были привести к окончательной победе доброго начала.

Как религия зороастризм окончательно оформился лишь в III—VII вв., и именно к этому времени относится сооружение культовых храмов огнепоклонников — «чартак», представляющих собой квадратные купольные навильоны с четырьмя арками. С распространением ислама зороастризм еще в течение двух-трех столетий продолжал играть определенную роль в жизни исповедовавших его народов, но к XII в. новая религия окончательно победила, а приверженцы огня оттеснялись все дальше на восток, в отдаленные и пустынные районы. Часть зороастрийцев переселилась в Индию, где их называют парсами. Оставшиеся же в Иране потомки зороастрийцев (гебры) — их всего несколько тысяч — расселены в ряде городов его восточной части и в пустыне Деште-Лут. Любопытно, что и сегодня гебры именуют себя не иначе как «бехдинан», т. е. «исповедующие правильную веру». Не исключено, что потомки огнепоклонников сохранились и в Афганистане: в Хазараджите, в центральной части страны, мне приходилось встречать выложенные из камня древние конусообразные башни, которые местное население называет «бордже зардошти» — «башни зороастрийцев» («башни смерти», в которых огнепоклонники оставляли тела умерших).

Зороастрийцы чтили первый день каждого месяца, называя его днем Ахурамазды, и эта традиция, несмотря на гонения халифов, в известной мере сохранилась и после арабского нашествия. Более того, многие при-

ветствия и молитвы первого дня месяца, содержащиеся в духовных книгах мусульман-шиитов, своими корнями уходят в доисламскую эпоху. Однако самым большим торжеством всегда считался первый день прихода весны — 21 марта.

У народов, населявших в древности обширные районы Иранского нагорья и Средней Азии, сохранялся единый отсчет времени по движению солнца. Это было необходимо не только для отправления обрядов, но и для проведения сельскохозяйственных работ. Служители культа стремились заставить людей поверить в то, что расположение звезд на небосводе и движение солнца влияют на их судьбы. Именно это обстоятельство ряд исследователей зороастризма считает одной из основных причин широкого распространения Ноуруза не только как первого дня весенних полевых работ, но и как события, оказывающего прямое влияние на жизнь человека.

О происхождении Ноуруза существует множество легенд. Злой дух, утверждает одна из них, отнял у людей изобилие, и на земле воцарился голод и мрак. Вняв мольбам людей, Ахурамазда направил своего гонца во владения Ахримана, чтобы уничтожить корень всех бед. И когда на земле вновь восторжествовала справедливость, вновь засверкало солнце, люди воскликнули: «Ноуруз — новый день!» И каждый посадил в этот день по большому медному тазу ячменных зерен. Легенд, подобных этой, сохранилось немало, и по ним можно судить о том, насколько почитаем был новогодний праздник, сколько проявлялось выдумки и инициативы, чтобы сохранить и обогатить его традиции.

Многие обряды Ноуруза с веками менялись, зачастую теряя свой первоначальный смысл и обретая новый ритуал. Но и по сей день его главным содержанием остается встреча Нового года как первого дня наступления весны и начала сельскохозяйственных работ.

В холмистых пустынных областях Северного Афганистана желто-серый цвет преобладает над всеми другими. Природа словно обошла стороной этот обширный край, наделив его вместо богатства красок богатством недр. Лишь на какие-нибудь полтора весенних месяца расцветает эта земля, покрываясь изумрудным ковром

очных трав с яркими пятнами распустившихся тюльпанов, ирисов и маков. И за этот короткий период нужно успеть сделать самое главное — высадить и почти вырастить урожай.

Естественно, что здесь с нетерпением ждут весенних дождей, а с ними и Нового года. И вероятно, потому что зеленый, красный и желтый цвета весенней природы, здесь самые любимые, обязательно присутствуют в праздничной одежде крестьян, называющих Ноуруз, а с ним и весь короткий весенний период «милайе голе сурх» — «праздник красного цветка».

Сегодня связанные с наступлением весны и Нового года традиции древних земледельцев, встречавших Ноуруз торжественной запашкой, в Афганистане нашли отражение в праздновании Дня крестьянина, во время которого на полях можно видеть запряженных в плуги покрытых разноцветными попонами волов. Корнями в эпоху зороастрийцев уходит и обычай весенних посадок деревьев в городах и в сельской местности, заменяемых иногда расчисткой и планировкой земли.

В День крестьянина устраивается своеобразный парад скота и нехитрого крестьянского инвентаря, проводятся соревнования на самого умелого пахаря. День крестьянина и приуроченные к первым дням нового года — в зависимости от местных обычаев — «праздники плодов и фруктов» отмечаются в Афганистане повсеместно. И это естественно, поскольку сельское хозяйство дает более 55% национального дохода и в нем прямо или косвенно занято почти четыре пятых населения страны.

Главные торжества происходят в столице. В ее северном предместье Хайрхана на огромной поляне для гостей сооружаются деревянные помосты и разбиваются шатры, украшенные цветами, разноцветными флагами, гирляндами. Праздник начинается рано утром. Вслед за официальной частью начинаются спортивные соревнования по борьбе, скачки, гулянье, концерт с обязательным исполнением массовых народных танцев. На ипподроме устраиваются верблюжьи бои, а в Северном Афганистане нет более популярной народной игры, чем «боз-киши» (верховая игра, составляющая основу всех спортивных соревнований). Не менее любим и другой вид верховой игры, когда наездник на всем скаку должен

деревянным шестом выдернуть маленький колышек, вбитый в землю.

В День крестьянина в Кабуле бозкаши не встретишь, но зато познакомишься со всем разнообразием народных танцев. Предпочтение отдается старым народным «атанам», и, пожалуй, только в Ноуруз можно увидеть такую массовость исполнения плясок.

Атан — один из наиболее популярных древних батальных танцев пуштунских племен. Обычно в нем принимают участие 10—20 человек, как правило мужчин. И хотя разные племена вносят свой колорит в исполнение атана, основной его принцип — постепенное убыстрение темпа — остается неизменным. Для танца характерны быстрые круговые движения туловищем, но в некоторых районах отдают предпочтение круговым движениям только головы и рук. Ритмические звуки барабана как бы приглашают к началу атана. Танцоры начинают медленно двигаться по кругу, скорость атана постепенно нарастает, и наконец движения танцующих и звуки музыки сливаются в один огненный ритм. И танцующие, и зрители подбадривают себя выкриками, ритмичными хлопками в ладоши и прищелкиванием пальцами. Иногда участники танца берутся за руки и, то убыстряя, то замедляя движения, подпрыгивают в такт музыки на одной ноге. Достигнув кульминационного момента, танец вдруг обрывается.

Наблюдая за исполнением атана, даже самым неискушенным танцорам трудно удержаться от соблазна пуститься в пляс. Тогда образуется один огромный хоровод, и атан превращается в «пайкуби», принцип которого метко передается самим названием — «притопывание ногой». Вы можете топтаться на месте, кружиться, подпрыгивать — и все это будет пайкуби.

Народная память афганцев хранит немало легенд и преданий, в которых описания встречи Ноуруза переплетаются с именами их древних героев. Популярнейший среди них — Карун, живший, по преданиям, 13 веков назад и оставивший о себе славу борца за народное счастье. С веками имя Каруна обрастало легендами, отразившимися в народных рассказах — «хекаятах», где его часто называют и вечным спутником весны. Такие хекаяты, передающиеся из уст в уста, интересны и яркими зарисовками во многом уже забытых новогодних

время, встречающихся сегодня лишь в самых отдаленных уголках страны. Такова, к примеру, «чаршамбае сури» — «черная среда», последняя среда уходящего года. По поверьям, этот день считается самым трудным в году и поэтому в чаршамбае сури принято разбивать глиняный кувшин (куза) со словами: «Пусть несчастья войдут в куза и вместе с ним выйдут из моего дома». В этот же день молодежь занимается гаданием. Вообще же все остальные среды афганцы считают самыми благоприятными днями для любых начинаний и часто говорят: «Хочешь быть удачливым, примись за день в среду».

В древности на шестой день нового года отмечался Большой Ноуруз. По преданиям, в этот день у Зороастри состоялась тайная встреча с Ахурамаздой, во время которой решалась судьба землежителю. Приготовления к Большому Ноурузу начинались не только задолго до его прихода, но и до наступления так называемой панджи — пятерницы, т. е. пяти предшествовавших новому году дней, которые как бы символически соединяли старый и новый год. Интересно, что в древних календарях Востока пятерницами назывались и каждые пять-шесть дней месяца, во время которых наблюдалась особая торговая активность. По традиции, с утра первого дня пятерницы все лавочники и торговцы стремились поскорее разложить товар и с особой настойчивостью занавать покупателей.

Нередко и сейчас на городских базарах в эти дни бакалейщики и продавцы овощей и фруктов выносят на улицы разукрашенные лотки со сладостями, овощами и фруктами. Но самое большое оживление — у мясных лавок, у портных и галантерейщиков. Рекламируя свой товар, лавочники идут на многочисленные ухищрения и выдумки, развешивают у входа в духан несколько жирных бараньих туш, украсив их блестящей золотой фольгой, зернами унаби, джиды, листьями кипариса и мирты. А в портняжной мастерской одного из провинциальных городков я увидел как-то целое дерево, сделанное из хлопка и украшенное кусочками разноцветного стекла и зеркала.

Какой же Новый год без праздничного стола! Когда-то зороастрийцы встречали первый день Ноуруза специально выращенными побегами пшеницы, проса, ячме-

ня: считалось, что это принесёт хороший урожай и благополучие в новом году. Этот обычай, «сабзна», поначалу распространённый в Афганистане в его северных, сельскохозяйственных районах, впоследствии получил широкое распространение и сейчас встречается повсеместно. Зелень сажают недели за две до Ноуруза, и, перед тем как ставить на стол, чашку с зелеными побегами (сабзна) украшают тесьмой красного цвета. По обычаю, следует встречать Ноуруз, глядя на сабзна, которая хранится после его наступления еще 12 дней.

Ни один новогодний праздник не обходится и без «хафт син» — семи блюд, главным образом сладких, начинающихся на букву «син» персидского алфавита, отчего этот обычай и получил свое название: «хафт син» означает «семь „с“». Наиболее распространенными являются «саманак», разновидность пудинга из пшеничной муки, и «сузан», или «хальвайе сузан», — также сладкое блюдо из пшеничной муки с добавлением фисташек и сладостей.

Что-нибудь из хафт син обязательно посылается родственникам, соседям, друзьям и знакомым. Но время вносит свои коррективы и в эту древнюю традицию, в чем мне приходилось убеждаться не раз. Как-то одной мой кабульский знакомый, владелец небольшой колбасной фабрики, вместе с поздравлением с Ноурузом прислал мне образцы продукции своего предприятия. Сначала это привело меня в недоумение: ведь я был постоянным его покупателем, и реклама колбас, казалось бы, уже не имела смысла. Но когда я вспомнил, что афганцы произносят слово «сосиски» на английский манер: «сасидж», то все встало на свои места: это был традиционный хафт син и отказаться от него означало бы незаслуженно обидеть вежливого человека. Хозяин же «убивал двух зайцев»: поздравил с Новым годом и вновь рекламировал свой товар.

И сегодня ревностных приверженцев традиции «семи „с“» встретишь немало. Перед Ноурузом многие только во вторник — «сешамба» — отправляются за покупками и даже просят портного начать шить новую одежду только в этот день. «Что вы, что вы! — безнадежно развел руками портной, когда однажды я опрометчиво пришел с заказом в конце марта, и вместо ответа на вопрос о причине удивленно поднял брови.—

Разве неизвестно, что перед Ноурузом слишком многие хотят сшить обнову и заказов хватит до самого лета?!»

Праздничный стол, над которым курят ароматические травы, принято украшать фруктами и орехами. Желательно, чтобы фрукты были свежими, но зимой не каждому по карману цены на базаре, и из положения выходят просто: вымачивают сухие фрукты и вместе с фисташками и миндалем ставят на стол. Помимо блюд хафт син хозяйки стремятся показать свое кулинарное искусство в приготовлении новогодних домашних сладостей — «кульчайе Ноуруз» и компота из семи видов фруктов и орехов, обычно из сухих абрикосов, винограда с добавлением грецких и земляных орехов, фисташки, миндаля. Такой компот называют «хафт мива».

Все без исключения стремятся как можно лучше подготовиться к празднику: плохо встретишь приход весны, неудачным будет весь год. Попав однажды в Ноуруз как гостем, в чисто прибранной и украшенной зелеными ветками комнате я увидел, что на самом видном месте рядом с новогодними угощениями были расставлены зеркало, крашеные яйца, свечи, мелкие деньги и в добротном кожаном переплете Коран. Хозяин оказался знакомым старых традиций и охотно объяснил, что символическое значение этих предметов берет начало от времени зороастрийцев: когда-то зеркало олицетворяло бескрайность вселенной, где царствует Ахурамазда, а крашеные яйца — жизнь. Обычно их количество на столе соответствует количеству детей в семье, и в Ноуруз каждому ребенку дают съесть по яйцу. Зачем? Чтобы отвести несчастья! Свечи — память о священных огнях зороастрийцев, и Новый год принято встречать при свечах, чтобы он был светлым и радостным. Причем свечи гасить не следует, а нужно подождать, пока они не погаснут сами. Ну, а мелкие монеты, хозяин дома улыбнулся, думаю, не требуют пояснений. Что же касается Корана, то это уже исламская традиция.

Действительно, ислам внес много нового в обычаи Ноуруза. В первый день Нового года, поздравляя домашних, каждый должен сделать несколько глотков розовой воды из фарфоровой чаши, которую предварительно пачкают «семью приветами» — «хафт салам», т. е. короткими отрывками из Корана, начинающимися со слова «салам» — «привет». Листки бумаги, на которых пи-

шут эти короткие отрывки, также предварительно кладут в чашу с розовой водой.

Но новогодние обычаи не везде одинаковы в Афганистане. У мусульман-шиитов, например, к новогоднему столу подают птицу только белого оперения. Таджики и нуристанцы в новогоднюю ночь разжигают костры, веселятся вокруг них и для «очищения от грехов» прыгают через огонь. Лишь перед рассветом все расходится, а старики настоятельно советуют молодежи хорошенько затушить костер, дабы оставшиеся в искрах злые духи не нанесли вреда людям.

Интересной мусульманской традицией в праздновании Ноуруза в Афганистане является торжественная церемония поднятия «джанды» — флага, символизирующего наступление Нового года. Церемония происходит в первый день Ноуруза у мест исламских культов: в Кабуле джанда поднимается у мечети Мазари Сахи, где когда-то афганские эмиры хранили полученное от бухарского хана в качестве части «платы за мир» после одной из войн «рубище пророка» и где, по преданию, бывал двоюродный брат Мухаммеда — Али, один из наиболее почитаемых святых ислама. Джанду не снимают 40 дней. Флаг окрашен в красный и черный цвета: красный символизирует распускающуюся весеннюю природу, а черный связывают с памятью о мученической смерти Али.

Церемония поднятия джанды, естественно, символична: она означает начало 40-дневного весеннего периода, а бытующие среди населения поверья связывают ее с благополучием и хорошим урожаем.

Наиболее торжественно эта церемония проводится в Мазари-Шарифе — крупнейшем торгово-экономическом центре севера Афганистана, где, по местным поверьям, захоронен Али. Поднятие флага происходит у гробницы. Посмотреть на это зрелище и совершить в первые дни нового года паломничество к гробнице — «мазару» — стекаются жители окрестных районов и многочисленные паломники и дервиши, нередко из соседних мусульманских стран.

Случилось так, что впервые я попал в Мазари-Шариф перед Ноурузом. Несмотря на вечернее время, город был весь в движении: куда-то стремительно неслись переполненные пассажирами гади, в отблесках огром-

ных керосиновых ламп ярко сияли лавки и лавчонки. Уже несколько лет город электрифицирован благодаря сооружению при содействии СССР ТЭС на местном газе, но, верные старой привычке, лавочники пока еще нередко отдают дань свету от керосина. Бесчисленные чайханы распространяли ароматные запахи жареного мяса и терпкого чая. Во всем чувствовалась та приподнятость настроения, которая характерна только для торжественных дней.

С трудом протиснувшись сквозь беспорядочную толпу, мы выбрались на центральную площадь. В сумерках минар и прилегающая к нему мечеть, окруженные большим садом, казались похожими на огромный замок. Купола и стены были подсвечены многочисленными зелеными и розовыми электрическими лампочками. Их разноцветные гирлянды ярко освещали и сад, который превратился в шумную ярмарку, где на бесчисленных лотках, украшенных разноцветной материей, бумажными и живыми цветами, продавались всевозможные деликатесы. В кипящем масле жарилась рыба, дымились манты и шампуры с сочной бараниной, на лотках были выставлены шербеты всех цветов радуги и печенья, которыми так славятся афганские «нанва» — булочки. Тут же вам предлагали огромные блюда с густо наперченным мелким турецким горохом.

Движение не утихло до глубокой ночи. Увлеченно вместе с детьми взрослые качались на качелях, запускали змеев и воздушные шары. В многоголосом шуме выделялись голоса скоморохов, привлекавших гуляющих забавными историями и песнями о наступлении весны. Их так и называют — «ноурузханан» — «певцы Нового года».

Лавки также были украшены разноцветными лампочками, что придавало базару праздничный вид. В среди всего этого шума и движения были слышны зычные завывания дервишей, нараспев читавших шуточные стихи и присказки. Нечесаные, с длинными бородами, в высоких шапках, с висящей на груди большой, сделанной из коры тыквы чашей на металлической цепи, с маленькой деревянной секирой в руках — таков их традиционный облик. Дервиши не пропустили ни одной лавки, где просили милостыню под предлогом взимания «нанджа», т. е. «новогоднего пожертвования»: кусочков

сахара, сладостей, овощей, пучков зелени. Повсюду сидели продавцы воздушных шаров и змеев, прямо на земле разложили свои атрибуты гадальщики, которые за небольшое вознаграждение могут выдать вам амулет с замысловатыми формулами и знаками, объяснить которые они порой не могут и сами.

У мазара было огромное количество белоснежных голубей, к которым, я заметил, прихожане относились с заметной слабостью. Чтобы покормить их, можно было здесь же, в саду, купить горох, пшено и кукурузные зерна. Сколько раз потом мне ни приходилось бывать в Мазари-Шарифе, я так ни разу и не видел, чтобы в стае появился хоть один голубь другого цвета. Местное же поверье гласит, что если в мазар и залетит голубь другого цвета, то через 40 дней он обязательно превратится в белого: так чисто и свято место у гробницы двоюродного брата пророка мусульман.

Часов с двух ночи, спугивая голубей, облюбовавших для ночлега купола мазара, к нему начала собираться толпа людей. Те, кому не удавалось занять удобное место во дворе, забирались на крыши и балконы соседних зданий, со всех сторон теснящих площадь. Церемония поднятия джанды происходила на большой, выложенной квадратными каменными плитами площадке, слева от главного входа в мазар, и начиналась рано утром. В присутствии губернатора провинции сначала были зачитаны отрывки из Корана, после чего был исполнен гимн и на огромном деревянном древке, обернутом в красную и черную материи — под цвет флага, огромными канатами стали поднимать джанду, поддерживая древко у основания. О завершении первой части церемонии возвестили артиллерийский салют и звуки военного оркестра, после чего имам мечети подвел к джанде паломников — калек. Наступил кульминационный момент торжества: по существующему поверью, они должны получить исцеление у новогодней джанды и у гробницы Али, после чего толпа может разбирать на сувениры куски одежды исцеленных.

Однако об этой заключительной части церемонии обычно не рассказывают; она весьма скупо освещается и в печати, поскольку нередко сопровождается мистификацией, во время которой религиозный экстаз собравшихся подогревается фанатиками — «малангами». В эти

они их особенно много в Мазари-Шарифе, и они день и ночь снуют по ярмарочной бурлящей площади перед мазаром, выпрашивая подаяние. Нередко под видом милангов скрываются и профессиональные вымогатели, которых афганцы метко окрестили «афганские хиппи». Церемония поднятия джанды, — писала „Кабул Таймс“ еще в конце марта 1970 г., — дает начало и „деловому сезону“ всякого рода профессиональных бродяг, которые пробираются в мазар и проводят все время на его площади, распространяя всякого рода слухи и подстрекая толпу, на деле являясь просто-напросто мошенниками. Обрастив длинные волосы, они украшают свои длинные одежды множеством бус, обматываются тряпьем, которое между собой называют „каджкула“, где хранят свои сборы за день».

БЫЛЬ И НОВЬ СТАРОГО МАЗАРА

В первое свое посещение Мазари-Шарифа мне не удалось осмотреть его старую святыню, которой город, собственно, и обязан своим рождением. Потом я неоднократно бывал в этом городе и поближе познакомился с его прошлым и настоящим. Когда-то небольшое, известное лишь как шиитская святыня селение, каким город был еще относительно недавно, сегодня становится значительным экономическим и хозяйственным центром обновляющейся страны, отразив в себе все то, с чем постоянно сталкиваешься на афганской земле, — стремление вперед, к развитию и прогрессу.

Мазари-Шариф, который афганцы часто называют сокращенно Мазар, расположен километрах в двадцати от Балха. В средние века на его месте стояла ничем не примечательная деревушка Хайр. По преданию, в ней захоронен один из наиболее почитаемых в исламе, и особенно среди шиитов, святых — хазрати Али. С личностью этого ближайшего родственника и одного из первых последователей основателя ислама Мухаммеда связано множество легенд. В народный эпос мусульманских народов, в том числе и афганцев, вошла драматическая биография Али, которого наделили сверхъестественными человеческими качествами.

...Придворный мулла сельджукского султана Санд-

жара, правившего в то время в районе Балха, не поверил домыслам странствующего дервиша, но ему во сне якобы явилось видение самого Али, которое укорило недоверчивого служителя культа. Наутро в сопровождении горожан Балха мулла вскрыл предполагаемое захоронение и... обнаружил останки зятя пророка.

Такова легенда, нашедшая, кстати, многих сторонников не только в Мазари-Шарифе. «А кто может действительно доказать, что хазрати Али захоронен в Ираке, а не в Мазари-Шарифе?!» — говорил мне служитель городского отеля. Роясь как-то в книжной лавке, расположенной в старой части Кабула, я натолкнулся на изданную лет двадцать назад «Историю Мазари-Шарифа», автор которой также отстаивал справедливость этой легенды. После смерти халифа, писал он, из-за опасения осквернения могилы Али войсками его противника Муавии, тело хазрати было тайно перевезено в район Балха. В иракском же городе Эн-Неджефе, где также находится гробница Али, остался только мавзолей.

В 1136 г. Санджар приказал выстроить в Хайре пышную гробницу — мазар, вокруг которого постепенно рос город, получивший название Мазари-Шариф (Святая гробница). Орды Чингисхана, обрушившиеся на Балх и стеревшие с лица земли этот древний цветущий город и его окрестности, разрушили и мазар Али. Сооружение его современного комплекса относится уже к 1481 г., эпохе последнего из Тимуридов — Хусейна Байкара.

Вплоть до 30-х годов прошлого века Мазари-Шариф благодаря религиозной святыне считался государством в государстве, но политическим центром этого района продолжал оставаться Балх. Лишь в 1866 г. резиденция наместника эмира была перенесена в Мазари-Шариф.

Плодородные земли, отличные пастбища и удобное географическое положение на полпути от Балха через Гиндукуш в долину Кабула и дальше через центр страны на юг, в Индию, способствовали тому, что уже к началу XX в. Мазари-Шариф превратился в один из крупнейших торгово-экономических центров Афганистана. Его архитектурный облик был характерен для многих городов Востока эпохи распространения ислама.

Такой тип городов представлял собой комплекс из нескольких главных улиц, которые выходили к четырем

городским воротам, а пересекаясь в центре, образовывали главную площадь, где обычно сооружались дворцы, цитадель, пятничная мечеть и базар. Главные улицы делили город на кварталы с рынками и торговыми рядами, соединенными между собой узкими и кривыми улочками. Центральную часть города обязательно обносили мощной глинобитной стеной.

Побывавший в Мазари-Шарифе в 1907 г. русский путешественник Д. А. Мельников отмечал, что город «с внешней стороны» окружала полуразрушенная стена «высокой около четырех аршин высотой и с неглубокой канавой... для обозначения границ города». Город имел шесть въездных ворот, и его центральная часть была обнесена глинобитной стеной. Однако стены скоро стали мешать росту Мазари-Шарифа, постепенно валы были снесены, и сейчас уже почти невозможно обнаружить их остатки. Украшением города служили традиционные открытые базары, обширные караван-сарай, тенистые сады и парки. «Ишаны» — настоятели шиитской святыни — пользовались и по сей день пользуются немалым влиянием и авторитетом.

Торговые конторы и лавки Мазари-Шарифа открыты с раннего утра до наступления темноты. Но, зайдя в любую из них в полдень, рискуешь не застать за прилавком хозяина, который обычно проводит в ней весь день. В этот же час многие отлучаются к полуденной молитве в мечеть старого мазара, и вас встретит либо компаньон, либо один из сыновей хозяина.

Прихватив киноаппарат и фотокамеру, отправляемся на осмотр мазара. Плотный усатый полицейский-регулировщик после недолгого обмена любезностями разрешает оставить машину у своей тумбы в самом центре площади. Пообещав не злоупотреблять его хорошим отношением, проходим через большой парк к главному входу в гробницу хазрати Али. На полотняной вывеске у входа — надпись черным по белому на дари и английском: «С иностранцев входная плата на территорию — 20 афгани, за право фотографировать — 50». А внизу — приписка: «Вход немусульманам запрещен». Ну что ж, приходится ограничиться лишь внешним осмотром, который, кстати, всего несколько лет назад также был запрещен.

В течение многих лет комплекс мазара постоянно

достраивался, и сейчас он состоит из мавзолея, площадок для молений, нескольких часовен и большой мечети, построенной совсем недавно. На территории мазара и происходит церемония поднятия джанды в дни Ноуруза.

У входных арок с высокими, сужающимися кверху минаретами оставляем обувь: вход на территорию в обуви запрещен. Нам, правда, сделали исключение, и служитель велел босоногую мальчишке принести сандалии. Через массивные, обитые темной жестью ворота проходим в молельный двор перед мавзолеем. Последний состоит из двух соединенных галереей квадратных купольных зданий, отделанных, как и весь комплекс, изразцами голубого, синего, салатного и белого цветов. Декоративные арки фасада окрашены в красные тона. У тяжелой, обитой кожей занавеси, опускающую которую закрывают на ночь вход в мазар, — степенная толпа прихожан. Здесь же сидят несколько отрешенных старцев в белоснежных одеждах и таких же дастарах. Лишь двое обращают на нас внимание, и в их глазах на секунду мелькают искорки любопытства. Остальные же продолжают перебирать разноцветные косточки шиитских четок, в полудреме уставившись на свои длинные бороды. Кажется, они сидят здесь вечность. «Да, они проводят здесь все время, с раннего утра и до самой ночи», — говорит кто-то.

В полутьме нелегко разглядеть внутреннюю отделку мазара, но даже издали нельзя не заметить богатство ковров, искусно расписанные в золотистые и бордовые тона стены и инкрустацию украшений.

У входа во второе помещение, где находится сама гробница, видим большой бронзовый котел. Когда-то и он использовался для сбора пожертвований. Прихожане и паломники опускали в него не только деньги, но и хлеб и зерно. Сейчас же функции котла заменили два деревянных ящика перед главным входом. Гробница в рост человека покрыта тяжелым, украшенным богатой вышивкой покрывалом и окружена решетчатой оградой. Помещение освещается огромной люстрой и несколькими настенными светильниками. Стены и потолки расписаны цветочным орнаментом ярких тонов. «Это работа наших известных мастеров прошлого века, — комментирует добровольный экскурсовод. — Обратите вни-

манше на изящную вязь на стенах! Это история мазара и стихи великого поэта Джами, посвятившего мазару несколько своих стихотворений».

Подалеко от мазара расположена скромная могила одного из национальных героев афганского народа, Мухаммеда Акбар-хана, — поэта и полководца, прославившегося в борьбе против английских завоевателей в первой англо-афганской войне 1838—1842 гг.

Выходя из парка, мы слышали, как из мощных репродукторов, установленных на минаретах, раздавался гудучий голос муэззина, возвещавшего о полуденной молитве. Это, пожалуй, то немногое, что еще осталось от старых традиций Мазари-Шарифа. Уже давно беспорядочные крытые базары в центре города на площади перед мазаром уступили место современным четырех- и пятиэтажным домам, в нижних этажах которых размещаются многочисленные магазины и склады торговых фирм. Здесь вы найдете ковры и паласы ручной работы, знаменитые мазарские «чапаны» — халаты с длинными рукавами из хлопчатобумажной или шелковой ткани.

Но все же истинную славу Мазари-Шарифу приносит знаменитый афганский каракуль, составляющий сегодня одну из важнейших статей экспорта страны. Наряду с каракулем СССР и стран Южной Африки не имеющий коварства моды афганский каракуль прочно занимает доминирующее положение на мировом рынке. Он высоко ценится благодаря отличному качеству, мягкости, красоте и разнообразию оттенков — от золотисто-коричневого и серебристо-серого до густо-кофейного и иссиня-черного.

Где впервые появились каракульские овцы, не установлено. Предполагают, что их родиной является Бухара, но иногда считают, что Сирия и Палестина, откуда впоследствии арабские пастухи распространили их до районов Бухары и Афганистана. Как торговая номенклатура каракуль начинает получать распространение в мире с XV в., и Афганистан завоевал славу одного из крупнейших мировых поставщиков каракуля. Каракулеводство получило наибольшее распространение в северных районах страны, богатых обильными пастбищами.

Впервые афганский каракуль был вывезен за рубеж незадолго до первой мировой войны, но до 30-х годов

мировой рынок был практически закрыт для афганских купцов и нередко, как это случалось и с продукцией ковроткачества, каракуль скупался иностранными перекупщиками. Лишь в 1933 г. Афганистан впервые экспортировал крупную партию каракулевых шкур (900 штук), а уже в 1946 г. их экспорт достиг более 3 млн. штук.

В последнее время уделяется особое внимание дальнейшему развитию каракулеводства. В стране создан Институт каракуля, который все активнее занимается вопросами улучшения пород каракульских овец, стремится привести сорта афганского каракуля в соответствие с мировыми стандартами и изыскивает дополнительные рынки его сбыта. В 1975 г. Афганистан впервые успешно представил свой каракуль на пушном аукционе в Ленинграде, что позволило расширить экспортные возможности страны: прежде рынок афганского каракуля зависел в основном от аукционов в Лондоне и Нью-Йорке. А ведь каракуль — важная статья экспорта страны, составляющая в последние годы до 6% доходов внешнеторгового оборота.

Каракуль имеет большой спрос и внутри страны. В розничных магазинах-мастерских за час-полтора вам сошьют традиционную каракулевою шапку — «колах», по форме напоминающую пилотку.

Афганские скорняки — мастера своего дела, и это件件нтно. Ведь наряду с дастаром колах — самый распространенный головной убор, с которым зачастую не расстаются даже в самые жаркие летние дни. По колаху, как по лакмусовой бумажке, можно сразу определить имущественное положение его владельца. Вот хозяин большого дорогого магазина. Он в белоснежных одеждах и в дорогом, сшитом из золотистой каракульчи колахе. Один такой головной убор стоит месячной заработной платы солидного чиновника. А вот разносчик почты. К раме его велосипеда пристегнут старенький портфель, набитый бумагами и почтовыми отправлениями. Он в потертом пиджаке, в выдавших виды брюках, а на голове — тоже колах, но совсем дешевенький. Почтальон бережет его от дождя и солнца: сверху шапку покрывает кусок целлофана.

В Мазари-Шарифе, как, впрочем, в Кабуле и Герате, Джелалабаде и Кандагаре, колах продается все

от уличных лотков до специализированных магазинов, и редко кто не соблазнится купить эту изящную шапку. Несведущего поначалу удивляет огромная разница в цене внешне, казалось бы, совершенно одинаковых колахов. А хозяин молчит, выжидает, что будет делать покупатель.

Настоящий колах,— как-то выдал мне секрет один шкурник,— должен быть сшит прежде всего из целой шкурки. Вот взгляните на эти две внешне одинаковые шапки. Одна из них стоит пять тысяч, а другая — двести афгани. Теперь отогните подкладку. Видите, это настоящий колах: на шкуре нет швов, а тот сшит из кусочков.

Цвет шапки также имеет немалое значение. Афганцы редко носят колах из черного каракуля. Он считается самым простым. Предпочтение отдается коричневым и серым тонам, однако особо ценится «сур» — светло-коричневый с золотистым оттенком колах. Есть еще серебристый, «кабуд», и несколько других — всего семь основных видов.

Кому доводилось бывать в Мазари-Шарифе в разные годы, мог убедиться в том, что облик и ритм жизни города значительно изменились, и особенно за последнее время.

Теперь мазар уже далеко не единственная его достопримечательность. Местный этнографический музей располагает экспонатами, среди которых и античные каменные скульптуры, и ювелирные изделия. Но и не это основные вехи развития Мазари-Шарифа. Первоклассная автомагистраль связала город как с центральной частью, так и с другими городами страны и имеющими для Афганистана важнейшее экономико-хозяйственное и торговое значение речными портами Хайраном, и Ширханом, что превратило город в важнейший экономический центр страны. В результате совместных поисков афганских и советских геологов в северных районах страны, недалеко от Мазари-Шарифа, Акви и Шибаргана, обнаружены крупные запасы природного газа и залежи нефти, что дало новый толчок экономическому развитию не только этих районов, но и всей страны и привело к созданию основ газовой и химической промышленности. Центром ее все более утверждается Мазари-Шариф. Здесь ведутся газовые

разработки, осуществляются работы по организации добычи нефти, флюорита, барита, угля и других полезных ископаемых, создается национальная геологическая служба.

В 1974 г. в 17 км от Мазари-Шарифа на базе найденных запасов природного газа построен и введен в эксплуатацию первый в стране завод по производству азотных удобрений мощностью 105 тыс. т карбамида в год. Он позволит в известной мере удовлетворять потребности страны в этом виде удобрений и экономит значительные суммы иностранной валюты, тратившейся на импорт химических удобрений. Рядом с заводом, недалеко от развалин старого замка, который местное население называет Сорок красавиц, вырос городок с комфортабельными коттеджами, бассейном, спортивными площадками и клубом.

На смену керосиновым лампочкам, когда-то единственному городскому освещению, пришло электричество ТЭС, также работающей на природном газе. Большая часть Мазари-Шарифа заасфальтирована, а при въезде в город вас встречают уже не глинобитные дуги, а легкие современные корпуса горно-нефтяного техникума, готовящего национальные кадры геологов, нефтяников и газовиков.

Не обошло время и старый мазар: по вечерам он подсвечивается зеленым и голубым светом неона, в саду установлены современные электрические светильники и фонари, а над входом — большая ярко светящаяся вывеска. Когда-то старый настоятель проводил здесь все свое время, не отлучаясь ни на час, но после его смерти сменивший старца преемник поселился в городе, пользуется автомобилем одной из последних марок и, как рассказывают, появляется в мазаре исключительно редко, по праздникам.

Из Мазари-Шарифа мы выезжали ранним утром, когда город только начинал просыпаться. Лишь кое-где позванивали колокольчики гади; гремя связками ключей, лавочники открывали свои духаны; с одного из минаретов мечети раздавался резкий голос муэззина; в грузовых автомобилях и автобусах уже рассаживались те, кто делает новую историю города, — рабочие, техники, геологи, преподаватели.

«МАТЬ ГОРОДОВ»

Мухаммед Акбар,— представился молодой человек в колахе и накинутом поверх свободных шаровар и рубашки навывпуск темно-зеленом чапане. С Мухаммедом Акбаром на его выдавшем виды «газике» нам и предстояло ехать дальше на север, в Балх и Акчу.

С кем и где бы мне ни доводилось встречаться в Афганистане, каждый раз я убеждался в том, что афганцы исключительно доброжелательны и гостеприимны и очень любят свою страну. Именно таким запомнился мне и наш водитель, который волею судеб более десяти лет назад был одним из моих первых гидов в этой стране. Он знал лишь основы грамоты, на его левом мизинце красовался латунный перстень-печатка с инициалами, но историю своих родных мест, народную литературу и поэзию он знал не хуже многих специалистов. Любовь и знание народной и классической поэзии отличают многих афганцев и являются здесь глубоко укоренившейся традицией. Поэзию изучают не только в школе. Гораздо раньше она приходит в сознание и на всю жизнь остается в памяти из рассказов отцов и дедов. Поэтому вряд ли стоило удивляться, когда, начав первую строфу одной из газелей Хафиза:

Когда красавицу Ширази своим кумиром изберу,

я услышал, как Мухаммед Акбар тягуче, нараспев подхватил ее:

За родинку ее отдам я и Самарканд, и Бухару.

— Вы знаете Хафиза? — немного помолчав, спрашивает он, и в его вопросе слышатся нотки недоверия. Получив ответ, что знаменитого поэта средневекового Востока знают у нас в стране не только востоковеды, но и просто любители поэзии и что его произведения регулярно издаются в Советском Союзе, Мухаммед одобительно кивает головой. Потом он прочитал Омара Хайяма, Фирдоуси, Джами.

В этот ранний час на дороге было пустынно, и лишь изредка навстречу попадались упряжки гад, направляющиеся из окрестных деревень на городской базар. Климат в северных районах Афганистана суровый, и погода не особенно балует людей. Вот и сейчас: только

недавно ярко светило солнце, и вдруг подул резкий ветер, и небо стало быстро затягиваться серо-молочной пеленой. Но это не смущало крестьян, вышедших на первую пахоту своих «рваных» полей, отделенных друг от друга аккуратными холмиками земли. Кое-где были видны тракторы, но в основном крупные волю тянули нехитрый инвентарь землепашца.

Как уже говорилось, путь от Мазари-Шарифа до Балха невелик — не более 20 км, но в ту мою первую поездку (1966 г.) эти два города еще не были связаны автострадой, и пришлось потратить на дорогу чуть ли не целый час.

В солончаковых степях Северного Афганистана, от Амударьи до Гиндукуша, нередко встретишь цепи небольших, окруженных болотами озер. Часто они служат единственным источником воды. Озера богаты рыбой. Здесь водятся, например, сомы, достигающие 20 кг веса и более. А в бурной, своенравной Амударье и ее притоке Кундузе, вместе с Балхом составляющем основу богарного земледелия в этих районах, встречаются также экземпляры ставшего уже редкостью скаферингуса.

Я нередко слышал, что афганцы не любят рыбу. Действительно, я ни разу не видел взрослого афганца, пристроившегося с удочкой в руках на берегу водоема. Однако на дорогах, у больших дамб и плотин, мальчишки выбегают на дорогу со связками свежей, еще пахнувшей тиной рыбы. Ее ловят сетями либо строят запруды и глушат, а затем продают прямо на шоссе.

— Почему вы не едите рыбу? — спрашиваю я у водителя.

— Как не едим? — удивляется он. — Жареная рыба — одно из любимых блюд, особенно зимой. Ее жарят в огромных чугунных сковородах прямо на улицах.

Вдоль дороги разбросано множество мелких селений, которые обязательно включают глинобитную крепость, как правило, стоящую на доминирующем над местностью холме. Сейчас такие крепости используются под волостные управления и полицейские участки. Небольшие сады у глинобитных домов с дувалами и куполообразными крышами окружены глухой глиняной стеной. У дороги стоит несколько лавок со всякой всячиной, часто лежащей здесь, видимо, годами: выцветшие этикетки мыла «Люкс», сигареты, которые почти ни

ни никогда не покупает, а если и покупает, — поштучно, чай, насыпанный в аккуратные горки или в жестяных банках из-под растительного жира, хна, сурьма, толченый красный и черный перец, нитки, ножницы, а то и хлеб и сладости. Народу у таких духанов почти нет, но в пример бензоколонкам, у которых сгрудились чьи-то ошцы, предаются неторопливой беседе крестьяне у своего скарба. В центре всеобщего внимания — шоферы, совершающие рейсы по всей стране. Пока келинары доливают воду в радиаторы, они толкуют о делах соседней провинции, об урожае где-нибудь в Хазараджа-те, обмениваются новостями и рассказами о столичной жизни.

Степная равнина переходит в беспорядочно разброшенные по обеим сторонам дороги глинобитные руины. Их становится все больше, и местами они образуют целые кварталы, кое-где пересекаемые остатками высоких зубчатых стен с бойницами. Мухаммед Акбар — коренной житель этих мест — говорит, что этот заброшенный сейчас город, лежащий на полпути от Мазари-Шарифа до Балха, был заложен в середине прошлого века как предместье Балха для городской знати. Тогда Балх был нездоровым городом, часто возникали эпидемии холеры. От них укрывались в предместье Тахтапуль. Потом оно разрослось почти до размеров города с двухэтажными домами, садами и парками. Предместье было окружено двойной стеной с бастionsами, но затем опять заустело.

Хотите взглянуть на старую мечеть Тахтапуля? — спрашивает Мухаммед Акбар, и через несколько минут машина останавливается перед небольшим сооружением с куполообразной крышей и плохо сохранившимся фасадом. Однако внутренняя отделка стен и потолка мечети — декоративный цветочный орнамент в красных, синих и зеленых тонах — мне понравилась.

От Балха Тахтапуль отделяют считанные километры, и скоро дорога как бы упирается в огромный, почти правильной круглой формы холм с плоской вершиной — остатки древней буддийской ступы. Совсем близко, за небольшими пшеничными полями, видны развалины когда-то мощной глинобитной стены. Придорожная беседка с куполообразной крышей при въезде в город построена в традиционном стиле.

Бахди, Бактра, Балх — исторические названия старейшего центра Центральной Азии, в VI в. до н. э. ставшего центром богатого и процветающего бактрийского государства — центра пересечения караванных дорог через Гиндукуш в Пенджаб. «Балх — большой, знатный город, а прежде был больше и еще лучше. Иноземные племена грабили и разрушали его; в старину... тут было много красивых дворцов, много прекрасных мраморных домов», — писал в XIII в. Марко Поло. Легенды повествуют о том, что здесь родились Заратустра и основатель ахеменидского государства персидский царь Кир (550—530 гг. до н. э.).

История Балха, слава о богатстве которого доходила до многих уголков древнего мира, полна драматизма и величия. Сказочно богатая рубинами, золотом, лазуритом, скакунами, «украшение всей Арианы», как называл Бактрию древнеримский архитектор и инженер Аполлодор, вызывала зависть даже процветающего Египта.

Когда в 330 г. до н. э. Александр Македонский сокрушил Ахеменидов и поспешил к «гордости Арианы», бывший бактрийский сатрап последнего Ахеменида Бесс провозгласил себя новым персидским царем. Но уже в 329 г. до н. э. Бактрия без боя сдалась Александру, а Бесс попал в руки одного из военачальников Александра. Полководец поступил с Бессом так же, как персидские цари обходились с мятежниками: отправил его в Экбатаны (современный Хамадан), где его распяли, предварительно отрезав нос и уши. Александр провел здесь два года, но история обходит молчанием жизнь Балха того времени. По преданию, Александр женился здесь на красавице Роксане — дочери то ли правителя Балха, то ли последнего Ахеменида. Вскоре после смерти Александра погибла и Роксана вместе со своим сыном — наследником когда-то могучей македонской империи, а на месте Бактрии образовалось самостоятельное греко-бактрийское государство, культура которого вобрала в себя лучшие традиции древней Бактрии и эллинизма.

Казалось бы, Александр, правда уже после своей смерти, добился реализации идеи о слиянии эллинизма с «варварской» цивилизацией Бактрии. Однако история показала, что еще задолго до него Бактрия имела свои

многовековые традиции, которые могли достойно поспорить с греческой культурой.

В 1946 г. советская археологическая экспедиция под руководством проф. М. М. Дьякова отправилась в южные районы Таджикской ССР, в район Кобандиана, занимавшего когда-то в бассейне Амударьи (вместе с южными областями Узбекской ССР и Северным Афганистаном) территорию древней Бактрии. Было обнаружено, что в Бактрии еще до включения ее в состав ахеменидского государства существовала богатая земледельческая культура, процветали ремесла и торговля. Это же доказывают и знаменитые «сокровища Кобандиана» — царского клада эпохи бактрийского государства, состоявшего более чем из 1,5 тыс. монет и 100 драгоценных ювелирных изделий. Клад был случайно обнаружен в конце прошлого века, в 1880 г. перекуплен самаркандскими купцами, намеревавшимися перепродать его вице-королю Индии лорду Литтону. Но в дороге караван был разграблен, купцы попали в плен, и лишь случай помог спастись им и их сокровищам. Итем, как это нередко бывало во времена английской колониальной экспансии в Южной Азии, сокровища попали сначала в частную коллекцию, а затем — в Британский музей.

Среди экспонатов клада — золотые пластинки с изображением мужчин в персидских и бактрийских одеждах, в руках они держат сосуды и цветы; статуэтки бородастых мужчин с зубчатой короной на голове, похожие на изображения ахеменидских царей в Персеполисе; конницы со знатными воинами — представителями привилегированного сословия бактрийского общества. В орнаментах и в изображениях людей — немало образцов и греческих элементов. Их трактовка родственна искусству Малой Азии, где и во времена персидского господства основное население составляли греки, труд которых широко использовали ахеменидские цари, нередко переселявшие греков в свои огромные сатрапии, в том числе в Согдиану, в районы Кандагара и Бактрии. Так, знаменитая греко-бактрийская культура была заложена еще задолго до Искандера, а амударьинский клад помог документально доказать это.

В последние годы важные открытия, свидетельствующие о том, что строительство и архитектура, изобра-

зительное искусство и ремесла Бактрии имели богатые традиции еще до Ахеменидов и Александра, подтвердились значительными находками как в Таджикской ССР, так и в Северном Афганистане, где в районе Акчи, между Балхом и Шибарганом, с 1969 г. успешно работает советско-афганская археологическая экспедиция под руководством докторов исторических наук И. Т. Кругликовой и В. И. Сарияниди.

Греко-бактрийская эпоха была недолгой, и уже во II в. до н. э. Балх становится столицей Кушанидского государства, простиравшегося от Средней Азии до Инда. И тогда Балх оставался крупнейшим пунктом пересечения караванных путей через империю Кушанидов: из Рима шли караваны, груженные золотом, серебром, оружием и вином; из Центральной Азии и Китая — драгоценными рубинами, мехами, пряностями, лекарствами, слоновой костью. Вместе с караванами в государство Кушанидов проникали и носители новых идей — странствующие монахи, миссионеры и философы, в результате чего в середине II в. кушанский царь Канишка отдал предпочтение гуманному буддизму. Он оставался основной религией этих районов вплоть до арабского нашествия. Кушаниды на перевалочных пунктах своей империи создали крупнейшие центры буддизма, такие, как Бамиан (в Центральном Афганистане) и Баграм под Кабулом. Не менее важным центром буддизма стал и район Балха. К этому же времени относится сооружение в Балхе буддийских ступ — огромных молелен с купольной верхней частью, которые символизировали у буддийцев водяной пузырь, с которым Будда сравнивал человеческую жизнь. Пионер археологических исследований Афганистана А. Фуше впервые обнаружил в Северном Афганистане остатки ступ. Это подтвердило справедливость слов древних китайских пилигримов-буддистов, отмечавших, что здесь было множество монастырей и буддийских храмов, которые странствующие монахи считали самыми величественными из всего, что им доводилось видеть.

«Недалеко от города... есть монастырь... еще в нем фигура Будды, сверкающая драгоценными камнями, зал, где находится статуя, украшен огромными ценностями... В монастыре в южном зале Будды есть бассейн, которым пользовался сам Будда. Трудно сказать,

только золота и камней пошло на его строительство... В северной части монастыря есть статуя высотой более шести метров, покрытая гипсом твердым, как бриллиант» — так описывал один из древних путешественников буддийский монастырь в Балхе. Его остатки перед развалинами огромной когда-то глинобитной стены и сейчас видны у въезда в Балх, и местные крестьяне нередко используют тысячелетние кирпичи этого древнего святилища для разграничения своих крошечных наделов.

Сооруженные в первые века новой эры глинобитные стены с остатками зубцов, бойниц и сторожевых башен, достигавшие длины 85 км и когда-то опоясывавшие Балх, сохранились лишь в некоторых местах. Пожалуй, в наименьшей степени пострадала от времени их южная часть. Свернув вправо, перед тем как въехать в город, мы с Мухаммедом Акбаром поднялись на гребень стены. В некоторых местах по ней мог бы свободно проехать легковой автомобиль. Сверху открылась широкая панорама города; то ровные, то рваные полосы крестьянских земель, поросшие травой забвения остатки буддийской ступы, впечатляющие развалины старой цитадели и новый Балх, уютно пристроившийся у величественных руин своего прошлого. Валы старого Балха разрушались и восстанавливались вплоть до эпохи Тимуридов, и они придавали облику города особую внушительность и силу. II когда арабы появились перед стенами этого города древней славы, то были настолько поражены его величием, что называли Балх «матерью городов».

Новая страница в его истории началась после ослабления Арабского халифата, во время бухарской династии Саманидов. Тогда город достиг своего нового расцвета, став важнейшим торговым и культурным центром, где жили многие знаменитости средневекового Востока, в том числе Дакики — автор первой версии «Шахнаме», тысячу стихов которого впоследствии Фирдоуси включил в свою знаменитую «Книгу царей».

К концу X в., когда власть Саманидов клонилась к закату, известность Балха достигла своего апогея и он был постоянным объектом паломничества географов, историков и путешественников. Но в XIII в. слава города стала ослабевать, а монгольское нашествие 1220 г. на долгие годы превратило его в руины. Но совсем уни-

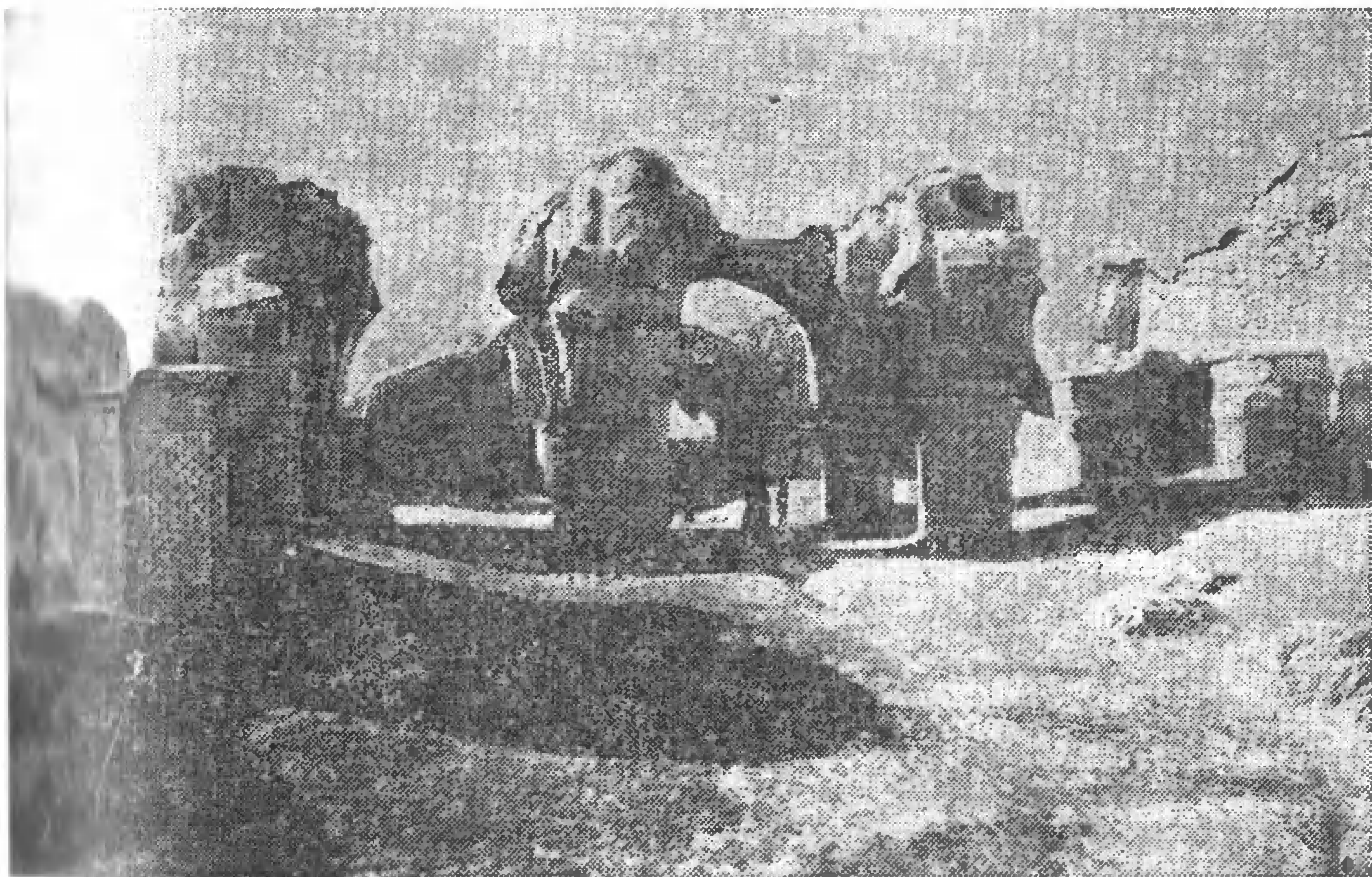
чтожить этот огромный город было невозможно, и в XV в. он вновь восстанавливает былую славу важного торгового и культурного центра. Переходя из рук в руки, Балх пережил расцвет и закат многих династий. В 1737 г. он был присоединен к персидскому государству Надира Афшара. Позднее он становится ареной спора афганских эмиров и бухарских ханов, а после того как границы их владений были определены по Амударье, Балх перешел в сферу влияния афганского эмира.

Но городу уже трудно было восстановить свое былое величие, что объяснялось и частыми эпидемиями малярии и холеры. В 1824 г. англичанин Нуркрофт писал о Балхе: «Мы ехали через нагромождение развалин и нашли, что базар длиной в 600 футов был единственным обитаемым районом этой когда-то великой столицы», а его соотечественник Александр Бернс восемью годами позже сообщил своему правительству, что развалины Балха тянутся более чем на 20 миль.

До середины прошлого века Балх оставался административным центром этого района, а торгово-экономическим центром все больше становился Мазари-Шариф. В 1866 г., после эпидемии холеры, резиденция губернатора была окончательно перенесена в Мазари-Шариф. Балх же превратился в маленький провинциальный городок с несколькими сотнями домов.

Сегодняшний Балх, как и многие афганские города, меняет свой традиционный облик. Проводятся мероприятия по модернизации города, расширены его улицы и площади. В центре, у мечети Ходжа Абдул Наср Парса, одного из немногих образцов исламской архитектуры XV—XVI вв., разбит пышный сад, насажены абрикосовые и вишневые деревья. Мечеть Ходжа Парса когда-то была отделана богатыми изразцами, сейчас лишь в нескольких местах заметны остатки зеленоватого кафеля, давшего когда-то ей второе название — Зеленая мечеть. Рядом с мечетью захоронена Рабийя Балхи — первая национальная поэтесса. Вокруг ее имени, стихов и трагической истории века сложили немало легенд. Полюбил тюркского раба из балхской гвардии, красавица Рабийя, принадлежавшая к знатному балхскому роду, нарушила планы родителей, за что поплатилась жизнью.

Развалины огромной мечети Ногумбад (Девятикупольная), или Ходжа Пияда, находятся километрах

Развалины мечети Ногумбад

шеснадцати от города. Это когда-то великолепно декорированное сооружение, построенное, по некоторым данным, в конце VIII в., т. е. через несколько лет после того как арабы захватили и разрушили Балх,— ценнейший источник для изучения ранней исламской архитектуры, тем более что во всем мире остались лишь единичные ее образцы.

Первое описание мечети, декоративный стиль которой весьма близок к архитектуре дворцов древней Самарры в Ираке (строительство их относится к X в.), было сделано известным советским археологом Г. Л. Пугаченковой, после чего появился ряд сообщений других авторов. Главная секция мечети состоит из девяти площадок, когда-то увенчанных девятью сводами. До нашего времени дошли только части высоких проек, украшенные многочисленными геометрическими орнаментами. Круги и полукруги, прямоугольники и треугольники, прямые линии, спирали, а также стилизованный цветочный орнамент выстраиваются в единый ансамбль, а цветки лотоса в проемах между колоннами свидетельствуют о влиянии буддизма. Мечеть сильно разрушена, и у специалистов нет единого мнения о це-

лесообразности ее реконструкции. Одни считают необходимым воздвигнуть над ней своеобразную стальную крышу, чтобы предотвратить дальнейшее разрушение этого уникального памятника архитектуры раннего ислама. Другие полагают, что реставрация мечети может нанести значительный ущерб даже тому, что дошло от нее до наших дней.

БОЗКАШИ

Балх позади, а впереди обширная холмистая равнина. Средневековые арабские историографы называли эту область Страной тысячи городов. Но где они, эти тысячи городов? И правы ли были арабы, некогда наделившие северные районы Афганистана таким эпитетом? Долгое время, действительно, не было никаких доказательств справедливости старого названия, и археологи не могли его «материализовать». Однако все стало на свои места в результате раскопок послевоенных лет. В 1964 г. в Афганистане у слияния Амударьи и Кокчи археологи обнаружили несколько колонн, выполненных из цельного камня, что натолкнуло их на мысли о существовании в этих районах древнего города. Последующие раскопки подтвердили эти предположения: постепенно из-под толстых пластов земли и песка выступали остатки мощных стен, когда-то окружавших со всех сторон город. Сам же город состоял из цитадели, расположенной на вершине треугольной формы холма, и строений у его подножия. Нижний город делился на три части: северную — с незначительным количеством построек; центральную — со зданиями государственных служб, дворцом правителя с резным орнаментом по камню и гробницей основателя города, выстроенной в македонском стиле; южную — с домами, архитектура которых выдает их принадлежность знати и воинам. Развалины гробниц и дворцов обнаружены и за крепостными стенами.

Архитектурный стиль, колоннада зданий, близких по форме к греческим образцам, а также множество монет и изделий из металла, а главное, остатки надписей на греческом языке, одна из которых являлась копией на

столпений морального плана, обычно украшавших храмы Аполлона, натолкнули на мысль о том, что город существовал в то же время, что и греко-бактрийское государство, образовавшееся в этих районах после распада империи Александра Македонского. Так как наши попытки города определить так и не удалось, а развалины цитадели занимали вершину холма Айханум, то было решено так и именовать античный город. Вероятно, когда-то он был значительным центром всего греко-бактрийского государства, где особенно сильно ощущалось греческое влияние: ведь после смерти Александра в этих районах осели более 13 тыс. греческих солдат.

Советско-афганская экспедиция начала составление археологического атласа северной части страны. За годы работы экспедиция открыла более 300 археологических памятников. Впервые на территории Северного Афганистана были обнаружены памятники эпохи бронзы, раннего железного века, а также ранее совершенно неизвестные в этом районе стоянки человека каменного века. Найденные храмы и дворцовые постройки II тысячелетия до н. э. позволили по-новому осветить социальную историю древнего населения этих районов страны. Раскопки античных городов в районе Шибаргана и Балха сопровождались открытиями уникальных по своему художественному значению настенных фресок и росписей, письменных памятников, в том числе монументальной плиты с надписью кушанских царей. Научные статьи и сообщения советских и афганских ученых по этим вопросам вызвали огромный интерес мировой научной общественности, так как образцы глиняной скульптуры, росписей и кушанской письменности позволяют говорить о существовании особой бактрийской художественной школы. Эти памятники, богато дополняя работы советских археологов в Узбекской ССР, способствуют воссозданию стройной картины художественной культуры Бактрии.

Начатая экспедицией работа еще далека до завершения и может принести новые сенсационные открытия. Обнаружен укрепленный ахеменидский город и новые памятники эпохи бронзы, например, такой, как крупный храм диаметром более 100 м. Результаты археологических раскопок вполне оправдывают древнее название этого района — Страна тысячи городов.

...Справа над горизонтом поднимается облако, которое по мере приближения к нему становится все больше. И уже это не облако, а клубы пыли, поднимаемой десятками всадников. Они мчатся по разграниченному в степи прямоугольному пространству размером метров триста на полкилометра. Вокруг этой импровизированной арены — множество зрителей всех возрастов, главным образом мужчин. Одни сидят на земле, другие стоят, третьи удобно устроились чуть поодаль, на большом холме рядом с площадкой.

Всадники, поднимая плотную завесу пыли, тесным строем несутся в центр поля. Вдруг один из них, стремительно набирая скорость, старается оторваться от других, волоча по земле тушу то ли теленка, то ли барана. Это знаменитая бозкаши — самая популярная в северных районах Афганистана игра.

Бозкаши означает «тянуть козла», но «играют» только тушей теленка (обычно годовалого, весом около 50 кг), как более крепкой: во время борьбы туша барана или козла может легко быть разодрана всадниками.

Бозкаши, казалось бы, не отличается особой сложностью. На площадке играют две команды; каждая состоит из пяти — десяти наездников — «чапандазов». Цель игры заключается в том, чтобы, подхватив тушу из центрального круга и на всем скаку обнеся ее вокруг столба, вкопанного в конце площадки, забросить теленка в круг команды противника.

Во время игры чапандазы не имеют права взвалить тушу на круп лошади, а должны держать ее одной рукой на весу. Нарушением является и удар кнутом противника, и стаскивание его с коня за одежду. Правда, в пылу состязания правила игры соблюдаются далеко не всегда. Бозкаши настолько захватывает игроков, что зачастую кажется, будто они вот-вот влетят в толпу, собравшуюся вокруг поля, и потопчут всех не успевших отскочить.

Приглядевшись повнимательнее, и неискушенный начинает понимать, сколь захватывающе и интересно это зрелище. Игра требует от всадников отваги, умения, силы, ловкости и, конечно, искусства верховой езды. Чапандазы одеты в плотные хлопчатобумажные или шерстяные рубашки, короткие куртки, стеганые шаровары и сапоги с высокими каблуками, на голове — круглая

шерстяная шапочка, на руке — ременная петля с кнутовищем.

Наконец одному чапандазу после упорной борьбы удается перехватить тушу, вырваться из плотного круга соперников и устремиться вперед, к деревянному столбику. Наездника на низкорослой пегой лошадке по пятам преследуют соперники, но товарищи по команде стремятся оттеснить их от него. Вдруг туша теленка падает на землю, тут же другой чапандаз, перевесившись с седла и удерживаясь в стремени одной ногой, на полном скаку подхватывает тушу теленка и устремляется к цели.

Какой же выносливостью должны обладать не только люди, но и лошади, от которых зависит едва ли не половина успеха любого чапандаза! Не случайно именно в этих районах, славящихся великолепными породами лошадей, особенно распространена бозкаши.

Верховая езда издавна распространена на территориях по обоим берегам Амударьи. С семи-восьмилетнего возраста мальчики обязательно учились и ухаживать за лошадьми, и быть хорошими наездниками. Умение легко садиться на лошадь наряду со смелостью и отвагой считалось неотъемлемым признаком настоящего мужчины и воина. Любовь к верховой езде и сейчас характерная черта жителей Северного Афганистана, а истоки бозкаши следует искать в военном искусстве.

Внешне здешние породы лошадей не привлекательны: они низкорослые. Но зато их силе и выносливости могут позавидовать лучшие в мире породы этих животных. «Наши лошади произошли от знаменитого Ракша — скакуна легендарного народного героя Рустама», — гордо говорят здешние старики.

Сейчас на севере Афганистана наибольшей популярностью пользуются две породы лошадей — бадахшанские и каттаганские, и обе используются в бозкаши. Из кобыла отбирают наиболее выносливых, которых тщательно выезжают, хорошо кормят, регулярно тренируют. Лошади должны хорошо знать своего хозяина и, чувствуя правила игры, помогать ему. Выносливость воспитывается не только постоянной тренировкой, но и строгим рационом фуража. Перед соревнованием обязательно сбавляют вес животного, гоняя его по кругу. Конечно, каждое имеет свою кличку, но нередко лоша-

дей просто называют по масти: серая бадахшанская лошадь — «тарак», рыжая — «саманд», коричневая — «джайран», белая — «казиль» или «бауз».

Без бозкаши редко обходится большое торжество, а состязания проводятся во все сезоны, но главным образом весной и осенью, во время чемпионата всех северных провинций, финал которого проходит в Кабуле. В это время в столицу съезжаются не только лучшие чапандазы всех возрастов — от 16 до 70 (!) лет, но и многочисленные торговцы лошадьми, совершающие сделки, подбирающие животных на следующий сезон. И еще долго после финала соревнований, победители в котором награждаются ценными призами и дают интервью газетам, все живо обсуждают полюбившуюся им команду и лучших чапандазов.

...Бозкаши подходит к концу, но возбужденные наездники не торопятся спрыгнуть с лошадей. Не спешат разойтись и зрители: на соревнованиях можно встретить старых друзей и знакомых, обменяться последними новостями. Разбившись на группы по два-три человека, они обсуждают результаты игры, спорят, чья лошадь показала себя на этот раз самой выносливой и резвой. гадают, кто войдет в команду провинции для участия в финале соревнований сборных провинций и кому выступать на столичном стадионе «Милли». Тут же разговор переходит на урожай: каким-то он будет в этом году? Но мы торопимся — пора дальше, в традиционный город ковроткачей Акчу.

МОЗАИКА ДРЕВНЕГО РЕМЕСЛА

Было это или не было, в давние времена жил молодой эмир. Любил он проводить время в неге, пирах и охоте. Но однажды встретил эмир юную красавицу — дочь ковроткача. Запала девушка ему в сердце, и решил эмир взять красавицу в жены. Но девушка дала зарок, что не выйдет замуж до тех пор, пока ее жених не обучится какому-нибудь полезному ремеслу. Тогда созвал эмир лучших ковроткачей и, через некоторое время научившись ткать, подарил невесте тонкий расписной ковер своей работы. Прошло время, однажды на охоте эмир попал в руки разбойников, и те решили его

Тогда вспомнил правитель про свое ремесло и сказал разбойникам, что он будет ткать ковры на продажу для дворца эмира и они смогут выручить много денег. Разбойникам понравилось это предложение, и, запрятав пленника в далекую горную пещеру, они приказали ему поскорее приниматься за дело. Женщина послала на поиски мужа многих воинов, обещая тому, кто найдет эмира, большую награду, но все было напрасно. И вот однажды везир сказал правительнице, что какие-то незнакомцы принесли во дворец ковер небывалой красоты. Женщина приказала позвать купцов. Развернули разбойники тонкий ковер, и в его замысловатом узоре женщина прочитала искусно вытканную надпись с указанием места заточения мурда. Так мудрость дочери ткача, обучившей мужа по-настоящему ремеслу, спасла его от гибели...

Эта старая восточная сказка приходила мне на память всякий раз, когда я посещал мастерские афганских ковроткачей. Вспомнилась она мне и при осмотре экспонатов первой национальной выставки ковров, организованной в Кабуле в середине 70-х годов. Для знакомства с экспонатами, занимавшими четыре двухэтажных навильона, где десятки торгово-производственных компаний страны представили образцы производимой ими продукции, а также антикварные ковры, потребовался не один час.

Огромные, площадью в десятки метров, полотна и совсем миниатюрные молельные коврики, старые ковры с изображением сцен охоты, длинные ковровые дорожки, непривычные для глаза круглые ковры, многочисленные образцы широкой безворсовой ковровой тесьмы — «кур», используемой для украшения помещений, швейные туркменские сумки — хурджины — для верховой езды, попоны для лошадей и верблюдов — далеко не полный перечень собранных на выставке предметов, напоминавших сказки Шехерезады и дворцы Гарун Рашида. Экспозиция вызвала небывалый интерес, и в книге отзывов было много восторженных строк. Немало мастеров этого древнего ремесла оставили свои автографы, а уже через два дня после открытия выставки на многих коврах висели таблички «Продано».

Ковроткачество в Афганистане, как и во многих других районах Азии, имеет давнюю и богатую традицию,

насчитывающую более двух тысячелетий. Обширная пастбища в северной и западной частях страны, благоприятный для разведения тонкошерстных пород овец климат, богатый выбор трав, цветов и фруктовых деревьев, употребляемых для получения устойчивых красителей,— все это издавна обусловило популярность и широкое распространение ковроткачества как важнейшего из всех народных промыслов.

Ковроткачество в то время, когда ковры предназначались исключительно для внутреннего потребления было распространено среди населявших северные и западные районы современного Афганистана туркменские и белуджских племен и было неотделимо от их кочевого и полукочевого образа жизни. На коврах ели, спали, собирались на семейные советы и советы племен, ими украшали и утепляли жилища, укрывались от непогоды. Ковры считались непременным элементом приданого каждой девушки, и с раннего детства в домах родителей под присмотром матерей девочки для своего будущего дома ткали ковры, пледы, подушки, драпировочную ткань, паласы. Встречая на дорогах афганского севера караваны верблюдов, обязательно заметишь, что почти каждое животное покрыто одним, а то и несколькими коврами, но самое незабываемое зрелище представляет собой свадебный поезд. На животных — красочные ковровые попоны и уздечки, украшенные разноцветными шерстяными шариками; подарки жениха или приданое невесты, нагруженные на верблюдов или на лошадей, завернуты тоже в ковры.

История сохранила сведения о том, что Александр Македонский направил в подарок своей матери несколько изумительных по красоте ковров, взятых им на территории современного Афганистана как трофей. Дорогами коврами украшались и многочисленные дворцы гандевидских султанов.

В XIV—XV вв. ковроткачество получает особое развитие в западной части современного Афганистана, в районе Герата. Гератская традиция ковроткачества, переходящая в известную хорасанскую школу, жива здесь и по сей день. Орнаменты гератских ковров отличаются неповторимой красотой и изяществом благодаря развитию в средневековом Герате школы восточной миниатюры. Высокого уровня достигло здесь и производство

красителей: коричневая краска изготовлялась из корней брикосового дерева, бежевая и красная — из обработанной кожуры гранатовых плодов. Красители получали из грецкого ореха и корней некоторых трав. Изготавливаемые в основном по древним образцам, они и сегодня используются как в Герате, так и в других районах страны.

Сейчас, как и много сотен лет назад, ковроткачество сосредоточено в северной и западной частях страны. На производстве ковров заняты десятки тысяч человек. Важным производственным и торговым центром ковроткачества в последнее время становится Кабул и его окрестности, однако первенство продолжает оставаться за несколькими крупными провинциальными городами. Это Анжа, Даулатабад, Андхой, Мазари-Шариф и Герат. Здесь ежегодно производится более 500 тыс. кв. м различных видов ковров; 75% этой продукции идет на экспорт.

В различных районах и племенах ткют свои, отличающиеся друг от друга по выработке и орнаменту ковры. Среди афганских ковроткачей известно в общей сложности 57 наименований ковров, которые даются по названию местности или племени. От аналогичной продукции других стран их отличает ряд особенностей. Главная состоит в том, что афганские ковры выделываются только из натуральной шерсти — овечьей или верблюжьей. Кроме того, ковроткачество остается здесь исключительно ручным производством, но в лучших экземплярах качество и количество узелков на каждом квадратном сантиметре не уступает самым высоким мировым стандартам, что требует чрезвычайно высокого уровня профессионального мастерства.

Наиболее высокие по качеству и самые изящные по рисунку ковры всегда ткали женщины, вносящие в работу присущий им природный художественный вкус и чувство прекрасного. Они переносили на ковровый орнамент не только красоту весенней степи, цветов, спелых плодов, но и рисунки ювелирных украшений, предметы домашнего обихода и пр. Эта традиция жива и сейчас в таких названиях коврового орнамента, как «бадамча» — форма небольшого миндального ореха — обязательного элемента традиционного серебряного ожерелья; «таньга гуль» — монетки с цветочным орнамен-

Юная ковроткачиха

том, которые украшают женские головные уборы: «кучнук» — бараний рог; «адамчик», или «адамджик», изображение ребенка. Часто встречается и орнамент под названием «чамча гуль»: чамча — небольшая деревянная ложка для размешивания пищи, гуль — цветок (кстати, слово «гуль» часто употребляется и как обобщающее название рисунка или орнамента ковра).

Мне доводилось бывать в мастерских афганских ковроткачей. Работают они, как правило, в паре или по четыре человека. Рядом с опытной ткачихой обычно

работает маленькая девочка, на практике познающая искусство коврового искусства. Но в какую бы мастерскую я ни заходил, почти каждый раз наблюдал одну и ту же картину: старшая быстрым движением руки опускала на лицо чадру или накидку и что-то шептала младшей, и та — обычно еще совсем ребенок лет шести-семи — не поднимала глаз от станка все то время, пока мы оставались в мастерской.

Прогуливаясь однажды по Кабулу, я зашел в «Ноу-ру-и-карпет» — один из крупнейших магазинов по продаже ковров и «античных» подделок. Моложавый хозяин привел меня в секцию, где ткут ковры. Рядом с мальчиками-подростками работали две туркменки, совсем еще девочки. Они копировали старый ковер размером $2,5 \times 1,5$ м.

— Дети завершают копию месяцев за пять, — рассказывал владелец магазина. — Работают по найму, старшей — четырнадцать, младшей — девять лет. У обеих стаж почти пять лет, и их уже можно считать неплохими мастерицами. Ковер будет выткан шерстяной и шелковой ниткой.

Ковроткачи пользуются деревянными станками и специальным инструментом который применяли и сотни лет назад. Техника производства остается одинаковой практически во всех районах ковроткачества, за исключением Герата, где жива старая, гератская школа, отличающаяся от традиционной, туркменской двойным узлом по основе и утку. Мастерицы используют деревянный гребень шириной 8—10 см с большими зубцами, для того чтобы пригнать узелки плотно друг к другу, нож с одинарным или обоюдоострым кривым лезвием для срезания ворса, большую иглу, которой проверяют ровность краев ковра. Для основы обычно берется нить двойного кручения, для утка и узелков — одинарного. Ковровые станки представляют собой деревянные четырехугольные рамы, которые перед началом работы устанавливаются либо горизонтально, либо вертикально, в зависимости от размеров предполагаемого ковра. Станки бывают и переносными, но на них можно ткать ковер размером не более 6 кв. м.

Внимательно наблюдая за работой мастеров, я понял, почему говорят, что ковры не ткут, а вяжут, поскольку каждый узелок умело завязывается, перепле-

таясь с нитями основы и утка. Поражает колоссальный труд, вкладываемый в каждый сантиметр будущего рисунка. Четыре опытных ткача на производство ковра размером от 10 до 25 кв. м в зависимости от его качества тратят от месяца до двух лет.

Особенностью афганского ковроткачества является своеобразие как расцветки, где преобладают красные и черные тона, так и орнамента, который на 80% остается традиционным и представляет собой геометрически правильные рисунки. Казалось бы, это должно снижать популярность афганских ковров, но происходит обратное: именно национальные орнаменты и в известной степени цвета служат основными факторами растущей популярности их на мировом рынке.

В 50-х годах афганские ковры не имели широкого выхода на международный рынок. Индийские и иранские купцы небольшими партиями скупали и перепродавали их в Европу и в Америку, нередко выдавая афганские изделия за продукцию своих стран. В 1951 г. на аукционах Лондона и Гамбурга впервые появилась национальная марка «Калине афган» («Афганский ковер»). Эти города были основными центрами экспортной торговли афганскими коврами. Для коврового производства страны широкий выход на мировой рынок был сопряжен со значительными трудностями, которые начали преодолеваться только с начала 70-х годов. Они вызывались неупорядоченностью производства, низким качеством продукции, а также незнанием конъюнктуры мирового рынка и особенностей спроса. Учитывая, что рост экспорта ковров может увеличить валютные поступления в госбюджет, правительство предпринимает шаги для улучшения качества ковровых изделий. Это касается реорганизации системы производства, расширения среди мелких производителей, улучшения окраски и промывки, а также усовершенствования в целом техники ковроткачества: для удешевления и ускорения производства ремесленники часто использовали некачественные сорта шерсти и красителей.

Для обучения ткачей и повышения их квалификации государство организовало специальные курсы, ковроткачество введено в учебные планы ряда женских школ, главным образом северных районов страны — традиционных поставщиков ковровой продукции. Все это по-

...менно создает условия для роста организующей роли государства в этой важнейшей отрасли афганской ковровой промышленности.

Афганистан принимает активное участие в международных выставках ковровой продукции; производители ковров стали регулярно снабжаться новейшей информацией о конъюнктуре мирового коврового рынка. Советские экспортеры установил контакты с 250 иностранными торговыми фирмами, и сегодня афганские ковры экспортируются более чем в 20 стран мира, тогда как десять лет назад их рынок ограничивался лишь тремя-четырьмя странами. Наряду с Англией, ФРГ, Швейцарией, США, Италией, Швецией крупные закупки осуществляются и такие страны — производители ковровой продукции, как Иран, Ливан, Саудовская Аравия, Индия; в последнее время афганские ковры импортирует и Советский Союз. Если в 1968 г. Афганистан экспортировал 100 тыс. кв. м ковров, то в 1976 г. эта цифра увеличилась более чем вдвое.

Кто захочет познакомиться со всем разнообразием коврового производства Афганистана, тому обязательно посоветуют посетить традиционный праздник ковров. Он проводится в сентябре, после сбора урожая, в одном из главных центров ковроткачества страны — Акче.

Побывав на фестивале, я вспомнил не только мудрую сказку о дочери ковроткача, но и долгий путь афганских ковров к мировому признанию. Традиция организации этого праздника, на который съезжаются представители всех районов ковроткачества и во время которого заключаются крупные сделки, уходит в далекое прошлое. Если на северные районы приходится две трети всего производства ковров, то 20% из них падает на Акчу. Удобное географическое положение города, на пути в Балх, а через него в Индию — на юге и в Иран — на западе, способствовало тому, что Акча издавна была и крупным торговым центром.

Слово «акча» монгольского происхождения; его связывают с золотой или серебряной чеканной монетой, что последний раз подтверждает важное торговое значение города с давних времен.

Сегодня во многом изменился старый облик Акчи: разрушены вереницы глинобитных стен и построек, разбит большой городской парк, построен современный

отель. Главная улица застроена трех- и четырехэтажными с большими открытыми балконами зданиями, которые строят из обожженного кирпича, и огромные, напоминающие пирамиды печи для обжига такого кирпича составляют неотъемлемую часть пейзажа городских окрестностей.

Каждый из районов Афганистана славится чем-то своим: в Мазари-Шарифе — лучшие арбузы, в Хульме — персики и абрикосы, в Кандагаре — гранаты. Дыни Акчи не имеют себе равных по вкусу, а ковры — по популярности.

Жители других городов образно называют Акчу «городом ковров», и в меткости и справедливости этого замечания убеждаешься здесь на каждом шагу. Пожалуй, нигде в Афганистане не встретишь такого обилия ковров, как здесь. Они остаются неотъемлемой частью жителей города. Но чайные Акчи — вне всякой конкуренции. Установленные вдоль стен деревянные помосты за которыми обычно происходит трапеза, покрыты огромными, спускающимися до пола коврами. Побеленные стены и глиняные полы — также в коврах различной формы и качества. В чайных побогаче они более тонкие и изящные, а там, где доход поменьше, скромнее и ковровый интерьер. У огромных, иногда в рост человека, медных самоваров на коврах восседают степенные «самоварчи» — владельцы чайных.

Однажды мне пришлось провести в Акче несколько месяцев. Как и все небольшие города Афганистана, она особо оживлена в четверг, в базарный день, когда из окрестных деревень сюда съезжаются крестьяне и ремесленники, чтобы продать свою продукцию, кое-что купить для хозяйства, послушать последние новости, а иногда и просто «на людей посмотреть — себя показать». Однако такое скопление людей, как в день праздника ковров, в Акче встретишь не часто. Весь город, особенно его главная часть, в буквальном смысле слова покрываются коврами. Их живописно развешивают на балконах, расстилают у дверей домов, а нередко и прямо на проезжей части улицы и на тротуарах.

Разнообразие ковров акчинского праздника напоминает покрытые сочной травой бескрайние степи с яркими пятнами цветущих тюльпанов и маков. Наверное, этот ландшафт и стал в древние времена первым сюжетом

Лучшие торговцы коврами

ми коврового орнамента, во многом сохранившегося и по сей день.

Случись вам потолкаться на акчинском празднике, послушать разговоры покупателей и продавцов, и вы составите общее впечатление обо всех без исключения производимых в стране коврах. По качеству их можно разделить на три сорта: к первому относятся так называемые мервские — «маури», даулатабадские и «саруки»; ко второму — наиболее распространенные благодаря хорошему качеству и более низкой цене — акчинские, шидхойские, альтибулакские, а также белуджские. Шибарганские и каркинские ковры несколько ниже по качеству, но и они, бесспорно, украсят самую respectable гостиную.

На видном месте, конечно, самые дорогие и тонкие изделия — маури, даулатабадские и саруки. Мервские ковры в Афганистане производятся главным образом в ряде северных и западных районов. Их орнамент представляет собой восьмигранные фигуры, напоминающие шесток. Они расположены обычно тремя или пятью па-

параллельными рядами, каждый из которых в зависимости от размера ковра состоит из 12 цветков и более. Восьмигранный цветок разделен на четыре части и украшен стилизованным орнаментом. Центральный рисунок обрамляется широкой каймой с цветочным орнаментом или геометрическим рисунком. Борты ковра украшаются бахромой обычно серого или красновато-коричневого цвета длиной от 5 до 40 см.

Основные цвета мервских ковров — вишнево-красные, бордовые, коричневые, песочные, лучшие их образцы отличаются гармонией цвета и рисунка. Племена ямуд и тека для изготовления ковров «маури» используют высококачественные так называемые кандагарские сорта шерсти.

Интересной особенностью обладают мервские ковры. В какой бы богатый интерьер они ни вписывались, только они являются настоящим украшением помещения. В Кандагаре на стене холла центрального и единственного в городе ресторана я видел небольшой изящный ковер сине-бордовых тонов в массивной раме. На мой взгляд, он не только не терялся в дорогом позолоченном обрамлении, как это нередко случается с некоторыми произведениями искусства, а, наоборот, украшал и раму, и холл, и даже хозяина ресторана.

Даулатабадские ковры напоминают «маури», но их рисунок крупнее, а ворс толще. Их изготавливают из более грубой нити, а кайму делают не такой широкой и с менее изысканным рисунком.

К лучшим афганским коврам относят и саруки, называемые так по имени небольшого племени. У них преобладают темно-коричневые, черные и песочные тона и восьмигранный рисунок.

Для афганских ковров среднего качества характерно большое разнообразие красок. В основном эти ковры расстилают у магазинов и на проезжей части улицы, и не только для обозрения, но чтобы по ним ходили, и потоптали — от этого ковер только выигрывает. Они, как правило, средних размеров и с широким узором по краям. Покупатели ощупывают их со всех сторон, прикладывают края ковров к щеке, чтобы убедиться в качестве ворса и выработки.

Наибольший успех здесь, бесспорно, выпадает на долю ковров, выделяемых в самой Акче и ее окрест-

иных из белой, светло- и темно-серой, а также черной шерсти каракульских пород овец. Акчинские ковры делятся на несколько подвидов и носят названия деревень, где сосредоточено их производство. Их рисунок более крупный, а выработка грубее, чем у дорогих изделий. Как правило, они окрашены в более приглушенные, чем другие ковры подобного качества, тона, а в цветовой гамме присутствуют самые разнообразные оттенки — от вишневого, индиго до каштанового, розового и других более светлых тонов. В последние годы именно в акчинские ковры внедряются новые цвета: желтые, золотистые, темно- и светло-коричневые, а также голубые и зеленые, что придает им еще большую нарядность и разнообразие.

Образцы таких светло-коричневых и золотистых ковров, круглых и овальных, я видел и на первой национальной выставке ковров среди экспонатов компании «Хак Мурад Лтд» — основного производителя и продавца акчинской продукции. «Почему фирма специализируется на производстве ковров среднего класса?» — спросил я тогда у главы компании Хак Мурада — высокопоседего туркмена средних лет в светлом европейском костюме. «Именно эти ковры по сравнению с другими пользуются наибольшим спросом на мировом рынке, — ответил он. — Кстати, компания заключила контракты и с советскими внешнеторговыми организациями на поставку партии акчинских ковров в пять тысяч квадратных метров».

К коврам среднего качества относятся и изделия, производящиеся в окрестностях Андхоя. Наиболее популярны из них так называемые «сулейман». Альтибулакские же ковры по рисунку, толщине и цветовой гамме во многом напоминают даулатабадские, но иногда у них другой орнамент. Зачастую их бывает трудно отличить от даулатабадских. Во всяком случае, мне ни разу не удалось правильно их определить. В своих заблуждениях я не был одинок, и мои афганские знакомые подтверждали, что отличить альтибулакский ковер от даулатабадского может только специалист высокой квалификации.

Оригинальны ковры белуджских племен, кочующих в западной и южной частям Афганистана и проживающих также на территории соседних Ирана и Пакиста-

на. Они, как правило, небольшие, размером с молельный коврик (неотъемлемая принадлежность совершающего намаз мусульманина). «Балучи», как их называют в Афганистане, не отличаются богатством рисунка, который зачастую просто диспропорционален. Центральным орнаментом представляет собой сцепление четырех- и шестиугольников бордовых и коричневых тонов на красном фоне, а по краям ковры обрамлены таким же, но более мелким орнаментом.

Шибарганские, каркинские и десятка два названия других составляют третий, наиболее простой и дешёвый вид афганской ковровой продукции. Основной район производства — провинция Джаузджан, ее центр — Шибарган. Каркинские ковры получили название от местечка на берегу Амударьи, у афгано-советской границы и кроме Каркина производятся в пяти-шести соседних районах. Уступая акчинским и андхойским по качеству каркинские изделия мало отличаются от них по внешнему виду.

У афганцев широко распространена и самая простая ковровая продукция — паласы и гилимы, представляющие собой безворсовую двустороннюю ткань; множество их образцов можно видеть на каждом акчинском фестивале.

...Парад ковров подходит к концу, но, прежде чем улицы Акчи опустеют до следующего четверга, комиссия Союза экспортеров ковров производит оценку лучших образцов, а авторам вручаются золотые, серебряные, бронзовые медали и призы. Среди победителей чаще всего женщины и дети: ведь главным образом благодаря их упорному труду создается этот мозаичный калейдоскоп цветов и орнаментов.

Немного грустно расставаться с акчинским фестивалем, как всегда трудно расставаться с прекрасным. Рейсовые автобусы заполняют пассажиры, которые складывают на сиденьях и на крышах свои покупки. Сумка из акчинского ковра, которую я приобрел в Акче, будет долго напоминать мне удивительный праздник в этом далеком городе. Ковры скатывают в огромные рулоны, грузят на верблюдов, но чаще — на мощные грузовики с увеличенными бортами. Белой краской на них выведены надписи: «Сафар бахейр!» (Счастливого пути!). До встречи на следующем празднике!

БУДДИЙСКИЕ КОЛОССЫ БАМИАНА

Кабульский международный аэропорт невелик, и, когда совершает посадку очередной самолет, небольшое помещение для визового контроля до отказа набивается пассажирами. Сейчас лето, столбик термометра подпрыгнул далеко за 30°, и за окнами аэровокзала — ясная, безоблачная, типично кабульская, знойная синева пустынского неба.

Лето — сезон туристов и для Афганистана. Правительство выделяет значительные средства на строительство гостиниц, кемпингов и расширение деятельности государственной туристической организации «Гырзандуй», филиалы которой уже открыты во многих городах. Все это способствует быстрому притоку туристов, и если в 1970 г., когда был создан «Гырзандуй», в Афганистане побывало всего несколько сот иностранных туристов, то в 70-х годах эта цифра перевалила за сотню тысяч.

Молодцеватый брюнет в серой униформе с серебряным колосом пшеницы на погонах офицера полиции непроницаемо просматривает паспорта, о чем-то нетерпеливо допочует охочие до путешествий старушки в буклях, оживленно басят сухие, карикатурного вида старики в шапках и цветных бабочках. Немало и «хиппи». Их глаза похожи на застекленевшие зрачки чучела бадахшанского тура, которое отделяет помещение для визового контроля от транзитного зала.

Всех привлекает огромное цветное фототабло с изображением высеченного на отвесной скале каменного колосса. «Побывайте в Бамиане — самом привлекательном месте для туристов!» — читаю на небольшом плакате перед самым выходом из аэровокзала.

— Как, вы еще не были в Бамиане?! — удивленно поднял брови чиновник «Гырзандуя», узнав, что я в Афганистане не впервые. — Не были в Бамиане, считайте, что не видели Афганистана!

Но потом, словно спохватившись и желая подбодрить, улыбнулся:

— Обязательно поезжайте, не пожалеете!

Действительно, Бамиан — это страница истории Афганистана, это страница и истории буддизма, оказавшего столь большое влияние на культуру и искусство всей Азии. Получив широкое распространение в север-

ных, центральных и юго-восточных районах современного Афганистана в самом начале новой эры, буддизм оставил монументальные памятники в районе Кабула, Чарикара, Желалабада, Кандагара, Балха, но таких, как в Бамиане, не встретишь даже на его родине — Северной Индии.

Богатый и воинственный Рим — на западе, процветающий ханьский Китай — на востоке и загадочную страну пряностей и драгоценных камней Индию — на юге — связывал в древности Великий шелковый путь. Находящаяся на его пути Бамианская долина для многочисленных караванов стала незаменимым перевалочным пунктом после утомительного и беспокойного перехода через грозный, опасный Гиндукуш. И в настоящее время Хаджигекское ущелье, расположенное южнее долины, остается наиболее удобным проходом через горные скалы.

Вместе с караванами купцов в Бамиан приходили странствующие поэты, музыканты, философы, монахи, которые и принесли сюда буддизм. В начале новой эры из Северной Индии он распространился дальше на север — в районы Хадды, Балха, в Бактрию — сердце будущей империи Кушанидов. А когда кушанские правители захватывают Индию до Ганга, занимают южные районы Афганистана и завоевывают Среднюю Азию, буддизм становится государственной религией и идеологической основой огромной империи. На территорию Афганистана эта религия пришла еще во II—I вв. до н. э. и оставалась доминирующей вплоть до нашествия арабов в конце VII в.

По мнению археологов, к эпохе Кушанидов относится создание в Бамиане огромного пещерного монастыря и сооружение исполинов.

Более 15 лет странствовал по Индии и Цейлону китайский монах-буддист Фа Шэн, а когда в 400 г. с одним из караванов побывал в Бамиане, в его дневнике появилась такая запись: «Есть в этой стране чаша Будды, выбитая в камне и похожая на его чашу для приношений. Есть там и зуб Будды, для которого люди воздвигли ступу, при коей состоит более тысячи монахов... Страна эта находится в сердце Луковых гор, где снег лежит и зимой, и летом. Есть там и ядовитые драконы, и стоит их потревожить, как они выдыхают ядо

аный воздух, несущий снежные бури, тучи песка и камней, и никто не может спастись, столкнувшись с этой опасностью».

Сделаем скидку на пристрастие монахов к чудесам, тем более что в то ясное утро, отправляясь в путь, трудно было представить себе холод и леденящий ветер. Но все же прав был и монах, говоря, что с природой в этих местах шутки плохи даже летом, когда внезапно может пойти сель, не говоря уж о зиме, когда добраться до Бамиана особо сложно: окруженную горами, лишенными растительности отрогами Гиндукуша орошает длиной 14 км и шириной 2 км с одной стороны опирает отвесная гряда высотой около 100 м, а с другой окаймляет обширное горное плато, переходящее в скалистые вершины.

Хотите сэкономить время, возьмите билет на самолет компании «Бахтар», обслуживающей внутренние авиалинии, и меньше чем через час будете прямо «под ногами» у Будд,— сказал представитель «Гырзандуя».— Правда, тогда вы не ощутите всего своеобразия ландшафта этих мест,— добавил он,— поэтому поезжайте-ка лучше на автомобиле, через перевал Хаджигек или Шибар. Оба пути, хотя и различны по расстоянию, через Хаджигек — немногим более ста пятидесяти километров, а через Шибар — двести тридцать километров, но времени в дороге почти одинаковы — часов шесть. Путь не легкий, но у нас хорошие водители.

Посоветовавшись, выбираем путь через Хаджигек. Он не только короче, но и интереснее: ведь именно им пользовались древние путешественники, направляясь в Бамиан, о чем говорит и само название перевала — Хаджигек (Проход пилигримов).

Кабул нас провожает ярким весенним утром, и через сотню километров узкой колеи, идущей сначала долиной, утопающих в зелени селений, приютившихся у подножия, мы едем по почти голой каменистой горной полупустыне. Ее однообразие безуспешно пытаются оживить редкие пучки сухой колючей травы. Матовое солнце уже поднялось к зениту, когда незаметно начинается подъем, который переходит в Хаджигекский перевал. Его высшая точка — более 3 тыс. м, крутые повороты дороги настолько резки и неожиданны, что если бы за рулем был двигатель, то пришлось бы съезжать вниз, в тесно-

те скалы выбирать удобное место для разгона и пытаться вновь штурмовать непокорный поворот, за которым тут же следует другой.

Вспоминается еще один добрый совет — ехать на «старой» «Волге». Невольно следим за движением рук водителя, который уверенно ведет борьбу с поворотами. Вдруг машина резко сворачивает вправо и притирается к скале. Мимо проносится выскочивший из-за поворота пассажирский автобус, доверху нагруженный скарбом. Едва успеваю разглядеть улыбающееся лицо келинара. Он лихо висит на задней двери автобуса. «Не робейте, мол!» — приветливо махнул он рукой. Этот автобус был единственным. Больше машин до самого Бамиана не встретилось, но при каждом повороте к горлу невольно подступала какая-то нервозная слабость.

Перевал, к счастью, преодолен без осложнений, и через несколько километров дороги, причудливо петляющей вдоль небольшой речки, вновь проезжаем мимо миниатюрных селений, укрытых тополиными рощами. Затем минуем небольшой мост у слияния рек Калу и Бамиан. Отсюда рукой подать до самого Бамиана. Где-то здесь должны быть развалины древнего города, но круг только голые скалы да бурные Калу и Бамиан. Взгляд невольно скользит вверх, и неожиданно на головокружительной высоте отвесных, похожих на строй гигантских елей красно-бурых скал, эффектно оттененных лазурной синевой безоблачного неба, начинаем различать остатки нескольких мощных бастионов. Они как бы охраняют вход в древнюю цитадель, и ее разрушенные стены почти естественно вписываются в отвесные скалы. Это Шахри-Заххак, или город Заххака, названный так по имени одного из царей древнеперсидского эпоса, которому молва приписывает сооружение замка. Образ печально прославившегося своей жестокостью Заххака использовал Фирдоуси в поэме «Шахнаме» для изображения тирана, от которого народ освободил смелый кузнец Кова. Кстати, недалеко от Бамиана одна из горных долин, где, по преданию, жил Кова, так и названа — Долина кузнецов.

Древние легенды повествуют о том, что когда божья тьма и зла Ахриман искусил царя Джамшида, то иллуземлей на тысячу лет без одного дня воцарился иллуземный правитель Заххак. Однажды дьявол Иблис по

появил Заххака в плечи, и из них выросли две огромные змеи. Они не давали царю покоя до тех пор, пока им не подносили пищу, приготовленную из человеческих тел. Правитель велел ежедневно приносить в жертву двух юношей, но смелый Кова, сделав знаменем борьбы с тираном кожаный фартук кузнеца, поднял народ и сверг Заххака, приковав его собственноручно цепями к высокой скале.

Сооруженная из обожженного кирпича цитадель Заххака еще хранит остатки мощных стен, высота которых когда-то достигала 24 м. Она почти сливается с бурно-бурыми горными вершинами, за что получила в народе и другое название — Красный город. Предполагают, что он был основан в первые века новой эры. Помнируя над окрестностью, город служил надежным стражем всей Бамианской долины.

Построенный уже после проникновения в долину ислама старый Бамиан слыл крупным торговым, экономическим и политическим центром этого района, а окрестные жители славились не только как умелые земледельцы, но и как мастера керамики, изделиями из которой они искусно выкладывали стены дворцов и минаретов. В 1221 г. старый город принял на себя первый удар войска Чингисхана. Говорят, что, когда при штурме, имка был убит любимый внук жестокого завоевателя, он приказал уничтожить все живое в старом городе и в расположенной неподалеку цветущей долине. Величественный замок правителя, чьи развалины напоминали пирамиды египетских фараонов, был хорошо защищен, и не одолеть бы его монгольским ордам, не приди им на помощь случай.

Легенды говорят, что монголы не взяли бы Бамиана, если бы не вероломство дочери его правителя Лалы Агуи. Желая отомстить отцу за второй брак, она тайно сообщила Чингисхану расположение канала, по которому Бамиан снабжался питьевой водой. Заняв Бамиан и уничтожив все живое, Чингисхан приказал казнить и девушку, сказав, что она должна понести кару за измену отцу.

С высоты развалин Города вздохов (так называли это бамианцы) Бамианская долина — как на ладони. Хорошо видны в скале и остатки пещерного монастыря многочисленными, соединенными между собой внутри-

скальными галереями, гротами, число которых достигает более тысячи. Комплекс венчают две исполинские вырубленные в скальной породе статуи Будды высотой 35 и 53 м. В их каменных изваяниях как бы отразилось слияние различных культур, встречавшихся в Бамиане: легкая каменная драпировка складок одежды покрывающей фигуры, вызывает в памяти строгие образы классических греческих скульптур.

Как бы раздвинув монашеские кельи, напоминающие огромные пчелиные соты, всего в нескольких десятках метров от города высится наиболее древний исполин Малый Будда. У его основания квадратная пещера, вероятно предназначавшаяся для стражника, когда-то охранявшего вход в эту часть монастыря.

— И сейчас,— покачал головой гид,— мы вынуждены держать здесь полицейского.— Ведь многие гроты превратились в пристанище хиппи, присутствие которых сами понимаете, не способствует сохранению остатков бесценных фресок.

Не без труда поднимаемся по крутым каменным лестницам, пересекающим весь пещерный город. В воображении возникают вереницы буддийцев в желтой одежде, некогда проходивших мимо этих прокопченных монастырских сводов. На потолке одной из пещер внимание обращает фреска с изображением бога Луны держащего копье в правой руке, а левой опирающегося на длинный меч. Запряженная крылатыми скакунами колесница несется в небеса.

— Обратите внимание на эту фреску,— говорит гид живые пытливые глаза которого выдают влюбленного в свое дело человека.— Здесь особенно ярко выражено слияние художественных стилей разных эпох: греческая колесница и кони, одежда Центральной Азии, оружие времен сасанидской империи.

В нескольких десятках метров от Малого Будды видим Большого Будду. Этот исполин «моложе» первого и при его создании сказался уже приобретенный ранее опыт: у статуи великолепно выдержаны пропорции тела. Поражает высокое мастерство древних каменотесов более тысячи лет назад вырубивших этого 53-метрового колосса в цельной скале. У него отсутствует верхняя часть лица до рта, и создается впечатление, что она была когда-то искусственно отделена от головы. Предли

Большой Будда

лагают, что эту часть заменяла маска из золота и драгоценных камней. Открывавшаяся только во время боиших праздников маска играла в лучах солнца тысячами огней, поражая толпы паломников и монахов величием и блеском. Среди бамианцев бытует версия, что во время арабского нашествия золотая маска была искусно спрятана в одной из пещер, где время хранит ее и по сей день.

Обе статуи когда-то были окрашены (большая — розовый, малая — в голубой цвет) и разрисованы орнаментом. На сводах ниш над головами Будд испещрен сохранился орнамент. Статуи можно увидеть совсем вблизи, поднявшись по высеченной в камне винтовой лестнице почти к самой макушке.

Не нужно быть специалистом, чтобы заметить, что комплекс монастыря подвергся значительному разрушению. Арабское нашествие, разорительные набеги орды Чингисхана, суровая природа этих мест — сильные морозы, дожди, палящее солнце и резкие перепады температур в дневное и ночное время — сделали свое дело, и так и не смогли уничтожить это великолепное творение рук человеческих.

В 1969 г. началась реставрация бамианского комплекса. Работы над Малым Буддой уже завершены, для предохранения его от дальнейшего разрушения левая часть грота забетонирована.

— Еще каких-нибудь пять лет назад вы не смогли бы любоваться нашей долиной: пройти через гроты к самой макушке статуи было невозможно, — говорит гид. — Кстати, эти два колосса, которых народная молва наделила множеством прозвищ, не единственные в долине, — и он показал на несколько едва различимых скалах крупные пещеры, ярусами расположенных вокруг еще одной статуи высотой примерно 15 м. — Древние буддийские монахи писали, что в Бамиане была статуя лежащего божества, достигавшая 300 м в длину. А и бамианский дракон, — указал провожатый на небольшую скалистую грядку, как бы делящую долину на две неравные части.

На память невольно приходят записки древнего китайского буддиста, и мы недоуменно переглядываемся. Гид, конечно, на это и рассчитывал: ему очень хотелось поделиться с нами еще одной легендой.

Когда-то жителей долины приводил в трепет гигантский огнедышащий дракон, сжигающий смертоносным дыханием окрестные поля и селения. Правитель решил пойти на сделку с чудовищем и обещал ему ежедневно доставлять 2 верблюда, 15 пудов хлеба и... красивую девушку. Долго продолжалось так, пока не настала очередь отправиться к дракону единственной дочери бедной вдовы. Ранним утром, когда женщины уже направлялись к логову чудовища, им повстречался незнакомый юноша. Узнав о горе, постигшем жителей, он взялся бить кровожадное чудовище. Выхватив из ножен волшебный меч, в долгом и тяжелом бою юноша одолел дракона. Жители были спасены, а безжизненное тело дракона осталось лежать поперек долины и превратилось в скалу...

В город мы спустились к полудню, в самый разгар жаркого дня. Бамиан ничем не отличается от любого провинциального городка: по обеим сторонам улочек, выходясь друг за друга, тянутся ряды лавок, лавчонок и чайных. В небольших лавках можно встретить и ковры. Эти бамианские изделия, изготовляемые из грубых сортов шерсти, используются главным образом местным населением, а вот шерстяные хазарейские паласы и вместительные сумки хурджины, популярны и в других районах страны. В мастерских по изготовлению грубошерстной ткани можно сшить куртки, накидки и брюки.

Вообще же бамианский базар немногочислен, здесь даже по четвергам — в базарный день — не встретишь такого оживления, как в других провинциальных городах. И это не случайно: экономика Бамиана многие годы переживает кризис. Здесь, где сельское хозяйство составляет основу жизни местного — хазарейского, таджикского и пуштунского — населения, ощущается острая нехватка обрабатываемой земли и капиталовложений. Несколько лет назад группа сотрудников Кабульского университета провела экономические исследования в этой провинции, обобщив их в работе «Экономика Бамиана». Печальнейшее большинство крестьянских семей владело участками от 0,1 до 2 га; из-за отсталой агротехники урожаи пшеницы, овса, бобов, люцерны и картофеля — основных культур местного земледелия — очень низки, а крестьянские семьи с трудом сводили концы с концами. Мелкие землевладельцы ежегодно под кабальные

Банди-Амир

проценты (до 50%) занимали у кочевников-скотоводов значительные суммы денег, за что расплачивались большей частью урожаем.

Хотя будущее Бамиана связано с решением главных образом сельскохозяйственных проблем, в перспективе этот район может стать важным центром горнорудной промышленности. Здесь найдены промышленные запасы каменного угля и высококачественной железной руды. Бамиан и расположенный километрах в семидесяти от него в пустынном каменистом районе живописный каскад озер Банди-Амир объявлены национальным заповедником.

Не побывать в Банди-Амире — значит не получить полное впечатление от этих мест. Выбравшись из города, минуем ряд пещерных деревень, и вскоре горное плато, по которому мы едем, начинает идти на подъем. Озера лежат на высоте 3 тыс. м. Где-то вдали, в глубине долины, — шатры кочевников, на вершинах до

развалины старых башен, а за ними — закрывающий горизонт заснеженные вершины. Тягучее, монотонное, клонящее ко сну однообразие. Неожиданно возникает яркое голубое пятно, за ним другое, потом еще и еще. Это и есть Банди-Амир — цепь живописных озер. Вода в них имеет различные оттенки: глубокая лазурь постепенно, где резко переходит в голубой, салатный или кремовый цвет. У каждого озера свое название. Самое большое — Банди-Зульфикар — длиной почти в 3 км, остальные — от 150 м до 3 км. Мы остановились у края дороги взглянуть перед спуском на огромное плато, где расположено самое эффектное из озер Банди-Амир. Казалось, будто кто-то поставил перед нами гигантскую чашу, переполненную ледяной водой, которая мощными каскадами стекает на каменное плато. Высота чашни в некоторых местах достигает более 12 м.

Здесь раскинулся небольшой сезонный кемпинг: расчищенная площадка для стоянки автомашин, две-три скамейки, дощатый павильончик и несколько наскоро оббитых столов, самовары в половину человеческого роста, ящики кока-колы. У берега слегка покачивается старая надувная лодка. Другая — на середине озера; на ней загорает косматый хиппи. Задерживаться у озера времени не остается; мы хотели, объехав озера, вернуться в Бамиан, откуда нам предстоит добираться до Кабула. Но наши планы нарушил сухопарый немолодой человек в выцветшей рубашке цвета хаки и в шортах. На бедре у него болтается кобура, явно не пустая. Оказывается, это и есть владелец кемпинга.

Знаете, всякое бывает, особенно когда имеешь дело с хиппи, — перехватив недоуменный взгляд на кобуру, сказал он после приветствий. — Туристы пока еще приезжают сюда ненадолго, да и то летом, в сезон. Дорога тяжелая, почти без ориентиров; запутаешься, долго кружить придется. А места красивые — чудо! Кстати, вы знакомы с преданиями о том, как образовался Банди-Амир? Их много, но все связаны с хазрати Али.

Когда-то в этих местах протекала бурная, своенравная река. Люди долго пытались обуздать ее. Ежедневно тысячи рабов начинали воздвигать дамбу, но все было напрасно: как только строительство завершалось, вода неожиданно поднималась, и плотины сносило. Тогда люди направили к Али юношу с просьбой о помощи.

Али поднялся на гребень скалы и, сбросив огромные валуны, сотворил Банди-Айбат (Плотину благоговения). Затем волшебным мечом «Зульфикар» он отсекает другой кусок скалы и соорудил Банди-Зульфикар (Плотину Зульфикара). Попросив у кочевницы кусок душистого сыра, Али бросил его в бурлящий поток, и из реки поднялись скалистые отроги и образовались еще два озера: Банди-Панир (Плотина из сыра) и Банди-Пулир (Плотина из мяты). За это время рабы построили еще одну дамбу — Банди-Гулеман (Плотину рабов).

Считается, что вода озер обладает целительными свойствами; шиитские паломники совершают в них омовение и даже прихватывают с собой сосуды с озерной водой. Все озера, вместе взятые, получили название Банди-Амир (что означает Плотина эмира), по одному из многочисленных титулов Али.

Про целебные свойства вод Банди-Амира ничего не могу сказать, но что она ледяная даже в самый летний зной — это так: ведь озера питаются подземными источниками. На глубине, как в огромном бассейне, медленно движутся стаи рыб.

Кроме сезонного кемпинга у Банди-Амира оказались еще небольшая молельня. Как нам сказали, она построена недавно, примерно 60 лет назад, но, разумеется, на том месте, где когда-то якобы стоял Али и «сооружал» это удивительное творение природы. Место это и называют: «кадаме джай шахе Алиа» — «место, где стоял Али». А хранитель молельни, как утверждает шутку владелец кемпинга, является потомком той самой кочевницы, которая когда-то подала Али кусок душистого сыра...

Возвращаться из Бамиана пришлось на самолете Изыщный Як-40, сделав полукруг над долиной, быстро набирает высоту. Из окна иллюминатора совсем рядом видим очертания бойниц и песочную громаду Горы вздохов, а большой исполин Будды стремительно превращается в маленького каменного человечка.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ СВЕТА

Дорога резко сворачивает влево, и серебристые мраморы асфальта сменяются назойливыми поворотами разбитого проселка. Через несколько часов пыльной тряски

и каменистой, лишенной растительности степи появлялись первые селения, небольшими группами раскинувшись на берегах горной реки.

Вот мы и в родине! — путая русские предлоги, сказал мой спутник, высокий широкоплечий афганец. Шпорить по-русски он научился когда-то в Москве, но такую грамматику — камень преткновения для многих иностранцев — так, вероятно, преодолеть не успеет.

Здесь, в районах Восточного Афганистана, в долине берущей начало где-то в Гиндукуше р. Пич, издавна расселилось небольшое племя сафи — дальнейшее ответвление большого пуштунского клана юсуфзаев. Трудолюбивые сафи в своих вытянутых с севера на юг долинах выращивают рис, пшеницу и кукурузу, а их высокопринные гранаты без косточек славятся по всей стране. Собирая лес огромными плотами, они распродают его в близлежащих городах. Когда едешь от Кабула на северо-восток по всегда оживленной и, пожалуй, самой живописной автомагистрали до Желалабада — основного города этих районов, навстречу часто попадаются огромные грузовики, нагруженные столь ценным в стране зерном.

Мой спутник давно живет в Кабуле, но «в родине» остались старики-родители, и приезд сына, да еще с гостями, вносит заметное оживление в их размеренную, размеренную событиями жизнь. Они долго расспрашивают о здоровье и делах, по-стариковски, со снисходительным вниманием, сетуют, что сын забывает родные места. Но встречают доброжелательно, чинно и с достоинством. Гостям здесь всегда рады, но перед ними не заискивают.

На свежий воздух выносят огромный вертел, ковры, подушки, чайники, пиалы и — для гостей — чашки. Все эти приготовления для меня уже обычны: за время пребывания в стране я привык к гостеприимству афганцев. Иногда же под развесистым платаном расставляют столы и стулья, я недоумеваю: ведь в деревнях обычно сидят на паласах и коврах. Сиденья стульев на низких ножках сплетены из тонких полосок кожи, спинки украшены затейливой резьбой и раскрашены в красный, зеленый и черный цвета. Квадратные столы немного выше стульев и тоже сплетены из таких же кусочков кожи.

Так, почти случайно попав в гости к сафи, я познакомился с домашней утварью нуристанцев — жителей труднодоступного района Восточного Афганистана, потерянного в крутых отрогах Центрального Гиндукуша.

Нуристан почти заперт отвесными скалами, и только на крайнем юге и юго-востоке гористая местность спускается к бассейну Кабула — крупнейшей водной артерии этого района, а его притоки Башгуль, Пич, Кунар и Алингар орошают несколько высокогорных долин, соединенных труднопроходимыми перевалами, расположенными на высоте более 5 тыс. м.

За время поездок по Афганистану привыкаешь преимущественно к степным, пустынным и горным, почти лишенным растительности пейзажам. Попав же в Нуристан, невольно поражаешься обилию и густоте нетронутых лесных чащоб. Именно на этот район площадью 2,5 тыс. кв. км приходятся почти все лесные массивы страны, и именно горные склоны Восточного Афганистана — родина красавицы гималайской ели, достигающей высоты 100 м. Переплетенный плющом подлесок из ясеня, дикого миндаля и бузины на склонах гор неметно переходит в гигантские дубовые леса, а на высоте более 2,5 тыс. м — в вековые сосновые боры и заросли кедра.

В этих суровых, но на редкость красивых местах живут нуристанцы — десятка полтора племен общей численностью не более 60 тыс.

Труднодоступность района объясняет тот факт, что в геологическом отношении он почти не изучен, хотя издавна известны его богатые залежи рубина, куншита, золота и серебра. Географическая изоляция способствовала и сохранению племенами, происхождение которых вызывает споры и по сей день, образа жизни, обычаев и нравов своих далеких предков.

История индийского похода Искандера сохранила упоминания о том, что в 327 г. до н. э. на подступах к Индии, в районе р. Кунар, его легионеры лишь после тяжелых потерь нанесли поражение неизвестным воинственным племенам. Подивившись воинской доблестью горцев, македонский полководец повелел набрать в свою армию тысячу местных юношей. Но вскоре Александр не стало, его воинство распалось, и история много столетия обходила молчанием племена Центрального

Гиндукуша. Отрывочные сведения о них вновь появлялись лишь в конце VI в. н. э. в записках буддийских монахов, державших путь через окраины нынешнего Туркестана на запад, в Бамиан.

Подступные скалы долгое время оставались естественной преградой для утверждения ислама в этой части Афганистана. В безуспешной борьбе с племенами Гиндукуша сталкивались орды Чингисхана и армии Тамерлана, который, по преданию, хотя и взял в жены женщину из одного местного клана, но завоевать их все же не смог.

В XVI в. в записках «Бабур-наме» основатель династии Великих Моголов Бабур оставил некоторые сведения об укладе жизни и быте этих племен, продолжавших хранить свою древнюю религию и поэтому получивших среди соседей-мусульман презрительное прозвище «кафиры» (неверные). Их землю долгое время называли Кафиристан (Страна неверных). И лишь в 1895 г., когда эмиру Абдуррахману удалось силой оружия заставить кафиров принять религию Мухаммеда, Кафиристан был переименован в Нуристан (Страна света), а кафиры стали называть нуристанцами.

Завоевание Кафиристана и обращение кафиров в ислам способствовало централизации страны. Однако процесс насаждения ислама занял здесь длительное время, и только к 40-м годам XX в. относятся первые сообщения о появлении в различных частях Кафиристана мусульманских служителей культа.

Мальчики из влиятельных семей воинов и старейшин были взяты в твардию эмира, и позднее многие из них участвовали в войне за независимость Афганистана (1919 г.). Часть семей кафиров спустилась в соседние долины, рассеялась по другим районам страны, в том числе в Кабуле и его окрестностях. Мне нередко пришлось слышать, что кабульцы и сегодня называют переселенцев из старого Кафиристана «джадидиха», т. е. «новички», имея в виду то ли позднее принятие кафирами ислама, то ли сравнительно недавнее переселение их в этот район.

Храмы богов кафиров постепенно были превращены в мечети. Шаманы, оставляя либо видоизменяя под влиянием ислама прежние формы отправления обрядов, тоже со временем стали служителями новой религии. Все

это положило начало частичному отмиранию, постепенной ломке или слиянию древних обычаев кафиров с мусульманской традицией. Однако и сейчас, чем выше поднимаешься по долинам Кунара, Алингара и Пичи тем влияние ислама на традиции и уклад жизни местного населения менее заметно.

Полученные в разное время отрывочные сведения о кафирах поначалу привели к возникновению двух версий об их происхождении. Одно время кафиров считали потомками воинов Александра Македонского, осевшими после смерти полководца и распада его армии в южных отрогах Гиндукуша. Однако это предположение, строившееся преимущественно на некоторых внешних особенностях (светлый цвет волос, кожи и глаз, близкие к европейским некоторые привычки и спортивные игры) представляется весьма проблематичным. Известный советский антрополог Г. Ф. Дебец (1905—1969), изучивший конституцию представителей близких к нуристанцам племен пашаев и некоторых других групп населения окраинных районов Нуристана, объяснял их более светлую, чем у окружающих групп, пигментацию географической изоляцией.

Другая версия связывала происхождение кафиров с арабами. Однако она носила исключительно политический характер и лишь недолгое время поддерживалась в самом Афганистане в целях окончательного укоренения среди кафиров ислама. Понимая, что сломить непоколебимую приверженность старым традициям лишь силой оружия вряд ли возможно, эмир Абдуррахман объявил, что кафиры являются прямыми потомками племени курейшитов, представителем которого, как известно, был основатель ислама Мухаммед.

Последние исследования связывают происхождение нуристанцев с оставшейся в географической изоляции частью восточного ответвления индоевропейцев, мигрировавших из районов Средней и Центральной Азии в III—II тысячелетиях до н. э., а сравнительный анализ нуристанских диалектов с другими языками, в том числе с санскритом, свидетельствует об их несомненной близости к последнему.

Первым европейцем, попавшим в Кафиристан, можно считать Марко Поло. В конце XIII в., направляясь в Китай и проходя через территорию Афганистана, он

упоминал о племенах Центрального Гиндукуша, разделив их на «одетых в белое» и «одетых в черное». Упомянувшийся же мусульманами термин «Кафиристан» вошел в европейской литературе лишь в начале XVII в. в записках португальского иезуита Бенедикта де Говина, который в 1602 г. прошел с купеческим караваном через восточные районы современного Афганистана. Португалец отмечал плодородие «Кафрестана», и попробовав бокал вина местного изготовления, нашел его весьма недурным.

В 30-х годах прошлого века англичанин Чарльз Максон, ставший впоследствии известным путешественником, нередко выполнявший и «деликатные» поручения правительства «владычицы морей», совершил свое знаменитое путешествие в Белуджистан, Пенджаб и Афганистан. Он оставил описания и Кафиристана, которые обогатил, как и его соотечественники М. Элфинстон и А. Бернс, в основном из рассказов жителей соседних районов и христианских миссионеров из числа местного населения. Имена многих миссионеров забыты историей, и лишь полное драматизма путешествие двоих из них, Фрэнк Хака и Нуруллы, не осталось без следа. Осенью 1841 г. они почти месяц были гостями солдата родом из Кафиристана. Нередко рискуя жизнью, миссионеры вели дневник, вместо чернил используя лимонный сок. Неизумление вызывали деревянные дома высотой в пять этажей в селениях кафиров.

Англия во второй половине прошлого столетия нередко засылала агентов в приграничные с Британской Индией районы. В 1883 г. некий У. Макнейр, выдавая себя за врача и мудреца, вытравив волосы раствором каустической соды и соком грецкого ореха, проник в Кафиристан. Картографические инструменты наболевший британец прятал в огромной, исчерченной алхимическими формулами и знаками книге. Возвратившись в Индию и получив частные поздравления вице-короля (ведь «путешествие» было предпринято даже без формального разрешения властей), он рассказывал о красоте кафиров, о том, что они обожествляют идолов, пьют вино из серебряных кубков, пользуются столами и стульями и говорят на языке, непонятном их соотечественникам.

Однако, пожалуй, самыми удачными были путешест-

Вия в восточные, вплоть до сегодняшнего дня остающиеся наиболее недоступными районы Страны света англо-индийского политического агента, врача по специальности Дж. Робертсона, предпринятые им в 1890 и 1891 гг. Его поездки были последним знакомством со старой культурой кафириров в ее «чистом виде»; через четыре года Кафиристан был провозглашен Нуристаном.

Первыми из советских исследователей, побывавшими в этом районе, стали ученый-растениевед Н. И. Швилов и инженер-агроном Д. Д. Букинич. В 1924 г. участвуя в научной экспедиции в Афганистан, они четыре дня провели в Центральном Нуристане.

Просматривая небогатую литературу о Нуристане, чтобы застаться хотя бы минимумом сведений перед поездкой в этот интересный район, я натолкнулся на то, что данное в конце 50-х годов в Лондоне «Путешествие в Гиндукуш». Его автор Э. Ньюби — в прошлом сотрудник одной из фирм по продаже готового женского платья, решивший в конце концов забрать себя подальше от капризных клиенток и посвятить себя путешествиям, — приводит сведения о невиданной по масштабам того времени экспедиции в Гиндукуш, предпринятой в 1935 г. Германией: караван из 40 вьючных мулов сопровождали 15 погонщиков, 16 афганских солдат и 3 офицера. Экспедиция носила явно двусмысленный характер, а ее цель состояла якобы в изучении сравнительной анатомии местного населения, отмечает Э. Ньюби. Замечание весьма справедливое, если вспомнить, что в годы перед второй мировой войной в планы германского империализма, стремившегося укрепить свое военно-политическое влияние в странах Среднего Востока, немалое внимание уделялось и Афганистану. Не без иронии автор «Путешествия в Гиндукуш» пишет, что «свои заключения экспедиция занесла в огромный труд, изданный готическим шрифтом, отчего прочесть его было просто невозможно».

Сегодня, как и сотни лет назад, основу жизни нуристанцев продолжает составлять горное пастбищное животноводство (главным образом здесь разводят местный рогатый скот). Скотоводство — привилегия мужчин, которые заботятся о загонах, обеспечивают скот фуражом и т. д. Что касается земледелия, то оно в основном удел женщин. В Нуристане все почвы, за исключением

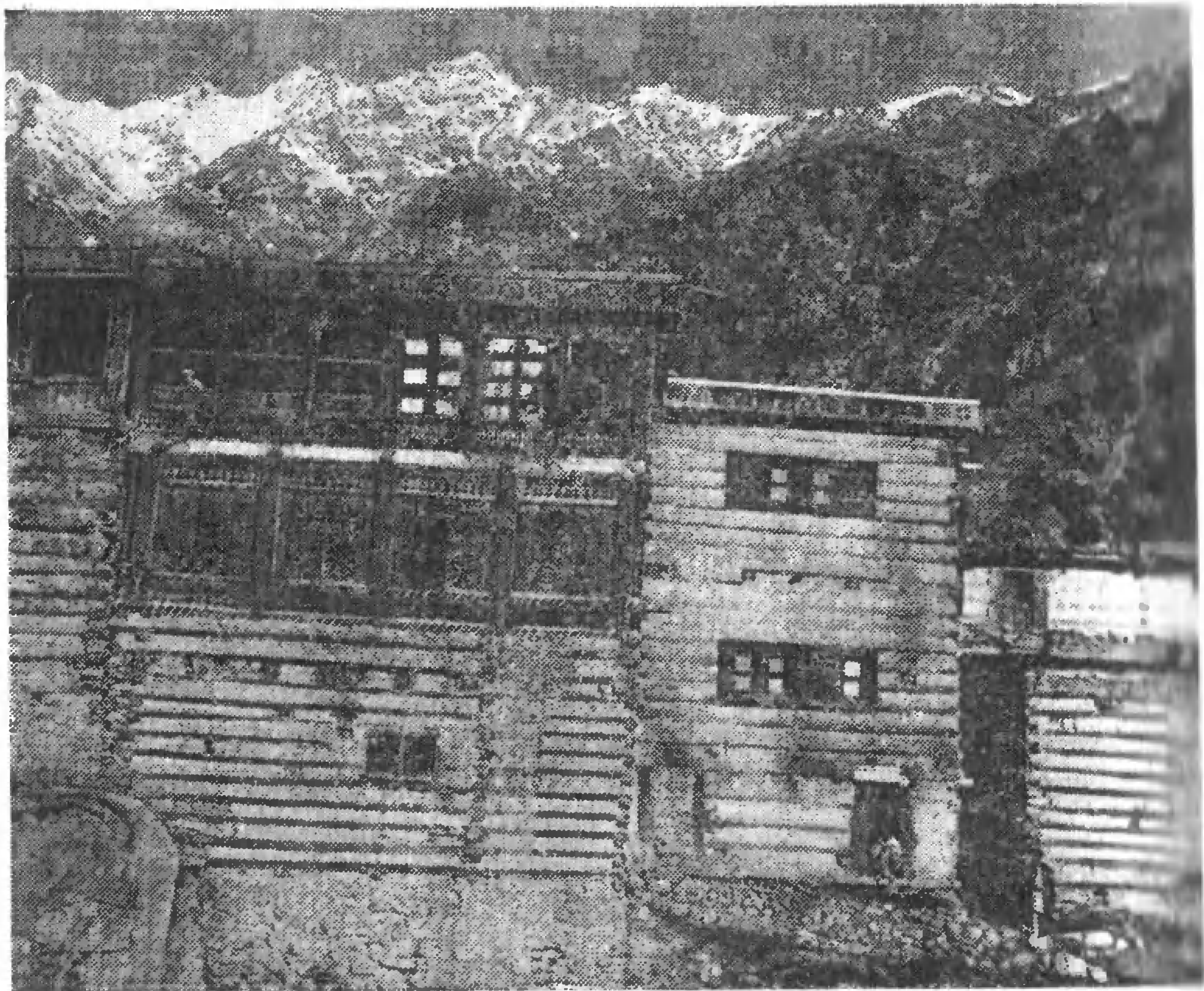
наибольших участков по берегам рек, созданы искусственно, путем кропотливой расчистки и планировки, и полосы обрабатываемой земли закреплены от оползней многочисленными подпорными сооружениями.

Относившаяся у суровой природы земля располагается в виде небольших террасами, и, глядя на них, нельзя не отметить огромного трудолюбия жителей Страны света, отдающих много сил нелегкой борьбе с природой. Чтобы предохранить почву от размыва, участки засыпают плотным слоем дубовых листьев. Для орошения устраивают несколько небольших арыков. В качестве орудия используют деревянную или металлическую вилообразную палку. После сбора урожая в сплетенных из ветвей древовидного можжевельника конусообразных с закрытым верхом сумках, «каджава», зерно переносят в таргалища. В прикрепляемые к спине веревкой или ремнем каджава собирают и хворост, а нередко в них переносят на далекие расстояния детей. Своеобразно нуристанцы хранят сено: на деревьях между сучьями вяжут «постель» из стеблей кукурузы и на нее наваливают сено.

В отличие от других районов лес в Нуристане — всё: основной строительный материал, мебель, предметы домашнего обихода.

Добираться вверх по течению Кунара приходится почти по полному бездорожью. Небольшой городок Асмар — последний пункт, где еще есть несколько лавчонок. Здесь жители близлежащих нуристанских селений покупают керосином, спичками и покупают дешевые украшения из бисера. Выше, километрах в сорока, расположен Барикот, добраться до которого еще можно на осле, но дальше, в сторону Камдеша, самого крупного из селений Страны света, лучше пробираться пешком или на вьючном транспорте; в весеннюю распутицу месяца на четыре заваленная обломками скал и стволами деревьев дорога становится почти непроходимой. Поэтому небольшое, примерно в 150 км, расстояние от Асмара до Камдеша даже в летнее время обычно занимает несколько дней.

Лежащий на высоте 2 тыс. м над уровнем моря Камдеш представляет собой четыре больших, расположенных в некотором отдалении друг от друга селения.

Здесь живет нуристанская семья

Здесь издавна расселялось пять нуристанских племен в общей сложности тысячи три-четыре семей, половина из которых занимает всю центральную часть долины. Попадая в эти места, прежде всего замечаешь оригинальность нуристанских построек. Деревни напоминают огромные гнезда, сгруппированные десятками и сотнями, ступенями карабкающиеся высоко в горы. Чтобы добраться до них, требуется часа два перехода по горным кручам, бурелому и шатким мосткам, нависающим над коварными горными потоками. Мосты нуристанцы сооружают из цельных стволов деревьев либо из толстых сучьев, и хождение по ним кажется почти чудом.

Дом нуристанской семьи представляет собой двух- или трехэтажное сооружение с плоской крышей, не огражденное дувалом, без которого немыслим любой другой дом афганской деревни. Строения ставятся на каменный фундамент высотой до полуметра. С внешней стороны они украшаются резными деревянными брусками

и лестницы делают из отесанных стволов с огромными зарубками в виде ступенек. Потолки поддерживаются массивными деревянными колоннами, которые на равных расстояниях друг от друга устанавливаются на середине внутренней части дома. В углу первого этажа оборудовано огражденное деревянными брусками место для ванны и сток воды, по которому вода выводится наружу.

В доме обычно два окна, часто ничем не защищенные от ветров. Их вырубают в восточной и западной стенах дома, чтобы, как говорят нуристанцы, можно было лучше видеть восход и заход солнца. Двери нередко поднимаются выше уровня земли и поэтому тоже больше напоминают окна. В центре помещения — квадратный очаг, над которым на деревянной треноге установлен каменный котел. Топят по-черному, проделывая в потолке отверстие для дыма, которое служит и для освещения в дневное время. Вечером пользуются каменными, медными и глиняными светильниками и факелами. Приходя в гости, нуристанец крепит перед входом в дом корзину свой факел, забирая его перед уходом.

Кроме деревянной посуды нуристанцы широко используют и каменную: котлы, масленки, кубки, причем последние часто употребляют вместо гирь. Ковши и кубки, как правило, имеют продолговатую форму с резным орнаментом по краям, с длинной прямой или незначительно изогнутой у основания ручкой, чем-то напоминающей русскую посуду.

Ковры стали входить в быт нуристанцев лишь в начале XX в., хотя паласы из теплой козьей шерсти они всегда использовали под матрацы, а мягкие шали из овечьей шерсти — как одеяла.

Но особое внимание привлекают нуристанские столы и стулья. Те, что мне пришлось увидеть в селении сафи, были только одной из их разновидностей, причем несколько отличной от обычных своей декоративной обработкой. Гораздо чаще в нуристанских домах пользуются табуретками со сплетенными из полосок кожи сиденьями, а низкие стулья с резными и иногда выкрашенными в различные цвета спинками встречаются только в зажиточных семьях. Широкие с низкими ножками столы, «черау», — либо квадратной (по длине и ширине они достигают полуметра), либо прямоугольной формы. Другой тип столов, «пильчерау», представляет

собой круглое расписное плоское блюдо на металлической треноге. Пильчерау используют главным образом для приема гостей, и к столу обычно подвешивают колокольчик, звоном которого хозяева приглашают к трапезе.

Пища нуристанцев отличается простотой: испеченный с добавлением проса и маиса пшеничный хлеб, молочные продукты, домашний сыр, масло. Сыр варят большими головками, от 2 до 7 кг весом, и по вкусу он напоминает голландский. Широко распространено мясо домашних животных, но куры, индейки и дикоптицы запрещены: существует поверье, что употребление их мяса может навлечь гнев небес.

Жители Нуристана не пользуются ни ложками, ни вилками, а едят пальцами правой руки. Огонь считается священным, и перед едой в него бросают кусочки мяса, масла, сыра и хлеба. «Обычай!» — таков неизменный ответ на вопрос, зачем это делается.

Когда-то кафиры были неплохими виноделами. Самодельное вино употребляли и для утоления жажды. В 1857 г. английский священник Эрнст Трамп отмечал, что завербованные в качестве проводников три кафира ввели его в значительные расходы, потребовав ежедневно целый «машак» вина — кожаный бурдюк, вмещающий до 27 л. «Среди них настолько распространено вино, что на шее у каждого кафира висит бурдюк с вином, которое они пьют вместо воды», — намного раньше отмечал Бабур. Наблюдательный могольский правитель кстати, различал у кафилов два вида вина: белое по названию «аратоши» и красное — «сухантоши». Попробовав оба, Бабур решил, что красное вино пьянит сильнее. И по сей день, добавляя в виноградный сок немного меда, нуристанцы получают хорошо тонизирующий напиток. У кафилов же существовал обязательный обычай наполнять один сосуд виноградным вином по случаю рождения ребенка и хранить его до свадьбы. В эти дни родители преподносили молодоженам серебряный кубок — «урей», те черпали им вино и под звуки музыки разливали его в бокалы гостей.

Говорят, когда эмир Абдуррахман призвал ко двору старейшин кафилов, чтобы убедить их принять ислам, часть старейшин была одета в темные, а часть в светлые одежды. Поэтому к первым эмир обращался кин

«аскаджи», а ко вторым — «сефидпуши», т. е. «одетые в черное» и «одетые в светлое». Хотя сами кафиры так никогда не называли, это деление не было лишено логики. Кстати, и Марко Поло наделял кафиров теми же прозвищами. Дело в том, что проживающие в северных и центральных районах Нуристана племена разводят главным образом темношерстных коз и овец и изготавливают домотканую одежду темного цвета. Жители же южных и восточных районов разводят светлые породы этого мелкого рогатого скота.

Домотканая материя остается основой одежды нуристанцев. Для мужчин шьют широкие шаровары до щиколотки, завязывающиеся под коленом тесьмой. Весной и зимой носят «аскаджи» (нечто вроде куртки из дубленой кожи), подпоясываемый кожаным ремнем, и высокие меховые носки. Летом надевают более легкую куртку без рукавов. Изготавливаемые из грубой кожи туфли, «паколи», носят преимущественно в холодное время года. Мужчины редко снимают традиционные шапки, которые в различных районах называют по-разному: «шукакур», «шувар», «шукалу» или «паколь». Это плоский, почти круглый головной убор с краями, обработанными нитками. Его украшают иногда разноцветным бисером. Паколи изготавливают из мягкого войлока в соседнем с Нуристаном пакистанском районе Читрал. Когда же я заинтересовался у одного нуристанца, почему за паколем отправляются в Читрал (ведь мягкий войлок выделывают во многих районах Нуристана), то получил любопытный ответ: «Вы тоже можете выпекать хлеб сами, но предпочитаете покупать его на базаре!» Паколи пользуются большой популярностью не только в Нуристане, но и в других районах Афганистана, особенно у кочевников и у городской молодежи, которые носят их вместо колаха.

Нуристанки, конечно же, одеваются более нарядно. Они тали украшают шнуровкой из разноцветной тесьмы с помпонами. Поверх шаровар надевают платье длиной обычно чуть ниже колен. Талию опоясывает широкая тесьма. Платье украшают бисером и ожерельями из нанизанных на нитку разноцветных шерстяных шариков. Края платьев обшивают бисером и разноцветными пуговицами. В холодное время года надевают шерстяную накидку с рукавами в три четверти и со шну-

ровкой у шеи вместо пуговиц. На шее — обязательно несколько рядов ожерелий — «гара», на пальцах — серебряные или латунные кольца без камней. Девушки украшают грудь и запястья татуировкой, обычно выполняемой зеленой краской в виде точек или цветов. Прически же отличаются простотой и удобством для работы: волосы обычно убирают назад и собирают в пучок.

В женской одежде преобладают три основных цвета: черный, белый и красный. Черный — цвет рабочего платья, которое обычно лишено украшений; одежду белого цвета обшивают бисером и носят по торжественным дням, но самой нарядной считается одежда красного цвета, которую надевают на свадьбы и помолвки.

Жизнью каждого племени или группы племен руководил совет старейшин из представителей от каждого селения. Из числа старейшин — «джиштов» — избирали главного старейшину — «уварджишт», который, в частности, обязан был проводить советы в своем доме и угощать всех присутствующих на них.

Для обеспечения влияния среди соплеменников у кифиров всегда считалось необходимым иметь скот, быть храбрым в бою и щедрым к соседям в мирное время. Чтобы получить титул «джишт» и, таким образом, иметь право принимать участие в решении вопросов жизни племени, будущий старейшина устраивал «малбар» — великое пиршество, сопровождавшееся церемонией «сун ашит», когда под звуки музыки в честь джишта исполнялись хвалебные гимны и в его ухо продевалось серебряное кольцо. Старейшина наделялся правом сидеть на особом рода табурете, и поэтому малбар часто называли и «пиршеством табурета».

Однако до начала нашего столетия значительно большим, чем джишты, влиянием среди племен пользовались богатые воины — «шурмачи». Если для того чтобы быть выбранным старейшиной, было необходимо прежде всего обладать большим достатком, то стать шурмачем можно было, только проявив себя в войнах и тем самым закрепив личный авторитет: ведь само слово «шурмач» означает «мужественный», «воинственный». Особо отличавшийся в бою получал право на ношение особых копья и лука, а также пояса с серебряными колокольчиками или медной пряжкой. Знаки отличия определялись по количеству врагов, собственноруч-

убитых шурмачем на поле брани. На его могиле устанавливалась высокая плита с разноцветными ко-
шиками по числу совершенных подвигов.

Вплоть до 30-х годов, когда король Аманулла отме-
нил в этих районах рабство, в Нуристане продолжала
существовать и система рабского труда. Рабов — «ба-
ри», поступавших главным образом за счет войн, посе-
щали в изоляции от деревень и использовали на самых
тяжелых работах. Сегодня потомки бари, образуя про-
слойку ремесленников, живут небольшими группами,
занимаясь гончарным, ювелирным, кузнечным и сапож-
ным делом, производством и мелкой торговлей скобяны-
ми товарами. Они большие мастера резьбы по дереву,
отличные каменотесы и плотники, и именно искусству
бари самобытная деревянная скульптура Нуристана
обязана своими лучшими образцами.

Посещавшие в различные времена Нуристан путе-
шественники отмечали сравнительно большее, чем в со-
седних районах, равноправие между мужчинами и жен-
щинами, несмотря на издавна существовавший обычай
подшамии. Браки осуществлялись не только внутри од-
ной деревни, но и вне ее, поэтому во многих нуристан-
ских селениях живет множество семей, связанных тес-
ными родовыми узами. Кстати, нуристанка никогда
не носила чадры. Наиболее подходящим для брака воз-
растом считается 20 лет для девушки и 25 — для муж-
чины; женитьба на малолетних всегда расценивалась
еще как нарушение древних обычаев. Нуристанец мо-
жет взять в жены двух сестер, но вступление в брак со
своими кузинами, что в целом широко распространено
среди мусульман, встречает резкое неодобрение. Если
все-таки такой брак все-таки состоится, то жениху не только
навязывали нарочито обременительные расходы по
свадьбе, но за нарушение традиции он должен был в
качестве штрафа отдать тестю в среднем до 100 голов
скота.

Решение о браке принималось, как правило, по обо-
юдному согласию молодых, и только после этого к отцу
невесты направлялись сваты. После переговоров из до-
ма жениха доставлялась свежая баранья туша, и вече-
ром сваты ужинали в доме отца девушки. Для того что-
бы юношу и девушку считать мужем и женой, требо-
валось их согласие, данное в присутствии свидетелей.

Конечно, и слово родителей далеко не последнее. Если кто из молодых людей захочет стать предметом всеобщего порицания. «Дурной сын пускает на ветер и родителей», — гласит старая поговорка нуристанцев.

В день свадьбы в дом жениха переносили одежду и украшения невесты, подготовленные ее родителями. Кроме того, должны были обеспечить годичный расход на содержание своей дочери в доме ее мужа. К свадьбе, на которую приглашались не только близкие родственники, но и многие гости и которая продолжалась несколько дней, отец жениха дарил девушке серебряные кольца, ожерелье и кубок для вина.

Нуристанский свадебный обряд во многом остается таким же, как и во времена кафиров. Правда, если раньше на драгоценности и одежду невесты от жениха затрат не требовалось, то теперь это считается необходимым. Кроме того, все большее распространение получает обычай дарить невесте деньги. Еще полвека назад такого обычая не существовало: ведь деньги не имели хождения среди кафиров, и их функции выполняли скот и зерно.

Брачные дела иногда порождали серьезные конфликты между семьями. Так, в одном селении долго не утихали страсти в связи с похищением девушки из соседней деревни. Поначалу родители согласились отдать дочь в жены соседу, но потом почему-то передумали. Обманутый жених собрал родственников, и те с оружием в руках напали на дом отца экс-невесты и выкрали девушку. Возмущенные родные кинулись преследовать воров; завязалась перестрелка. В результате — три убитых и четверо раненых, но отыскать девушку так и не удалось, несмотря на обещанное крупное вознаграждение.

Развод у нуристанцев — явление естественное. Он был и остается простым по форме. Если развода требует женщина, то при вторичном замужестве ее новый муж должен втрое заплатить разведенному его прошлым расходы на свадьбу. Если же инициатива развода исходит от мужчины, то новый муж выплачивает бывшему супругу своей жены только то, что когда-то им было истрачено на свадьбу.

Старые обычаи продолжают оказывать влияние и на определение степени наказания за проступки. Убийство

Примеру, требует кровной мести, но виновный может обратиться к родственникам жертвы с просьбой о прощении, предложив выплату виры. Откровенно говоря, заметил как-то один из моих знакомых, кровная месть внутри племен не поощрялась и не поощряется из-за сокращения численности населения, но, пока виновный не выплатит виру, наследники жертвы не должны стричь волос и ногтей и встречаться с кем-либо, а убийца не должен появляться в родных местах. Поэтому откуп и сейчас очень распространенное явление, и нуристанец может откупиться практически за любой проступок, причем расплачивается, как правило, вином, количество которого зависит от тяжести проступка.

В отличие от других районов Афганистана нуристанки и сейчас рожают не дома, а в своеобразных родовых домах — «шара», которые сооружаются в некотором отдалении от деревни и являются общей собственностью жителей селения. В шара, представляющей собой большое деревянное здание с несколькими комнатами, женщина проводит последний предродовой период и короткое время после родов — в целом не более недели. Существует поверье, что после родов женщина ни под каким видом не должна возвращаться из шара по той дороге, по которой пришла: чтобы не «сглазить» ребенка.

При выборе имени ребенка также следуют древним традициям. Обычно старшая представительница семьи, или поворожденному грудью, начинает по порядку называть имена его ближайших родственников: если это мальчик, то по линии отца, если девочка — по линии матери. Ребенка нарекают тем именем, которое произносится в тот момент, когда он берет грудь. Нередко нуристанцы меняют детям имена. Это делается в тех случаях, когда ребенок часто болеет или слишком капризничает. Та же женщина либо отец берет несколько мерен пшеницы и, дав каждому определенное имя, бросает их в огонь. Первое лопнувшее в огне зерно определяет новое имя ребенка.

Вблизи многих нуристанских деревень, по берегам рек и у подножий гор, и по сей день можно видеть остатки старых кладбищ кафириров с деревянными памятниками. Большая часть их была разрушена в конце

прошлого века. Обычно через год после захоронения семья покойного сооружала из цельных стволов дерева видного можжевельника скульптуру и устанавливала ее на могиле. Чтобы памятник дольше сохранялся, его несколько раз в году смазывали определенным маслом. Гробы периодически заменялись, и в новые переносилось то, что оставалось в старом. Этот обычай был связан с поверьем, что дух умершего еще долгое время остается жить. Деревянные скульптуры сооружались, как правило, при захоронении мужчин и либо окрашивались в красный цвет, либо их облачали в красную одежду.

Красные памятники кафиров нередко приводили к появившимся в этих районах мусульман к досадным ошибкам, когда те принимали их за живое воинство неверных. Наиболее величественными выглядели памятники старейшинам племен и воинов. Некоторые из них собраны в этнографическом зале Кабульского музея. Очень интересна неплохо сохранившаяся деревянная фигура воина из долины Ландисин и статуя наездника из Вайгульской долины. Но все это уже история, а сегодня по образцам древних скульптур нуристанские ремесленники изготавливают небольшие деревянные статуэтки и продают их в близлежащих городах. Свои пути эти изящные поделки завершают, как правило, в антикварных лавках Кабула и оседают в саквояжах иностранных туристов.

Вместе с прочими старыми обычаями почти совсем ушли в прошлое древние боги и культы бывших кафиров. Однако в рассказах стариков нет-нет да и мелькнут образы старых божеств и связанные с ними легенды и песни.

До утверждения ислама творцом и главным божеством кафиры считали Имру, которого представляли как огромного, наделенного сверхъестественной силой человека. В песнопениях его называли «сун мивак Имра» («бог с золотым лицом»). Вестник Имры и его посредник среди людей Мун, или Мана, по поверьям, ходил среди людей и мог являться им во сне. Высоко чтили бог мира Аром, бог плодородия и покровитель скота Богошт, хранитель урожая Мошт, покровительница женщин и сирот богиня Дисаи, могущественный бог войны Гивиш.

Согласно легендам, самый древний храм Имры находился в селении Кантива, в восточной части Нуристана, и его сооружение приписывается одному общему предку кафиров. Рассказывают, что эмир Абдуррахман сначала хотел превратить храм в мечеть, но, встретив решительный отпор населения, приказал его разрушить. Афганскому автору А. В. Карзаю, со слов старых нуристанцев, удалось составить описание храма, который был построен на вершине огромного холма и представлял собой галерею с большим количеством украшенных резьбой деревянных колонн. Их верхние части венчали изображения деревянных голов быков с ветвистыми рогами. Храм имел семь дверей, пять из которых всегда были открытыми, а две отворялись только во время войн и в дни праздников. В середине храма находились огромный жертвенный «камень Имры», очаг и амвон.

Жертвоприношение было основным элементом при обращении к богам. В жертву Имре обычно приносили быков; богу Гивишу и другим — самцов мелкого рогатого скота. Ислам не внес каких-либо существенных изменений в обычай жертвоприношения нуристанцев: принесение в жертву скота не противоречит мусульманской религии, где существует аналогичный обычай, уходящий еще к древним культам аравийских кошерников. И сейчас в Нуристане жертвоприношение совершается по самым различным поводам. Эта церемония обычно проходит так. Собирается мужское население под руководством одного из старейшин. Животным ножом животному перерезают горло, часть мяса жарят на костре и распределяют среди присутствующих, другую — бросают в большой каменный котел — «гарват», устанавливаемый над костром на большой треноге, после чего и вареное мясо также раздают присутствующим. Гарват, как правило, четырех- или шестигранной формы, и на внешней стороне его стенок выбиты изображения животных. Кстати, он очень удобен и в домашнем хозяйстве: в гарвате можно долго хранить мясо и молочные продукты.

Древние боги нуристанцев канули в прошлое, но вера во всевозможных злых и добрых духов продолжает жить в каждой семье и по сей день. Воображение кафиров рисовало дьявола Машала как существо с огромными ветвистыми кривыми рогами, достигающими под-

бородка, и копытами. И сегодня среди жителей нуристанских долин бытует поверье, что, когда Машал посеял среди людей вражду, Имра приказал Муну правиться с дьяволом. После упорного боя, когда Машал рубленый на семь частей Машал вновь воскресал уже в семи обличьях, поле битвы все же осталось за Муну, и среди племен вновь воцарился мир. Злой дух Иющ, утверждают нуристанцы, может принимать различные обличьа и являться человеку в бреду. Множество легенд и сказаний посвящены и доброй фее Вонр.

Жители Страны света считают, что духи живут на берегам рек и горных ручьев, на деревьях и вершинах гор. Чтобы отогнать злых и привлечь добрых духов, широко распространен обычай ночью при свете костра приносить им всевозможные жертвы.

Фольклор нуристанцев остается мало изученным и сей день, и о его оригинальности и самобытности можно судить лишь по отдельным образцам устного народного творчества. Суровая своеобразная природа способствовала появлению у кафиров множества легенд о скальных обитателях труднодоступных скал, покрытых непроходимыми лесами, и голубых, богатых рыбой озер-зеркальными пятнами выделяющихся среди гор. Многие легенды связано с «травой жизни», которая, по преданиям, появляется к осени лишь высоко в горах. Но если охотнику и удастся метким выстрелом сбить траву, то появляется неизвестная птица, подхватывает ее и не дает упасть на землю.

Среди нуристанцев, как и у жителей Памира и Гималаев, распространено поверье о человекообразном звере «йети», спускающемся с гор, захватывающем скот и даже нападающем на людей.

Для того чтобы предсказать, каким будет урожай, нужно добираться до одного из самых отдаленных и труднодоступных горных озер в долине р. Пич. Если в прозрачной воде видны отражения колосьев — будет хорошему урожаю, если же шерсть животных — у скота будет хороший приплод. Так гласит поверье...

Отголоски старых обрядов прослеживаются и в традиционных праздниках нуристанцев. Торжеством сопровождается окончание сбора урожая, и в нем принимает участие все население племени — и взрослые, и дети. Из корок тыквы и сплетенных кусочков кожи молодежь

маски, к которым прикрепляются рога животных. Эти маски надевают во время танцев, которые обычно устраиваются на открытой площадке, расчищенной от камней и огражденной большими валунами или деревянным забором.

Изображающие древние обычаи и посвященные воспоминанию предков танцы — одно из самых любимых развлечений жителей нуристанских долин. Они считают, что танец порождает в человеке радость, освежает его душой и физически.

Мужские танцы, исполняющиеся, как правило, вдвоем, обычно изображают батальные сцены; иногда танцующие имитируют сцены охоты, изображая подбитых стрелой птиц или тигра. Женские пляски отличаются большей плавностью и изяществом. Например, в одном из танцев две девушки под хлопки окружающих, напевают мелодию и запрокинув руки за голову, медленно приближаются друг к другу, затем — после поцелуя — так же медленно расходятся; эти движения повторяются несколько раз.

Танцы сопровождаются ритмическими хлопками и порой на музыкальных инструментах. Наиболее популярна здесь шестиструнная арфа длиной до полуметра и шириной сантиметров сорок, которую называют «ваджа». Происхождение ваджа точно не установлено; полагают, что он существует более тысячи лет. Широко распространены здесь и смычковый инструмент с кожаными струнами — «сарани», двусторонние бубны и разновидность флейты. Что касается самой музыки, то она не отличается богатством мелодий, а для нашего слуха просто неблагозвучна.

Никакое празднество не проходит без спортивных игр, к которым, как и к танцам, нуристанцы питают большую слабость. Резко отличаясь от народных игр других частей Афганистана, они во многом, как уже говорилось, напоминают древнегреческие. Однако, кто знает, может быть, действительно та тысяча юношей, когда-то набранных Искандером в свои легионы, привнесла в свои селения элементы греческих спортивных игр?

Спортивные игры популярны во все сезоны, но особенно весной, когда устраиваются соревнования по бросанию плоских, размером с десертную тарелку, оте-

санных камней, по толканию ядра, по метанию стрел с металлическими наконечниками. Есть у нуристанцев и игра, напоминающая хоккей. Дети больше всего любят играть в мяч. Игравший сильно ударяет мяч о землю, и до того, как мяч упадет, он должен успеть обернуться вокруг своей оси и поймать его, за что получает право на вторичный бросок.

Спортивные состязания проводятся в каждом селении. Раз в год устраивается финал соревнований. Он проходит в той деревне, представитель которой стал победителем в предыдущем сезоне. Спортивный инвентарь чемпиона хранится на видном месте в его доме до будущих соревнований.

Побывавший в Нуристане обратит внимание на столь непривычную для нынешнего беспокойного общества тишину его долин, редко нарушаемую гулом самолетов или гудками автомобилей: отсутствие современных дорог способствует сохранению этнографической и географической изоляции Нуристана.

...Деревянный шлагбаум останавливает поток машин: дорожная пошлина. Пока нетерпеливый чиновник выписывает квитанции, есть время попить в придорожном духане воды и оглядеться. Вокруг знакомый пейзаж: каменистая степь, обрамленная у горизонта горами, подернутыми дымкой, вкрапления садов. Но вместе с разбитого проселка влево бегут серебристые ленты первых километров нового полотна шоссе. Началось строительство автомобильной дороги, которая свяжет Страна света с другими районами Афганистана, положит начало освоению природных богатств и широкому приобщению Нуристана к экономической и культурной жизни страны.

ВЕЛИЧИЕ ГАЗНИ

Небольшая площадь на окраине Кабула. Теснят друг друга беспорядочные цепи духанов, чайных, хлебобулочных. На фасадах двух- и трехэтажных домов — множество всевозможных вывесок: от изречений из Корана до пожеланий счастливого пути. Последние особенно в месту: здесь берет начало крупнейшая автомагистраль, которая полукольцом на протяжении более тысячи кило-

Кабул огибает южные и западные районы Афганистана и связывает их с центром страны. Поэтому жизнь на площади кипит до глубокой ночи, и, если в поздний час кабульцу вздумается перекусить, он смело отправится на Куте-санги.

В Газни мы выезжаем ранним октябрьским утром, когда Кабул только начинает пробуждаться под звенящие в прозрачном чистом воздухе окрики карачи. А на Куте-санги жизнь давно кипит. У бензоколонок выстроились длинные очереди двухэтажных грузовиков. Слышится протяжное разноголосое «Га-а-а-зни-и, Га-а-а-а-а-а-а!». Это келинары набирают пассажиров на рейсовые автобусы, пока в чайных у окутанных чадящим дымом мангалов водители неторопливо заканчивают завтрак — кругую баранью шурпу, кебаб и плов. Тут же — озабоченные дальней дорогой купцы и крестьяне со своим скарбом.

С трудом протиснувшись через беспорядочную, разнородную, многоголосую толпу, выбираемся на шоссе. Разноразмерные предместья чередуются с вкраплениями стрелчатых тополиных рощ, садов, пасек и миниатюрных шолей. Кое-где на дороге уже видны груды больших и малых «куза» — глиняных кувшинов, в которых даже в самый жаркий зной вода остается прозрачно-холодной. В окрестных деревнях изготовление куза издавна получило широкое распространение, а близлежащие долины стали их первым рынком.

Октябрь еще не осень для Кабула и его окрестностей. Сюда она подкрадывается незаметно, исподволь, лишь о себе зная лишь прохладой утреннего воздуха, долго не рассеивающимся туманом у подошв гор, чуть блеклой лазурью неба, да потухшей зеленью садов и пустотой полей. Урожай давно собран, и по краям полей выстроились аккуратно обмазанные сверху глиной скирды сена и соломы. Они очень похожи на те, что у нас в Центральной России, но повыше и поуже. И издали напоминают минареты мечетей.

Глядя на опустевшие поля, вспоминаю случай, когда проезжая по этим местам в разгар сбора урожая, я стал участником любопытной церемонии. На обочину дороги кубарем выкатился мальчонка лет десяти. Шофер резко нажал на педаль, сердито заскрипели тормоза, и машина встала: проехать мимо этих блестящих

Глиняная посуда в придорожной лавке

взорной радостью глаз было просто невозможно. Деревья в руке несколько перетянутых красной ленточкой сносков пшеницы, мальчуган подбежал к машине и протянул пучок. «Не вздумайте отказаться! — предупреждает тогда шофер. — Это наш старый обычай: даря колоски, нас поздравляют с хорошим урожаем, и вы должны отблагодарить щедрого крестьянина».

Этот факт, что с этим обычаем мне довелось познакомиться именно по дороге в Газни, пожалуй, не случайно. Здесь наиболее широкая часть долины Кабула, богатый слой которой упорный труд многих поколений земледельцев создавал на голом галечнике. Поэтому каждый клочок земли обрабатывают здесь с особой тщательностью. Чтобы снять урожай пшеницы, ячменя, кукурузы, бобовых, винограда и дынь, нужно приложить ох как много сил. Даже в одной из бесчисленных легенд о возникновении Кабула, которая повествует о том, что ангелы принесли с неба комки земли и из него вырос Кабул, отобразен титанический труд, веками владывавшийся в каждую пядь земли. Так что радость приросту урожая в этих местах совсем не символична. Это отразилось и в концовке легенды. Когда ангелы увидели цветущую долину, они воскликнули: «Здесь лучше, чем на небесах!»

Чем дальше на юг, тем реже селения. Все чаще попадаются стоянки кочевых караванов. Пятнами иссиня-черных шатров они вносят оживление в однообразие ландшафта. Потом становится меньше и их, и дорога, при подъеме, упорно протискивается через узкое ущелье. Часа через два — очередной поворот, и на широкой холмистой долине, вольготно раскинувшейся почти до горизонта, видим небольшой городок — цель путешествия.

Когда буддизм получил распространение в этом районе Афганистана, не обошел он и долину мелководной Газни. Вплоть до конца VII в. Газни оставался значительным его центром. Остатки огромного храма, расположенного на высоком холме, который видишь при первом въезде в долину, — немой тому свидетель. Сегодня это место известно как Тапе-сардар — «Княжеский холм». Оно названо так потому, что когда-то, посещая Газни, один из афганских эмиров, Хабибулла (1901—1919), разбивал здесь свой бивак.

Раскопки ступы — главной части храма — начались в 60-х годах, а в 1967 г. группа итальянских археологов по отдельным фрагментам установила, что основа храма — сидящий Будда — находилась в нише, а весь комплекс как бы охраняли еще четыре золоченые статуи Будд высотой до 15 м каждая.

В середине IX в. буддийский Газни был сровнен землей, затем снова восстановлен. Во второй половине X в. феодальное государство Саманидов клонилось к упадку. Воспользовавшись междоусобицей и ослаблением династии, командующий тюркской гвардией последнего Саманида в Хорасане захватил власть в некоторых районах обширного государства. Так было положено начало династии Газневидов со столицей в Газни. Расцвета же Газнийский султанат достиг в XI в. при Махмуде, когда в результате постоянных войн границы государства были в значительной степени расширены.

В редкие дни передышек от баталий Махмуд любил проводить время в пирах и неге в своей летней резиденции в Газни. Для украшения города султан вывозил из захваченных районов лучших ремесленников, архитекторов, каменотесов, садовников. Отдавая восторженную дань искусству, как всегда, остававшихся в неизвестности мастеров, современники причисляли Газни к крупнейшим и красивейшим городам мира. По всему Востоку шла слава о его белоснежных дворцах, парках, всегда оживленных богатых базарах. Дворцы украшались драгоценными камнями, лазуритом и даже картинами с изображением любимого развлечения султана — охоты на газелей, а на зубцах дворцовых башен и стен красовались рога диких серн, оленей и ланей. Средневековые летописцы восхищались и ансамблем мечети Арус аль-Фалак, построенной в 1080 г., считавшей ее шедевром архитектуры. На территории мечети располагалась медресе с огромной библиотекой, где хранились труды знаменитых ученых того времени. Вокруг был разбит сад с диковинными, вывезенными из Индии растениями. Садами славился и весь город. Расположенный на холмах, Газни давал широкий простор фантазии и искусству садовников, разбивавших сады большими террасами с многочисленными тенистыми аллеями и бассейнами, где плавали рыбы, в жабры кото-

рых для красоты вставляли золотые и серебряные орнаменты.

Считавший себя меценатом и сам пописывавший стихи венценосный честолюбец для прославления своих делений собрал при дворе более 400 поэтов и летописцев. Особое место среди них занимал одописец Унсури, который, по преданию, первым из поэтов удостоился титула «малек аш-шоара» — «царь поэтов». Поэзия Унсури действительно отличается филигранной техникой, богатством языка и разнообразием поэтических приемов. Он занял почетное место среди плеяды средневековых поэтов-панегиристов, сыгравших видную роль в развитии всей персоязычной поэзии.

В Газни того времени судьба связала и деятельность, далеко не всегда добровольную, ряда талантливейших ученых. Долгое время здесь жил великий аль-Бируни (973—1048), которого по праву считают Леонардо да Винчи Востока.

Выходец из Кята, древней столицы Хорезма (ныне в Узбекистане), аль-Бируни вошел в историю мировой науки как знаменитый энциклопедист — автор многих трудов по математике, астрономии, географии, минералогии, истории, этнографии. Но нелегко складывалась жизнь ученого при султанском дворе, куда он был доставлен как пленник. Несколько лет ученый прожил в Индии, куда, по одним версиям, он был послан Махмудом, а по другим — сопровождал его в походах. Там аль-Бируни познакомился с индийской наукой и в труде «Индия» дал ее объективную характеристику, особенно астрономии. Этот труд помимо его бесспорной ценности можно считать и огромным научным подвигом: Газневиды, принеся в Индию ислам, все немусульманское отметили как ересь.

...Более 35 лет работал поэт над трудом, ставшим венцом всей его творческой жизни. «Шах-наме» — «Книга царей» — это скрупулезно собранный и поэтически обработанный эпос иранских народов, включающий лирические раздумья и афористические назидания мастера огромного таланта. Настоящее его имя неизвестно, а в мировой литературе знают лишь псевдоним — Фирдоуси. Подивившийся в небольшом иранском городке Тусе в середине X в. поэт стал свидетелем расцвета и упадка государства Саманидов, а завершив в 1010 г. поэму,

вынужден был, по существовавшей традиции, преподнести ее правителю Газни.

Враждебно встретили придворные панегиристы усталого после долгого и томительного путешествия старика, да еще появившегося в блестящем дворце султана в простой крестьянской одежде. Решив высмеять его, они предложили путнику принять участие в поэтической импровизации, из которой Фирдоуси не только блестяще вышел, но и посрамил в ней своих недоброжелателей. Однако Махмуд не принял поэмы и даже не выполнил своего обещания заплатить за каждый двойной стих по золотому динару, а велел выдать поэту лишь серебряные дирхемы. Фирдоуси разделил дар султана на три части: одну заплатил за шербет, поднесенный ему в бане, другую отдал цирюльнику, третью вернул гонцу и вернулся в родной Тус. За неслыханную дерзость султан повелел бросить старого поэта под ноги боевого слона, но его уже не было в городе.

Прошли годы, и как-то после удачного похода Махмуд услышал поразивший его слух стих о воинской доблести. Узнав, что это отрывок из «Шах-наме», султан раскаялся и решил щедро вознаградить автора «Книги царей». Но когда караван верблюдов, груженных дарами, входил в Тус, из других его ворот шествовала по гребальной процессии с телом великого Фирдоуси. Было это в 1026 г. Дары султана передали единственной наследнице поэта, которая построила на эти средства «рибат» — приют для странников.

Таковы легенды, но, пожалуй, только сам дух «Шах-наме», заключенная в поэме вечная идея о справедливости, резкое порицание тирании и грабительского захвата помогут верному их толкованию. Спор великого поэта и меценатствующего властелина разрешила история: имя Фирдоуси стоит в ряду самых великих поэтов мира, и «Шах-наме» остается шедевром литературы Востока.

Государство Газневидов, просуществовав немногим более двух столетий, распалось под ударами пришедших с запада гуридских полководцев. В XIII в. город был сожжен ордами Чингисхана. Славившиеся своим искусством ремесленники были либо умерщвлены, либо забраны в плен, а остальные жители поспешили покинуть обжитые места.

Выезжаем в старый Газни, раскинувшийся по обеим сторонам реки у подножия древней цитадели, и видим то, что осталось от когда-то грозного Махмуда, — фонтан в саду, носящем название Баге-Пирузи (Сад багровый). Поднимаемся по длинной лестнице к небольшому глинобитному зданию с покрытым светлой жестью двором. Старик-сторож дремлет на солнышке. Он во всем белом: широкие шаровары, рубашка навыпуск, а в голове дастар. Старик лениво открывает деревянный щиток и предлагает входные билеты.

Если будете фотографировать, тогда плата отменная! — покосившись на фотоаппарат, говорит он, прощаясь небольшие листки плотной бумаги. Но фотографировать почти нечего: реставрированный в начале нашего столетия простой памятник сделан из темного фаянса и обнесен массивной цепью.

Пройдя через узкий проулок, выходим в кварталы старого городского предместья. Здесь все традиционно. Только дороги журчат арыки, через которые кое-где перекинуты шаткие деревянные мостки. Низкими, в половину человеческого роста, неприветливыми с первого взгляда дверями уставились на узкую улочку глинобитные дувалы. Вместе с толстыми брусьями перекрытий являются они единственные детали строений.

Нас окружает толпа ребятишек. Стремясь во что бы то ни стало привлечь к себе внимание, они долго преследуют нас, нарочито громко галдят, а иногда забегают вперед и строят веселые гримасы. Показывая на того из нас, у кого меньше всего волос на голове, кто-то, смеясь, выкрикивает: «Мистар качалу, мистар качалу!», что примерно означает: «Дядька — голова картошкой».

Выходим на небольшую площадь. С одной стороны — двух- и трехэтажные постройки, с другой — ведущую в новый город дорогу. В центре площади стоит небольшое сооружение, характерное для архитектуры этих районов в XVI в. Это — квадратное глинобитное здание с маленькими окнами, увенчанное куполообразной крышей. Когда-то здесь был мавзолей одного из правителей. Позднее здание реставрировали, и с 1966 г. здесь открыт музей исламского искусства.

По узкой лестнице выбираемся на плоскую крышу. Под тяжестью шагов крыша прогибается, и кажется, что вот-вот рухнет. Отсюда хорошо видны неровная

лента шоссе, протянувшегося в сторону пустыни. И Баге-Пирузи и — на фоне бастioned старой цитадели — два величественных минарета. Эти своеобразные сооружения исламской архитектуры отличаются от их традиционной формы: они не цилиндрические, а многоугольные. Хотя от мечети, для которой и были выстроены газнийские минареты, давно не осталось и развалин, а сами они с веками сильно уменьшились, но по оригинальности конструкции можно предположить, что когда-то здесь был интересный архитектурный ансамбль. Сейчас, чтобы предохранить минареты от дальнейшего разрушения, их венчают своеобразные крыши.

Газнийские минареты построены в XI—XII вв. в последних Газневидах. Их орнамент выложен фигурной кирпичной кладкой по всей высоте. Эпиграфические надписи каллиграфией «куфи» и «накш» чередуются с точным орнаментом.

Почти напротив минаретов находятся аккуратно разрытые холмы. Здесь в 1956 г. группа археологов обнаружила и извлекла из-под земли остатки дворцовых построек Масуда III — одного из преемников Махмуда. Раскопки ведутся уже более 20 лет по два-три месяца в году, и обнаруженные предметы свидетельствуют о том, что строительство комплекса было завершено в 1112 г., когда империя Газневидов уже стояла на пороге крушения. Вероятно, Масуд решил пышностью дворца поддержать пошатнувшийся трон и недалеко от города приказал выстроить себе новую резиденцию с тронным залом, помещениями для занятий государственными делами, казармами и мечетью.

В центре комплекса когда-то располагался огромный двор с облицованным мраморными плитами полом, что придавало ему особый эффект: использование в одном сооружении такого большого количества мрамора было не виданным ранее в этих районах. Стены сооружений выходящих во двор, были украшены богатой декорацией, терракотой, лепкой и скульптурами в желтых, красных и голубых тонах. Выделялась здесь и 250 метровая куфическая надпись, воспевавшая походы газневидских султанов. Интересно, что она была выполнена не только на традиционном в то время арабском, но и на персидском языке. По мнению специалистов, эта надпись является одним из наиболее старых эпиграфов

ких образцов персидского. Но от надписи, как и от большинства других элементов украшений комплекса, остались лишь фрагменты. Дворец был сожжен во время побега гуридских правителей.

Даже беглый осмотр дворцового комплекса дает представление о своеобразии архитектурного стиля газнийской эпохи. Перед уходом мы решаем сфотографировать раскопки. «Амр нист!» («Не разрешено!») — твердо сказал охраняющий их в межсезонье солдат-аскар, и мы распрощались.

Даже беглый осмотр дворцового комплекса дает представление о безусловном своеобразии архитектурного стиля газнийской эпохи, вобравшего в себя лучшие традиции ряда архитектурных школ: Газневиды, конечно, не могли не поддаться влиянию искусства и архитектуры Индии.

Вполне естественно, что культура Газневидов не могла развиваться только благодаря захватническим войнам. Сооруженная в X—XI вв. огромная плотина, остатки которой и сейчас видны в нескольких десятках километрах от города — в районе Сарде, позволяла на скудных землях широко развивать искусственное орошение. Однако впоследствии она неоднократно подвергалась разрушению, особенно пострадав во время нашествия Чингисхана. Только в 1926 г. плотина была частично восстановлена.

Сейчас в этом районе при содействии советских специалистов завершено строительство крупного ирригационного комплекса, способного оросить и улучшить плодородие 18 тыс. га засушливых площадей. Пока же здесь, как и в подавляющем большинстве земельных массивов юга Афганистана, крестьяне пользуются издавна сложившейся системой кяризного орошения. Примиристыми водосборными сооружениями отводят грунтовые воды, достающиеся немалым трудом. В окрестностях Газни мы видели, какая это нелегкая и изнурительная работа. Часто труд пропадает даром из-за неправильно выбранного направления кяриза, и по дороге от Газни дальше на юг и юго-запад нам попадались много старых заброшенных колодцев.

Когда мы подъезжали к Шаринау, новой части города, был самый разгар обычного трудового дня. Справа виднелась старая цитадель. Еще и сейчас доминирующая

Минарет в Газни

над окрестностями, она производит сильное впечатление. Газнийскую крепость знают везде: ведь с ней связано немало страниц героической борьбы афганского народа против экспансии Англии. Во время первой англ

Афганской войны 1838—1842 гг. на одном из ее бастионов занятых англичанами, патриоты сорвали «Юнион-Джек» и водрузили национальный флаг. Видную роль сыграла Газнийская цитадель и в период двух последующих войн, завершивших восстановление в 1919 г. независимости Афганистана.

Хотя и в Шаринау нередки старые улочки и переулочки кривые с глинобитными дувалами и домами-кирпичиками, но в общей архитектуре города уже много нового: двух- и трехэтажные дома строятся по современной планировке, а глухие дувалы заменены легкими решетками с узорами. На смену скученности построек приходит строительный простор, и благодаря этому город, образно говоря, как бы расправил плечи и стал шире. Только торговые лавки и чайные не претерпели заметных изменений. Здесь процветают различные ремесла: сапожное, жестяное, мануфактурное, парфюмерное и т. д. Но наибольший интерес представляют лавки, торгующие «пустинами». На этой продукции стоит остановиться отдельно.

Пустин — это полушубок из бараньей или козьей выстиганной овчины мехом внутрь. Издавна ремесленники во многих районах страны специализировались на производстве этой легкой и удобной зимней одежды. С южной стороны на пустыне делается разноцветная вышивка гладью, нередко закрывающая изъёмы в коже. Обычно это цветочный орнамент, придающий изделиям нарядный вид. Отдавая дань моде, портные шьют из кусочков кожи, окрашенной в разные цвета, и короткие разнополюсы пустыны.

Расположенный на пути от Кабула на юг, в Кандагар, Газни всегда имел важное значение для внутренней торговли страны, что и сегодня способствует процветанию традиционных ремесел, в том числе производства вышивок. Заглянув в любую из таких лавок, вы увидите десятки самых разнообразных по форме, цвету и вышивке полушубков, а также шкур барсов, лис, волков, тигров, выдры. Здесь можно приобрести и многочисленные женские украшения кочевников. Во время своих переходов через долину Газни кочевники часто продают или обменивают их на более современную и привлекающую внимание внешним блеском бижутерию.

— Пойдите в «Фаруки», — посоветовал полицейский

на перекрестке, когда перед возвращением в Кабул решили где-нибудь перекусить, — вам подадут отличный кебаб.

«Фаруки» — типично провинциальный ресторан, размещался в двухэтажном здании с разукрашенными окнами. Из запыленного репродуктора у входа доносились хриплые звуки народных мелодий. Перед входом ресторан чадят три огромных мангала с несколькими десятками шампуров. На них нанизаны мелкие куски свежей баранины. Сидя по-турецки, над мангалом повара разгоняют дым поварята. Они ловко переключаются с одной стороны на другую сразу по нескольким шампуров, успевая громко переговариваться и зазывая посетителей.

В большом помещении с цементным полом и выкрашенными голубой масляной краской стенами почти пусто. На стенах развешано десятка полтора застекленных лубочных картинок с изображениями черного камня Каабы, гробниц «святых» в Кербеле, Эн-Неджефе, Мохаммеде, Мазари-Шарифе. Скорее всего, это дань традиции. Слева — деревянная стойка, покрытая старым, в этом его ценность, ковром, где хозяин-самоварчи рассчитывается с посетителями. На самоварчи — одежда характерная для горожанина и сочетающая национальное и европейское: широкие, цвета хаки шаровары, затянутые на талии простой бечевкой; рубашка с вышивкой на груди, а поверх нее — серый жилет; на ногах европейские ботинки, на голове — дастар, видимо когда-то белого цвета.

Указав глазами на ряд простых, покрытых клетчатymi скатертями деревянных столов, он заменил пластинку на стареньком проигрывателе и включил звук полную мощность, выразив тем самым уважение к посетителям. Облюбовав место у окна, заставленное горшками с геранью, мы не успели оглянуться, как нам подлетает «бача» — мальчик. Так здесь называют даже тех официантов, возраст которых давно вышел за подросткового. Этот же действительно молод. Свежей тряпкой бача ловко смахивает на кусок гари остатки чьего-то обеда, ставит на стол пластмассовые кувшин с холодной водой и жестяные тарелки с солонкой красного перца и толченым кишмишом. Через минуту появляется и большая тарелка с несколькими шампур

ки кебаба: на каждом по три-четыре небольших кусочка жареного мяса вперемежку с кусочками сала.

Кебаб у афганцев — это любое жареное мясо, и в ресторанах, которые здесь нередко называют на европейский манер ресторанами, его заказывают порциями. Каждая порция состоит из восьми шампуров. Кроме специй к кебабу принято подавать плоский овальный хлеб — «нане лаваш», или «параки». Хлеб — основной компонент пищи, и к нему афганцы относятся с исключительной бережливостью. Когда с соседнего стола на пол случайно упала жарелка, на которой лежал небольшой кусок лаваша, убравший грязную посуду бача быстро нагнулся и прежде чем положить хлеб на стол, сначала поцеловал кусок, а затем поднес его ко лбу.

Порции — «хорак» явно недостаточно, и к концу вечера на столе вырастает целая гора шампуров. Заказав чай, и тут же подходит хозяин поинтересоваться, все ли в порядке и довольны ли мы кебабом. Поблагодарив, мы приглашаем его разделить с нами чаепитие. После нескольких фраз вежливого отказа он принимает приглашение и устраивается на ветхом стуле.

Мы, афганцы, часто говорим: лучше сожженное мясо, чем самые лучшие бобы. У нас десятки видов кебабов, которые носят название либо местности, либо племени. Например, «шинвари-кебаб» (шинвари — одно из чукчунских племен) готовится только из крупных кусков баранины и обязательно с костью, а жарится прямо на костре на шампурах вместе с луком и помидорами. То, что пробовали вы, называется «сих-кебаб». Он самый популярный и бывает двух видов: «текеи» и «шами». Первый делают из баранины, которую предварительно вымачивают в уксусе, а шами — из рубленого мяса. Есть и комбинированный кебаб, который жарят помидорами, помидорами и луком на небольших чугунных или металлических сковородках — «караи». Он так и называется — «кебаб-карай».

Конечно, кебаб не единственное блюдо, хотя и самое любимое, — продолжает собеседник, отпивая маленькими глотками терпкий чай. — Суп-шурпу предпочитают главным образом зимой. Но гораздо больше распространены многочисленные пловы. Недаром под названием «плов», как и «хлеб», мы часто имеем в виду еду вообще. Я, конечно, могу предложить плов, пригото-

ленный у нас в ресторане, но, говоря откровенно, только в гостях у афганца вы поймете, что такое настоящий плов.— И хозяин увлеченно рассказывает о премудростях приготовления различных видов плова.

Действительно, в гостях у кабульских знакомых не раз пробовал многие виды плова, который и поныне является главным блюдом в меню. Если кебаб подают как правило, в качестве горячей закуски, то пловы их обычно приготавливают трех видов и более — заедают обед. Особо популярен «кабили» — сладкий плов с морковью, фисташками и изюмом. Иностранцы нередко толкуют «кабили» как «кабульский» плов, но это просто созвучие названий, на самом деле оно ближе к значению «домашний». К пловам подают «торши» — маринованные овощи.

Бача снова приносит чай, каждому по небольшому фарфоровому чайнику: ведь чай заваривают для каждого отдельно. Мы пьем зеленый, особенно популярный у афганцев.

— Не спешите пить,— предупреждает самоварчик,— пусть настоится,— и наливает в пиалу немного чая, затем переливает его в блюдце, после чего — снова в пиалу, потом — в чайник.— Теперь можно начинать. Для нас, афганцев, жизнь без чая просто немыслима. Мы можем пить его целыми днями, и недаром нас иногда называют самыми большими чаевниками в мире. Куда бы вы ни пришли, вам обязательно предложат чай — это проявление гостеприимства, и вы должны выпить не меньше трех чашек. Именно три. Это традиция: первая утоляет жажду, вторая символизирует дружбу, третья — знак уважения хозяину. Так что уйти, не выпившись чаем, значит просто обидеть. Кстати, говорят, что зеленый чай был завезен к нам впервые из Индии в XII в.

Рассказчик замолкает и смотрит на босоногого мальчугана за окном. Он несет деревянный лоток в ремне, перекинутом через его худые плечи. На лотке — несколько запыленных пачек сигарет, спички, дешевые шариковые ручки. Мальчик озирается по сторонам, вероятно, в поисках покупателя.

Начинает темнеть. Мы прощаемся с «Фарухом». В быстро сгущающихся сумерках проезжаем старую часть города, громаду Тапе-Сардар, потемневший Бунд

Шрузи. Фиолетовый цвет у подножия остроконечных гор переходит в розовые тона, а затем в совсем выцветшую голубизну неба. В горах темнеет еще быстрее. Мерцающими огнями зажигаются редкие селения, а расположившиеся у дороги кочевники неторопливо разжигают дымные костры, готовя свой нехитрый ужин.

ДОРОГИ КОЧЕВИЙ

Автомобиль мчится вдогонку миражам. Они похожи на сверкающие пятна воды, которые то появляются далеко впереди, то, неожиданно исчезая, маячат у самого горизонта мягкого асфальта. Нещадно палит солнце. Тумка воздушного марева застилает далекие предгорья. На спидометре 150 км, но кажется, что окаймляющие пустынную пустыню горы и сухая потрескавшаяся земля, так медленно расступающиеся перед ревущим от загрузки автомобилем, никогда не останутся позади. Тепло покрывается липкой влагой, во рту так сухо, что с трудом удается сделать вдох.

Наш путь теперь лежит через южные районы Афганистана в Кандагар — второй по величине город страны. Именно здесь проходила когда-то одна из веток Великого шелкового пути. На нем под ударами свободолюбивых племен таяли воинства бесчисленных завоевателей — от персидского Дария и Александра Македонского до Саманидов, Газневидов и др. Исчезали в пыли дюнов и пустынь протоптанные завоевателями дороги, но неизменными оставались кочевые пути. Сегодня это современная автомагистраль, которая, прорезая южные и западные районы страны, соединяет их с Кабулом и северными провинциями.

О старых же караванных путях напоминает лишь то, что почти на всем протяжении асфальтобетонного полотна его нет-нет да и пересекут почти исчезнувшие во времени и песках участки старых дорог. Петляя и обходя неровности ландшафта, они нередко долго преследуют XX в., которому, кстати, сослужили немалую службу. Прокладывая дорогу, строители изучали и караванные тропы: ведь среди пустынного безмолвия, отсутствия оазисов и воды «корабли пустыни» всегда находили наиболее удобный и безопасный путь.

В послеполуденный час транспорт здесь редок — только до земли навьюченные ослики да степные перелюды и — лишь иногда — набитый автобус, на верхнем «этаже» которого удобно устроились закутанные в длинные куски материи пассажиры.

Постепенно Гиндукуш отходит все дальше и огромными уступами переходит в обширные плоскогорья спускающиеся в область вечных пустынь. Регистан — Страна песков, Деште-Марго — Пустыня смерти, Деште-Наумид — Пустыня отчаяния. Эти названия говорят сами за себя. Именно здесь были когда-то самые трудные участки караванной дороги: нестерпимая жара, отсутствие воды, продовольствия и фуража.

Сахара не удивит афганские пустыни скупостью своей растительности; здесь тоже лишь полынь, солянка да верблюжья колючка. И только ранней весной пустыни оживают яркими красками тюльпанов, ирисов и нарциссов. Но сейчас осень, и лишь изредка серо-желтое однообразие нарушают пятна сиреневых пучков цветущей колючки.

Кочевники, кажется, специально выбрали место для бивака на самом солнцепеке. Забыв от любопытства закрыть рты, их босоногие взъерошенные дети немилыми глазами провожают легковую автомашину. В смоляных глазах неподдельное удивление, они как бы вопрошают, зачем же куда-то торопиться в такую жару, в этот час надо отдыхать, как мы.

От шатра к шатру лениво перемещаются разношерстные пятна — отары овец. Шерсть животных выкрашена в разные цвета — по принадлежности к хозяину, но преимущественно в красный и черный. Кочевники считают также, что эти два цвета обладают особой магической силой, способной уберечь их богатство от погубителя.

Кочевников — «кучи» — можно встретить в Афганистане повсюду — в пустынной степи и на каменистых горных дорогах, в городах и оседлых районах. Каждой весной они разбивают свои биваки и в Кабуле, недалеко от самого центра города, вдоль дороги, что ведет в международный аэропорт. Их многочисленные караваны, двигаясь весной из окраинных районов в глубь страны, устремляются в центральную часть, к предгорьям Гиндукуша, на богатые травами пастбища, а осенью

миращаются назад, пересекая территорию соседних Таджикистана и Ирана.

Однако традиционными районами расселения многочисленных кочевых племен, в общей сложности насчитывающих в Афганистане от 2 млн. до 3 млн. человек, продолжают оставаться южные области страны.

Передвигаясь вдоль магистральных дорог и останавливаясь подчас совсем рядом с населенными пунктами, они все же предпочитают коротать время в своих шатрах и на открытом воздухе.

Наиболее многочисленные из них — племена дурранов и гильзаев. Оба племени значительно опередили другие в социально-экономическом развитии и уже к началу XIX в. имели сложившийся феодальный строй, хотя и по сей день они все еще сохраняют некоторые родовые пережитки в виде племенных «джирг» (советов старейшин) и собственной военной организации.

Еще в XVIII—XIX вв. путешественники нередко не без опасений приближались к населенной гильзаевыми территории, и особенно в районе между Кабулом и Кандагаром. «На границах Персидских и Индейских был народ военный, кочующий в кибитках наподобие татар, в делах бранных всегда управлявшийся, к терпению холода и жажды и к понесению жара приобвыкший... почти в непрестанных набегах жизнь свою препровождавший и вообще наблюдавший у себя весьма великую строгость», — писалось о них в изданном в России в 1790 г. трактате «Персидский Александр или страшный Надир, потрясший самое богатейшее в свете Индейское Царство и нанесший трепет на весь Восток».

Относительно происхождения гильзаев существуют противоречивые и запутанные версии. По их собственным поверьям, когда-то сын некоего правителя Гура побывал в Центральном Афганистане, где его обласкал местный шейх Батни. Злоупотребив гостеприимством хозяина, юноша соблазнил его дочь Биби Мато. Чтобы избежать неприятностей, родители женили на ней некоего сородича, а их первенца шейх назвал Гильзаем.

Вольнолюбивые и независимые гильзаевы вписали в историю своей страны немало героических страниц. В начале XVIII в. под предводительством национального героя Мир Вайса они объявили себя независимыми от

персидского владычества. В 1722 г. его сын Махмуд захватил персидский трон, и хотя персидскому шаху Надир-шаху Афшару удалось сокрушить гильзаев, однако и себя на родине, а точнее в районе от Кандатара до Газни, они продолжали сохранять независимость.

...В Мукуре, небольшом уездном городке, делаем остановку, чтобы заправить машину и дать остыть двигателю. Пустуют миниатюрные поля табака. У дороги видим глубокие колодцы с лебедкой и резиновыми веревками, глинобитные дувалы и куполообразные крыши строений, пятна кяризов и небольших оазисов.

В ожидании попутного транспорта на обочине дороги расположились крестьяне с домашним скарбом. Не спеша беседуют преисполненные важности и неторопливости старики. Кто помоложе приветствует нас улыбкой кивком головы и охотно позирует перед камерой. Дремлет хозяин небольшой лавки, торгующей фруктами чаем и зеленью. Пуста импровизированная чайхана: два-три грубо сколоченных деревянных стола под не приглядным, залатанным навесом, большой прокопченный самовар, ряды выдавших виды фарфоровых заварочных чайников.

На автостоянке выясняется, что у нашей машины какие-то неполадки в двигателе. Водитель отправляется на поиски механика.

К лавке неторопливо подошли двое кучи, поджарые и статные. Их свободные, длинные рубахи поверх шаровар опоясаны португеей с полным патронташем. На ногах открытые сандалии из грубой кожи. Но лица почти не видно: от переносицы до подбородка они закрыты свободным краем пропыленного дастара, и только из-под бровей влажной смолой сверкают острые глаза.

Дастар кочевники предпочитают любому другому головному убору, хотя на него и идет до десятка метров ткани. Зато чалма всегда защитит от ударов, а ее свободный край — от песчаных бурь.

За плечами у них ружья, и, глядя на небрежно болтающиеся из-за дастаров стволы, вспоминаю шутки моих кабульских знакомых, утверждавших, что кучи даже во сне не расстаются со своим оружием. Не знаю так ли это, но, во всяком случае, кочевники всегда считали, что сила племени зависит не столько от его численности, сколько от боеспособности. Поэтому оружие

уже давно неотделимо в повседневной жизни от любого мужчины-кучи, так же как его шатер и дастар, верблюды и стадо овец.

Но если ты оружия не любишь,
Ты не мужчина вовсе, так и знай!
Окрась сурьмой глаза и брови
И жизнь рабыни слабой начинай! —

говорят кочевники.

И странным мог показаться один из путников. Из-под дастара и дула «винчестера» торчали небольшие бутоны цветущей колючки, нежный сиреневый цвет которой так не вязался с мрачной и грозной фигурой кучи. Но любовь к цветам — слабость кочевников. Она, на протяжении столетий, постоянно видя прекрасный пейзаж, они вольно или невольно тянулись к таким прекрасным созданиям природы.

Подойдя к навесу лавочника, кочевники начинают с ним торговаться. Потом один из них снимает дастар, под которым оказалась стрижка «под горшок», и кладет на него несколько яиц и пригоршней чая. Вот еще одно применение традиционного дастара! Взглянув в нашу сторону, кучи не спеша подходят к машине и оглядывают возящегося у радиатора шофера.

— Хараб! (Сломалась!) — отрывисто буркнул один. Подойдя немного в сторону, они оба присаживаются на корточки и начинают наблюдать за действиями шофера и механика. Кажется, к самой машине они утратили какой-то интерес.

Это был шанс поболтать с незнакомцами, но меня смущало одно обстоятельство. Во-первых, я не знаю языка — родного языка афганских племен. Но, даже видя их, понимать кучи трудно. И не потому, что они не словоохотливы. Дело в том, что кроме двух основных диалектов (восточного и западного) многочисленные племена и кланы племен имеют до полусотни различных говоров. Если же добавить к этому, что у каждого существует свой собственный запас слов, заимствованных, сокращений и символов да к тому же своеобразная манера разговора, то мои сомнения станут читателю понятны.

Собрав в памяти весь нехитрый запас из пушту, стараясь завести разговор с традиционных «как здоровье?», «как дела?», а потом «куда держите путь?». Не

отказываясь от предложенных сигарет, кочевники прищипывают пачки куда-то за пазухи, и тот, что помоложе, начинает было отвечать, что, дескать, идем на восток, но его прерывает подбежавший босоногий паренек, который торопит к биваку.

— Пойдем! — кивают кочевники и мне.

— Ты учишься? — улучив момент, спрашиваю мальчика, но тотчас жалею о своих словах: охватив кочевников системой просвещения все еще чрезвычайно трудно, хотя уже предпринимаются энергичные меры для создания сезонных школ в районах их кочевья.

— Нет, не учусь! — нимало не смутившись, отвечает паренек и добавляет: — Но наших овец считать умею, запрягать верблюдов и разводить огонь тоже. Разве этого мало?

А потом, словно желая доказать, что это действительно очень много, показывает в сторону нашей автомашины:

— Ты вот, небось, учился, а починить свою машину не можешь!

Приближаемся к небольшому биваку, в центре которого три пропыленных шатра. Но сейчас они не похожи на шатры — только несколько простых деревянных конструкций, покрытых черной шерстяной и войлочной тканью. Края палаток подняты вверх, и на земле видно все их нехитрое убранство: циновки, паласы, грубые ковры и полураспакованные тюки с домашним скарбом. Простота конструкции шатров, которые можно быстро и легко собрать, разобрать и погрузить на верблюдов и лошадей, — важный элемент, придающий особую мобильность кочевникам, располагающимся в шатрах только на ночлег, и нередко вместе с новорожденными ягнятами.

Поодаль от шатров сбились в кучу понурые овцы и козы. В поисках укрытия от солнца каждое животное норовит спрятать голову под брюхо соседа. Рядом с овцами их непереманные стражи — огромные, ростом с добрых телят, псы с обрезанными хвостами и ушами. «Чтобы предотвратить болезни и чтобы были здоровы», объясняют кочевники. Кажется, что зной разморил собак, но, заметив чужих, они легко срываются с места и с хриплым лаем, свирепо скаля желтые клыки, сопровождают нас к своим хозяевам.

Кроме детей, собирающих верблюжьи колючки — основной вид топлива кочевников, никого не видно. Только у большого валуна, в нескольких десятках метров от шатков, сидя на корточках, разжигают костер несколько мужчин. Очертания их почти неразличимы — лишь темные пятна на серо-желтом фоне каменной пустыни.

Поприветствовав старшего, которого можно узнать не только по возрасту, но и по тому почтению с которым к нему обращаются остальные, пытаюсь завести с ним разговор. Видя мою беспомощность в пушту, старик начинает говорить на невероятной смеси пушту и перси. Но и это было спасением, и я остался признательным кучи за проявленные снисхождение и деликатность.

Хозяин приглашает разделить с ним чай; об отказе не может быть и речи, иначе я нанес бы тяжелую обиду. Традиция гласит, что даже заклятый враг, если тот миром вошел в шатер кочевника, должен быть встречен как гость.

Пиалы и приготовленный из муки грубого помола хлеб приносят женщины, но откуда они появились, так и осталось для меня загадкой. К костру подходит только одна из них, да и то только для того, чтобы перекинуть необходимое к чаю. Лицо ее открыто и красиво. Длинные, собранные в пучок волосы приобрели то ли рыжеватый, то ли от солнца рыжеватый отлив. Кстати, кочевницы стригут волосы редко, и лишь в дни траура. Тонкую фигуру в черных панталонах свободно облегает широкая длинная блуза красного цвета с вышивкой на груди и рукавах.

Потом она присоединяется к товаркам, продолжающим стоять шагах в десяти от костра и напоминающим о своем присутствии только тихим шепотом и тонким звоном ожерелий. На всех женщинах панталоны и разноцветные блузы — «камизы». Незамужних можно определить в основном по прическе: длинные гладкие волосы собраны в две косы.

Главное же, что объединяет всех кочевниц, это украшения — множество, в несколько рядов, медных и серебряных монеток; на некоторых из них изображены крылатые рыбы или феникс. Их руки украшают латунные кольца, запястья — браслеты шириной до 20 см. У неко-

торых браслеты и кольца соединены орнаментированными цепочками, и создается впечатление, что женские руки заперты в своеобразный панцирь.

Кочевники нередко вкладывают почти все сбережения в женские одежду и украшения, что, являясь показателем уровня семейного достатка, превращает женщину в своеобразный семейный банк. Обычно после свадьбы мужчина стремится сразу же приобрести столько украшений, сколько позволяет ему достаток, а то и залезает в долги.

Афганские кочевницы никогда не носили и не носили чадры и вообще в противоположность своим сестрам в многих оседлых районах отличаются гораздо большей независимостью и свободой. И это вполне понятно, так как они истинные хранители очага семьи: присматривают за детьми, ухаживают за новорожденными ягнятами, ткнут грубошерстные паласы, шьют одежду, вяжут шерстяные носки, расставляют и убирают шатры и, конечно же, готовят пищу. Кстати, прирожденные скотоводы, кучи мяса не любят и отдают предпочтение молочным продуктам, домашних же животных закармливают лишь в исключительных случаях. Редки в их шатрах овощи и фрукты, а чтобы разнообразить меню, женщины собирают дикие растения и ягоды.

Женщина к тому же всегда оставалась правой рукой мужчины в ратных делах, а многие из них прославили свое имя в период борьбы за независимость, когда кочевые племена стали ядром народного ополчения.

За пиалой крепкого, заваренного прямо на костер черного чая — зеленый кочевники пьют редко — узнаю, что семейство старика отстало от основного каравана, расположилось здесь, у Мукура, чтобы до наступления сумерек сняться и успеть догнать своих до ночи.

У афганских кочевников сохранилась объединенная семья, где глава определяется по возрасту и где обычай предписывает младшим беспрекословно подчиняться воле стариков. Даже свадьбы совершаются обычно внутри клана или племени, причем эти вопросы решаются родителями, которые договариваются о выкупе в процедуре бракосочетания. Правда, по обычаю, «завываль» («окрик»), юноша, оказавшийся не в состоянии добиться руки девушки, может подойти к шатру ее отца и несколькими выстрелами в воздух продемонстрировать

прирывать свою преданность возлюбленной. После этого считается обязательным, чтобы старейшины племени вновь начали переговоры с отцом, и отказ может привести к вражде между семьями.

Старого кочевника отличает лаконичность и простота речи, выработанная, вероятно, за долгие годы жизни в окружении суровой и скупой природы. Нет в ней ни настороженности, ни недоверчивости, которую мы почувствовали в разговоре с его домочадцами у поста дорожной пошлыны. Он прост и категоричен: ведь вокруг его семейство, его овцы, его шатры и его степь.

Во время чаепития нас окружают дети, среди которых и мой юный знакомый. Он выделяется особой осанкой среди нескольких косматых, чумазных пареньков и ставших чуть поодаль звенящих металлическими браслетами девочек с огромными настороженными глазами. Руки девочек выкрашены сурьмой. Оказывается, это тоже для профилактики от хвори.

Притянувшись, можно заметить на шее у детей «тавизы» — амулеты. Их приобретают у попечителей мечетей и гробниц или привозят из хаджа вместе со щепошкой земли «святых мест». По поверьям, тавизы ограждают от несчастий, болезней и «дурного глаза». Но расспрашивать об этом не стоит, чтобы не вызвать обиду у владельцев тавиза.

Я решаю заснять детей на пленку, но не тут-то было. Когда камера затарахтела, девочек как ветром сдуло, и больше они не появлялись. Зато ребята с интересом взирают на кинокамеру, явно придумывая способ запечатлеть готовые фотографии. Все объяснения, что это невозможно, что надо сначала проявить и обработать пленку, напрасны.

— Тогда давай камеру! — ультимативно заявил мой юный друг, тот самый, который умеет считать овец и разводить костер.

Положение становилось крайне деликатным, но он в конце концов прав: ведь должен же я отблагодарить за угощение! Раздумывая, что же предпринять, решаю протянуть время и сменить кассету. Когда же киноаппарат открыт и ребята, наседавая друг на друга и толкаясь, принялись разглядывать (что же внутри?), вдруг снова раздаётся авторитетное моего приятеля:

— Хараб! (Сломалось!).

Ребята закатились смехом. А камера и фотографии
О них сразу же все забыли...

Надвигается прохлада — верный признак приближе-
ния сумерек. Пора расставаться, да и хозяева начи-
ют уже понемногу собираться в дорогу: женщины выно-
сят из шатров паласы, скатывают их в рулоны и вместе
с чайниками, горшками, керосиновыми светильниками
кладут у шатров. Потом принимаются и за шатры: не-
сколько человек вместе с детьми возятся с навесом
другие — с шестами. Мужчины сгоняют в стадо овец и
верблюдов.

У машины я обнаруживаю заждавшегося механика
а водитель что-то бурчит о времени и дальней дороге.
Я хочу расплатиться с Аятуллой (так зовут механика)
но он остается неумолим.

— Когда-то я работал на строительстве шоссейной
дороги через Саланг в Гиндукуше, — говорит Аятулла,
и всегда буду помнить ваших инженеров. Благодаря им
я получил специальность автомеханика. И как память
о тех днях храню вот это! — И он показал памятный
значок в честь покорения Саланга: на латунной пла-
стинке выбит въезд в высокогорный туннель.

— Когда встретите «шаурави» (советских), которые
работали на Саланге, передайте привет! — И Аятулла
приветливо машет на прощание рукой.

Водитель спешит, и он прав: до Кандагара предстоит
проделать не одну сотню километров, а сумерки идут
по пятам. Все меньше становится стоянок кочевников,
зато все чаще машина обгоняет их караваны.

За степенно вышативающими одногорбыми верблю-
дами, нагруженными домашним скарбом, следуют ло-
шади и ослы, а замыкают шествие отары овец в не-
пременном сопровождении сторожевых собак. На ше-
у каждого верблюда на вышитой ковровой ткани
сбруе, на ногах и пополах — небольшие колокольчики,
и их тихое позвякивание разносится далеко-далеко. На
верблюдах и лошадях кроме скатанных палаток и до-
машнего скарба — нередко и рулоны перекупленных у
ремесленников дорогих ковров, которые кочевники на-
годно продают на городских рынках по пути следования.
На своеобразных сиденьях, прикрепленных на горбах
верблюдов, верхом восседают ребяташки. Покачиваясь
в мерный такт шагов «кораблей пустыни», они вместе

ягмятами, курами и козлятами напоминают живых персонажей из сказок. Все взрослые идут рядом с караваном.

Облик Калата, который считается центром проживания в юго-восточных и южных районах кочевых племен, мало отличается от Мукура: те же дувалы, за которыми видны куполообразные крыши, потемневшие в сумерках пятна садов. У дороги несколько современных коттеджей. Но особенно выделяется внушительный массивный форт на большом каменистом холме.

Это Калате-гильзай — Форт гильзаев, игравший видную роль в период борьбы афганского народа за освобождение от персидского господства и впоследствии от экспансии британского империализма. Он контролировал движение между Кандагаром и Кабулом, не раз подвергался разрушениям, переходил из рук в руки и перестраивался. В 1738 г. Калат был разрушен Надиром Афшаром, а спустя 100 лет, во время англо-афганских войн, когда правительство британской Ост-Индии стремилось превратить Афганистан в буферное полукolonиальное государство, англичане потратили немало усилий, чтобы, выстроив на холме Калата крупные фортификационные сооружения, контролировать всю обширную территорию между Кандагаром и Кабулом.

В значительной степени сохранив черты старой родоплеменной организации, кочевые племена всегда играли видную роль во внутренней жизни Афганистана. Их история неотделима от всей истории страны; в середине XVIII в. родо-племенная организация племен в значительной степени стала политическим ядром самостоятельного государства. С тех пор ни одно важное событие в жизни страны не обходилось без их участия.

Однако отношения племен с центральным правительством обострились, когда они враждебно встретили мероприятия по вовлечению кочевников в орбиту активной экономической жизни путем перевода их на оседлость.

И по сей день влияние родо-племенной верхушки кочевых племен, сохраняющих древнюю структуру семья — клан — племя, весьма значительно. В решении большинства аспектов внутренней жизни племенная знать опирается на джиргу. В переводе с пушту «джирга» означает «круг», «собрание», «совет». Это древнейший орган племенного самоуправления. Корни института джирги уходят в далекое прошлое. Выполняя три функции —

законодательную, судебную и полицейскую, джирга издавна служила важнейшим инструментом в деле мобилизации сил для отпора врагу. Но она не является чем-то постоянно действующим, а собирается по мере необходимости. Члены совета — «джиргамары» — из числа старейшин и состоятельных лиц занимаются разбором споров, конфликтов, споров, случаев нарушения обычаев, регулируют взаимоотношения с другими племенами и т. д. Джирга собирается либо во время стоянок кучи, либо в мечетях, либо на деревенских площадях, либо в «михманхана» — домах для странников, которые есть в любом селении.

Выступая на джирге, оратор в своей речи обязательно приводит выдержки из Корана, старинные пословицы и поговорки, обращается к образам народной поэзии. Все это служит критерием мудрости, определяет глубину познаний и подтверждает убедительность доводов. В то же время часто употребляют длинные общие фразы или говорить в резкой, грубой форме никогда не считалось достоинством, хотя и краткость далеко не всегда считается убедительной. Джирга длится до тех пор, пока не выскажутся все желающие. Ее решение объявляется от имени джиргамаров в присутствии всех заинтересованных сторон, после чего никто не имеет права его нарушать. Завершается собрание праздником с обильным угощением, спортивными играми, песнями и танцами.

При серьезных конфликтах между племенами джирга назначает миротворческий орган — «марака», который ведет переговоры с враждующими сторонами. В решении вопросов о взаимоотношениях племен, как правило, не вмешивается даже правительство.

Свое решение местные и племенные джирги принимают на основании «пуштунвалай». У разных племен в различных районах положения этого кодекса имеют свои особенности. Афганец их должен уважать, отступление от них расценивается как тяжкий проступок. Одним из главных предписаний кодекса издавна была обязанность защищать родную землю. Чувства свободы и патриотизма всегда высоко ценились. При появлении общей опасности племена объединялись, давали клятву совместно бороться с врагом и до победы над ним забыть о собственной вражде. Чувство национальной гор-

ности, пожалуй, самая характерная черта каждого афганца. Спросите вы даже самого бедного, одетого в шамотья пуштуна, кто он, и тот с гордостью ответит: «я афганец». Говоря о себе, он нередко обобщает, подчеркивая: мы, афганцы...

Пуштунвалай предписывает «нынавати» — оказание обязательной помощи всякому, кто в ней нуждается. По обычаю, проситель может подойти к шатру кочевника и не садится на ковер хозяина до тех пор, пока его просьба не будет удовлетворена. В случае отказа честь и достоинство хозяина, отвергнувшего просьбу, остаются запятнанными надолго. Универсальностью нынавати пользуются для прекращения вражды путем либо посредничества, либо прямых переговоров. Если, подходя к шатру, противник накидывает на шею верблюда перевку и в рот берет пучок соломы, то тем самым он демонстрирует свое миролюбие и намерение прекратить вражду. Потерпевший обязан в этом случае не только проявить великодушие, но и пойти на мировую без всяких условий.

Пашедшие отражение в пуштунвалае черты кочевников — гордость, непримиримость к обидчикам и оскорблениям — прослеживаются и в других случаях, в том числе в «бадаль хистыль». Он предписывает обязательную компенсацию за обиду, притом любой ценой, нередко вплоть до кровной мести. На почве бадаль хистыль кровная месть и вражда семей и целых кланов может переходить из поколения в поколение как наследство.

Однако, затронув этот обычай, было бы несправедливо поставить здесь точку. Ведь бадаль хистыль одновременно предусматривает прекращение вражды и кровной мести. Для этого родственники виновного должны передать наследникам жертвы одну или несколько девочек-подростков, что считается «платой за мир». Существует компенсация за убийство, ранение, увечье; ее размеры различны у разных племен. Иногда за убийство взыскивается «цена крови» — «хун». Выплата осуществляется наличными и скотом, причем за убийство женщины размер хуна меньше. Если же получивший компенсацию за убийство все-таки прибегнет к кровной мести, то он обязан не только возратить хун, но и сам заплатить штраф. Кроме того, джирга может приговорить убийцу к смертной казни. Но он может избежать

ее, если выплатит хун и на похоронах возьмет на плечо одну из сторон деревянных носилок, на которых на кладбище несут тело покойного, а перед погребением полежит в его могиле.

Хун выплачивают при потере ноги, руки, а также при убийстве собаки кочевника; ножевое ранение в спину, если преследуемый трусливо убежал, не компенсируется — такая рана — позор для самой жертвы. Однако во всех этих случаях уполномоченные виновного должны принести пострадавшему барана, а при убийстве к родственникам жертвы с таким подношением направляются две-три женщины из семьи убившего, что считается исключительно унижительным и для него самого, и для его родственников.

Самой же, пожалуй, примечательной чертой бадахи хистыль является предписание отвечать добром на добро, и каждый новый знакомый становится для афганца другом. Именно поэтому среди них трудно встретить человека, у которого не было бы обширного круга знакомых. Встретившись на улице и оживленно беседуя на самой середине проезжей части, они долго расспрашивают друг друга не только о собственных делах и здоровье, но и о жизни многочисленных приятелей.

«Много и эмоционально написано в художественной литературе о романтической и независимой жизни кочевников, о свежем воздухе, которым они дышат. Действительность же другая, — писала как-то „Кабул Таймс“.— Кучи ведут трудную, полную лишений жизнь, и в ней нет ничего романтического. Это неграмотные скитальцы. Перед ними стоят большие проблемы».

Действительно, жизнь кочевников нелегка. Сами они все больше превращаются в анахронизм, тормозящий социально-экономическое развитие страны. Скот продолжает составлять основу любого кочевого хозяйства, но в последнее десятилетие все большую роль начинают играть смешанные скотоводческо-земледельческие хозяйства. Существует и особая разновидность кочевников — торговцы. До начала XX в. они держали в руках значительную часть всех торговых операций не только внутри страны, но и за границей, вывозя афганские товары в Индию и Среднюю Азию.

Постепенно утратив позиции в конкуренции с крупными торговыми компаниями, кочевники в определенной

мере продолжают сохранять их во внутренней торговле. Однако в связи с расширением сети современных автомобильных дорог роль кочевников и в этом секторе все больше сокращается. Хотя и не совсем. Например, в Кандагаре мне довелось познакомиться с кочевником — владельцем парка мощных грузовиков.

Кучи поставляют на внутренний рынок овчину, шкуры, шерсть, войлок, каракуль, мясо и т. д. Прочны их связи и с оседлым населением; скупая скот, зерно, товары кустарного промысла, они реализуют их в Кабуле и других городах. Нередко кочевники являются для крестьянских хозяйств почти единственными поставщиками тканей, обуви, одежды и промышленных товаров. Кроме того, крестьяне берут у кучи в долг зерно и в результате попадают к ним в кабалу. Тогда кочевники выкупают у них клочки земли и становятся землевладельцами.

Постепенное развитие капиталистической формы производства не могло не сказаться на структуре хозяйства кочевников, среди которых все более заметно проявлялась социальная дифференциация. Все явственнее проступали две крупные социально-имущественные группы: феодалы, владевшие большим количеством скота и ведущие спекулятивную торговлю, и кочевники, практически не имевшие собственного имущества. Именно они, зачастую не без труда преодолевая веками сложившееся сознание, охотнее других шли на оседлость. Однако трудностей на этом пути еще немало, и решение вопроса о кочевниках — важнейшая часть основных направлений деятельности правительства демократического Афганистана.

...Справа у дороги — дорожный указатель: граница двух провинций. Скоро и пункт дорожной пошлины, к которому вплотную подходят покрытые сухой верблюжьей колючкой холмы. Оттуда уже рукой подать и до Кандагара.

ПЕРВАЯ СТОЛИЦА

На всем пути своих легионов в Индию Александр Македонский закладывал опорные пункты и форты. Одним из них стала Александрия-Арахозия, основанная

Искандером на месте еще более древнего города. Название же «Арахозия» связывают с созвучным «Арахоз» — так в давние времена именовался протекающий в этом районе Аргандаб.

Находясь на удобном караванном пути, город быстро рос и скоро превратился в важный торгово-перевалочный пункт между Гератом и Индией. Была у него и другая особенность. Издавна он стал центром борьбы с чужеземными захватчиками. Персидского шаха Надир-Афшара пугал свободолюбивый дух его жителей, и в 1738 г. он превратил город в развалины. Но судьба редко бывает милостива к поработителям, и спустя всего шесть лет шах сам пал от руки убийцы. Тогда же, собравшись на джиргу, старейшины крупнейших афганских племен провозгласили образование самостоятельного государства, а на голову одного из вождей племен Ахмед-шаха Дуррани возложили символ высшей власти — венок из колосьев пшеницы. На национальном гербе страны и сегодня присутствует этот символический руящий ее единство венок.

В 60-х годах XVIII в. рядом с развалинами древней Александрии-Арахозии была заложена столица-крепость. Новый город представлял собой большой квадрат, обнесенный мощной глинобитной стеной высотой до 10 м и толщиной до 5 м. Стену окружал глубокий трехметровый ров. Городские валы Кандагара были снесены лишь в 40-х годах нашего столетия, но и сейчас в его южной и восточной частях можно видеть остатки когда-то мощных бастионов с бойницами. В центре города пересекаются четыре главные улицы и ряды базаров, образуя обширную площадь. Ее так и называют — Чар сук (Четыре базара).

Население сегодняшнего Кандагара составляет более 200 тыс. По своей архитектуре он еще во многом остается таким, каким был при основании. Даже в новой части Кандагара гораздо больше, чем в любом афганском городе, купольных зданий и элементов восточного зодчества. Въезжая сюда по кабульской дороге, невольно обращаешь внимание на красоту ажурной отделки фасадов, карнизов и подоконников новых трех- и четырехэтажных домов. Старые же здания строились из больших, раза в четыре крупнее современных кирпичей.

Одна из характерных особенностей кандагарского климата — наличие большого, оборудованного под жилье помещения, куда обычно переселяются в жаркое время года (сентябрь — сентябрь). А летом температура поднимается далеко за 40°. В октябре жара уже заметно спадает, и теплую осень наряду с ранней весной кандагарцы считают лучшими временами года. С летней жарой они связывают старую легенду.

Когда-то в горах Сафедкох жил благочестивый старец по имени Баба Фарид. Однажды он прослышал, что кандагарцы стали нарушать древние обычаи гостеприимства, отказывая в помощи и милостыне проходящим в город путникам, дервишам и пилигримам. Тогда решил он сам испытать людей. Прикинувшись нищим, он долго бродил по улицам, но никто не подал старцу даже корки хлеба. Баба Фарид рассердился, выловил в реке рыбу и положил ее на солнце. Когда оно опустилось совсем низко, рыба зажарилась, а земля покрылась красной раскаленной пылью и опалила лица людей. Старец ушел в горы и больше никогда не возвращался. И с тех пор в знак вечного наказания людям, совершившим нарушить древний обычай, солнце над Кандагаром опускается летом совсем низко к земле.

Монумент в память о битве при Майванде и мавзолей Ахмед-шаха в центре города — главные достопримечательности Кандагара. Хотя мавзолей и расположен буквально в двух шагах от основной городской магистралей, но, загороженный старыми глинобитными домами и постройками, издали просматривается плохо. Городские власти планируют в ближайшие годы снести эти кварталы, на их месте разбить городской парк, но пока над старыми глинобитными сооружениями виднеется лишь верхняя часть купола зелено-голубого мавзолея. Его фасад нуждается в реставрации, хотя внутри он выглядит неплохо: стены и потолки расписаны мелким цветочным орнаментом в зеленых и красновато-оранжевых тонах. В одном из приделов в застекленных витринах хранятся принадлежавшие Ахмед-шаху шлем, перчатки, инкрустированные золотым орнаментом металлические нарукавники и рукописный экземпляр Корана.

Пройдя небольшой сад у мавзолея, выходим на многолюдную площадь с маленькой мечетью. На ней десятками сидят три людей разных возрастов — но ни одной жен-

щины! — сидят молча и, лишь заметив в руке одного из нас кинокамеру, бросают настороженные взгляды. Почти не обращает на нас внимания и сидящий у главного входа в мечеть служитель. Он только одобрительно кивает головой, когда мы снимаем обувь и идем перед ним кинокамеру.

Эта мечеть считается одним из наиболее почитаемых мест исламского культа в Афганистане, и в ее стенах никто никогда не осмеливался отдать приказ задержать даже совершившего уголовное преступление. Рядом с мечетью находится небольшое каменное сооружение, где хранится «рубище пророка», полученное когда-то от бухарских эмиров. Но увидеть реликвию невозможно: согласно обычаю, ее выносят на всеобщее обозрение только в часы тяжелых испытаний. В XX в. такое случилось дважды: в 1929 г., когда король Аманулла пытался объединить племена для подавления антиправительственного мятежа, и через шесть лет, когда в Кандагаре вспыхнула эпидемия холеры.

Внутренние стены и потолки мечети окрашены в желтисто-красноватые тона и украшены вкраплениями кусочков стекла, что создает впечатление особого блеска и праздничной торжественности. В одном из проходов под яркой неоновой вывеской находится витрина, в которой бесконечной чередой тянутся прихожане. Они прикладываются губами к стеклу. Что хранится под стеклом, узнать не удалось: было бы бестактно интересоваться этим у верующих.

Мы видим, как в правом углу мечети над длинным столом, покрытым темно-зеленой тканью, склонившись двое мужчин в дастарах и женщина в темно-зеленой залатанной чадре. Судя по одежде, это крестьяне. Медленно двигаясь вокруг стола, женщина приподнимает край материи, закрывающей тело ребенка, и прикладывает ее к губам. Затем все обходят стол и, согнувшись, два раза пролезают под ним, а потом целуют край материи.

Похоронный обряд у афганцев продолжает оставаться исключительно традиционным. Хоронят усопших в день смерти, а отпевают дома, в мечети либо на открытых площадках вблизи кладбищ, причем обычай прописывает, чтобы во время отпевания мужчины и женщины собирались отдельно. Совершающий отпевание мул

и повертывается лицом к западу, за ним встают родственники и друзья покойного. Необходимый ритуал похоронения — оплакивание. Этот обряд всегда исполняют женщины, которые, собравшись вокруг тела, кричат, плачут, бьют себя по лицу, нередко доводя себя до полного иступления. Тело покойного заворачивают в саван, «кафан», и накрывают одеялом. Если смерть наступила в дороге, то используется дастар. На кладбище тело несут на «чарпай» (плоская плетеная кровать с короткими ножками) в сопровождении только близких родственников и знакомых. В гробах хоронят лишь состоятельных людей. Исламский обычай предписывает проводить захоронение мужчин в могилу глубиной до 1 м и головой к Мекке. Для усопших женщин могилы делают более глубокими. Мулла удостоверяет биографические данные покойного, читает молитву. После погребения он на непродолжительное время в одиночестве остается у могилы: считается, что в эти минуты ангелы опрашивают усопшего, а присутствие муллы может помочь давать правильные ответы. На второй, восьмой и сороковой день устраивают поминки. Пышные надгробные памятники у афганцев не приняты; как правило, на могилах устанавливаются простые плоские камни: на мужских — вдоль, на женских — поперек.

Мы почувствовали себя неловко, невольно став свидетелями чужого горя, и поспешили выйти из мечети. Сабрав кинокамеры, положили перед служителем несколько монет. На небольшом коврике, лежавшем перед ним, их было уже довольно много.

Афганцы нередко утверждают, что кандагарцы — самые ревностные мусульмане. Так это или нет, судить трудно, однако издавна Кандагар считался крупнейшим религиозным центром страны.

Ислам (суннитского направления) впервые начал проникать на территорию Афганистана вместе с арабскими завоевателями в VII в. В районе Кабула он утвердился в IX в., а в отдаленные районы труднодоступного Центрального и Восточного Гиндукуша, население которого в течение столетий оказывало упорное сопротивление насаждению ислама, он проникает лишь на рубеже XIX—XX вв. Ислам исповедуют более 90% населения Афганистана, из них 80% составляют сунниты — приверженцы ортодоксального толка, а

18% — шииты — последователи направления, возникшего в исламе во второй половине VII в., в ходе борьбы за верховную власть в халифате между представителями родовой арабской аристократии и приверженцами четвертого халифа — хазрати Али.

Ислам суннитского направления исповедуют пуштуны, таджики, узбеки, туркмены, киргизы, белуджи, раймаки, ряд хазарейских племен. К шиитам же относятся хазарейцы, горные таджики, персы и кызылбашы. Кстати, кызылбашами считаются потомки воинов персидского шаха Надира Афшара, осевшие в Афганистане после персидско-афганских войн XVIII в. После создания независимого афганского государства они заселили в основном центральные и западные районы страны.

Значительную роль у суннитов играют дервишские ордена, возглавляемые религиозными наставниками. Они широко используют перешедший в ислам древний культ почитания гробниц — «мазаров» и святых мест — «зияратов». В Афганистане насчитывается более 1,5 тыс. мазаров и зияратов, причем ряд из них представляют собой монументальные образцы исламской архитектуры.

В горных районах Бадахшана, на северо-востоке Афганистана, и в некоторых областях центральной части проживают неoisмаилиты — представители одной из сект шиитского направления ислама, возникшей в конце XI в. в Северо-Западном Иране. Особенность их верования состоит в том, что они обожествляют главу секты, считая его «живым богом». Его резиденция находится в Бомбее.

Небольшая прослойка населения — главным образом это выходцы из Индии — исповедует индуизм и проживает в основном в крупных городах, занимаясь торговлей и ростовщичеством.

Между афганскими суннитами и шиитами не существует религиозной нетерпимости. Светская власть также всегда стремилась к сохранению баланса во взаимоотношениях с духовенством, деятельность которого контролируется и направляется созданным в 1930 г. советом богословов — улемов.

Ежегодно тысячи афганцев на самолетах, на личном или арендованных автомобилях и автобусах, а также и пешком совершают паломничество в Саудовскую Ара

но, к шиитским святыням в Ираке и Иране, а также в гробнице хазрати Али в Мазари-Шарифе. Нередко на дорогах и в городах можно встретить паломников — брошенных дервишей. В руках у многих — черные флаги — знак траура по убитым потомкам Али. Шииты почитают и зеленый — традиционный цвет ислама, а также красный — цвет того знамени, под которым воины хазрати Али воевали с армией халифа Муавии.

Редкий афганец проходит мимо мечетей и зияратов, чтобы не поднять руки в молитве. Этот ритуал со словами «Да простит его всевышний», что означает заступничество за душу погребенного, совершают проходя мимо кладбищ. Большой известностью еще пользуются в стране живые праведники, которые являются главными авторитетами и толкователями пуштунвала и обычаев которых в племенах весьма велико.

Повсеместно соблюдается и традиционный пост — рамадан, а трехдневный «ийде фетр», праздник разговенья, отмечается широко и весело. По этому случаю дома украшаются разноцветными полотнищами, коврами и шестами; семьи обновляют туалет, ходят в гости, одаривают друзей и знакомых. Заметно увеличивается в эти дни число дервишей-малангов, одетых в длинные рубища с высушенной тыжвой, висящей на груди на цепи, и с топориком на длинном древке в руке. Живущие молчаливо, они нередко настойчиво требуют его, воздействуя устрашающими предсказаниями и «магическими» приемами. «Маланг — леопард в сутане дервиша» — эта народная поговорка достаточно ярко характеризует их существо.

Древний праздник, широко отмечающийся в Афганистане, — праздник жертвоприношения — «ийде курбани».

Шиитский религиозный праздник поминовения одного из потомков хазрати Али, имама Хусейна, также широко распространен в Афганистане, однако в отличие от Ирана он не сопровождается большими религиозными мистериями — «тезийя».

Политическое и социально-экономическое развитие страны приводит к появлению все большего числа светских праздников, постепенно оттесняющих традиционные «ийды» и «джашны». После Апрельской революции 1978 г. одним из первых декретов Революционного Со-

вета демократического Афганистана провозглашен праздником день Первого мая — День международной солидарности трудящихся. В том же году праздником был объявлен и Международный женский день 8 Марта.

Кандагарские базары — Кабульский, Гератский, Шахский, Шикарпурский — мало чем отличаются от рынков в других городах. Они такие же разноликие и шумные, но люди здесь менее многословны, и далеко не каждый изъявит желание позировать фотографу.

Но ни один из четырех базаров Кандагара не похож на другой. Пожалуй, единственное, что их объединяет, это то, что все они выходят на площадь Чар суи.

Гератский отличается антикварными лавками, где чаще, чем в других городах, встретишь образцы старого, гарднеровского фарфора: посуда заводов английского предпринимателя Гарднера получила в свое время широкое распространение на рынках Центральной Азии и в Афганистане. Но старый фарфор «Гарднер» в антикварных лавках легко спутать с современной японской продукцией на прилавках посудных магазинов: предпринимчивая промышленность Японии, чью продукцию встретишь в любом городке Афганистана, заимствовала у старого «Гарднера» рисунок и расцветку. На Гератском базаре много мастерских по изготовлению клеток для попугаев и легко приручаемого скворца-майны. Ну и, конечно же, в большом количестве здесь изготовляют самые разнообразные чилимы, начиная от металлических, инкрустированных тонкой чеканкой, до глиняных и керамических, украшенных рисунком из разноцветного бисера.

Кабульский базар славен ювелирными рядами, где наряду с кольцами, кулонами и браслетами встретишь и множество монет — от эпохи греко-бактрийского царства и до советского серебряного рубля 1924 г. Часть рынка, которую занимают обувные ряды, крытые и на Кабульском базаре сапожных изделий так же много, как и в Хульме.

Кабульский базар переходит в галантерейные ряды и портновские мастерские Шахского рынка. Здесь множество лавок с индийской парчой и японской синтетикой, английской шерстью и американскими хлопчатобумажными тканями.

Шикарпурский же базар — это царство фруктов и

ощей. Мы были в Кандагаре в октябре, когда сезон инюграда и «шикарпара» — мелкого и очень сладкого абрикоса, встречающегося только в кандагарском оазисе, уже заканчивался. Зато на огромных лотках лежали горы знаменитых кандагарских гранатов диаметром до 10 см. Казалось, только дотронься до граната, кожура лопнет и на ладонь высыплются сочные рубиновые зерна.

«ТАРНАК»

Окрестности Кандагара западают в память надолго. Кандагарский оазис, протянувшийся на десятки километров, пожалуй, самый крупный в пустынных районах афганского юга. После долгого и утомительного однообразия окружающей пустыни его тенистые фруктовые сады и аллеи из тутовника и кипариса кажутся райскими. Многоводный Аргандаб течет здесь по широкой плоской долине, создавая, с одной стороны, обширные заболоченные пространства, а с другой — являясь естественным источником для орошаемого земледелия.

— Давайте поднимемся на Чельзина! — предложил сопровождающий нас представитель провинциального Управления культуры. — Сверху окрестности Кандагара особенно красивы, и вы сможете увидеть нашу гордость — гранатовые сады.

Добраться до Чельзина труда не составило. Выведя автомобиль по тератской дороге за пределы города и миновав небольшой шумный фруктовый базар, дорога почти уперлась в подошву одной из небольших скалистых вершин, которые естественной цепью защищают от пустыни западную часть старого Кандагара. Оставив машину на попечение вездесущей детворы, минуем как-то совсем некстати устроившийся у подножия скалы склад горюче-смазочных материалов и по огромным, выбитым в скале ступеням начинаем «восхождение».

Ступени настолько велики и несообразны с ростом человека, что при подъеме на каждую следующую нелегко удержать равновесие. Приходится держаться за металлические перила, недавно сооруженные, вероятно, для таких же, как мы, туристов. Стараюсь сосчитать

ступени. Насчитал 42, хотя ступеней должно быть 40. Чельзина (в переводе «лестница из 40 ступеней») — одна из достопримечательностей Кандагара. Отсчитав последнюю, попадаем на плоскую, выбитую в скале площадку с глубокой высокой нишей, у входа в которую застыли как часовые два плоских камня.

— Когда-то на них стояли мраморные львы, — рассказывает сопровождающий, — но они пропали после того, как во время англо-афганских войн в Кандагаре побывали «инглизи».

«13 шевала 928 г. х. Бабур захватил Кандагар, в том же году приказал своему сыну Мухаммеду Камрану воздвигнуть прекрасное и величественное сооружение», — с трудом читаем выбитую в скале надпись. Старая вязь все продолжает перечислять подвиги основателя династии Великих Моголов. При сооружении лестницы Бабур был движим не столько желанием предоставить возможность созерцать окрестности Кандагара, сколько амбицией правителя, стремившегося быть похожим на таких древних царей, как, например, персидский Дарий, который когда-то приказал выбить на отвесной скале Бехистунскую надпись с перечислением всех захваченных им земель.

Наш спутник оказался прав: с высоты Чельзина действительно открывается великолепный вид на Кандагар и его огромный оазис. Справа — глинобитные постройки старого города, слева, насколько хватает глаз, — сплошная зеленая масса садов, раскинувшихся более чем на 50 км и где-то вдали, у самого горизонта, упирающихся в дымку горной гряды.

Это долина Аргандаба — самый плодородный район Кандагарского оазиса. Именно здесь выращивают знаменитые, весом до килограмма гранаты и более десяти сортов винограда, а также вишни, персики, яблоки, миндаль и грецкий орех. Большая часть урожая в свежем виде вывозится во многие районы страны и за границу, а оставшаяся перерабатывается на местном консервном заводе, построенном несколько лет назад с помощью чехословацких специалистов. Его компоты, соки, овощные салаты, джемы и кетчупы, обладая высокими качествами, находят широкий спрос как внутри страны так и за рубежом.

Поодаль от дороги протянулась цепь небольших

бухтообразных скал, одна из которых похожа на со-
пущенного под тяжестью времени слона.

В народе ее так и называют — «Филь кух» (Слон-
фри), — говорит наш спутник.

Мы садимся в машину, и он предлагает поехать в
«Тарнак» — одну из новых государственных ферм в этом
районе.

Хоть сегодня и пятница — выходной день, давайте
выскочим и заедем к директору. Я уверен, что если он
дома, то с удовольствием согласится показать ферму.

Довольно долго петляем по пригородам, пока после
многочисленных расспросов не останавливаемся наконец
у белоснежного одноэтажного коттеджа. К нам выходит
молодой, еще совсем молодой человек, лет тридцати пя-
ти, в свободной домашней одежде — белоснежных шаро-
варных и рубашке, в длинном зеленом чапане, на-
кинутом на плечи. На руках он держит остроглазого
кашугана. Извинившись за неурочный визит, излагаем
намерения. Но уговаривать хозяина не пришлось, и через
несколько минут «Волга» опять мчит нас за город,
мимо аэропорта, все дальше в степь.

Назначен я недавно, — говорит директор фермы, —
я рад, что именно сюда: ведь организация фермы, спе-
циализирующейся на выращивании сортовых семян
пшеничника и пшеницы, — дело у нас новое и важное.
Ферма ее площадь — шесть тысяч гектаров, но она будет
расширяться за счет новых орошаемых земель. Мы пла-
нируем ежегодно снимать до двадцати тысяч тонн
пшеничника и около десяти тысяч тонн высококачественной семен-
ной пшеницы. В дальнейшем в других районах страны
будет создано еще несколько подобных ферм и их про-
дукция позволит полностью обеспечить страну семенной
пшеницей, не ввозя улучшенные сорта из-за рубежа.
Большую, огромную пользу нам оказывает уже накоплен-
ный опыт организации работы государственных ферм
виноградных и оливок в Джелалабаде, созданных при
помощи советских специалистов. Помощь вашей страны
в развитии нашего сельского хозяйства ощутима во всех
направлениях. Возьмите хотя бы нашу ферму «Тарнак»:
очень прекрасно прижилась советская пшеница «кавказ-
ская», на наших полях работают несколько тракторов
«Беларусь». Они отлично зарекомендовали себя, и сей-
час мы ожидаем их вторую партию.

Заинтересованность директора фермы своим делом закономерна и вполне понятна. Несмотря на то что последние годы в результате определенного развития промышленности, транспорта и торговли удельный вес продукции сельского хозяйства в валовом национальном продукте Афганистана начал снижаться, сельское хозяйственная продукция остается пока основой экономики страны. Вековое господство феодальных и дофеодальных отношений в деревне, примитивные методы аграрного производства и многие другие экономические и социально-политические факторы неизменно вели к торможению развития общенационального рынка в стране, к нехватке сельскохозяйственного сырья и продуктов питания, тормозили рост покупательной способности.

Столетиями мечтал афганский крестьянин о земле. Живя на ней и отдавая все силы ее возделыванию, в то же время никогда не был ее полноправным хозяином. Опутанный долговыми обязательствами перед феодалами и сельскими ростовщиками, которые, составляя всего пять процентов населения, владели половиной обрабатываемой земли, мелкий крестьянин и батрацкие поколения оставался в неоплатном долгу перед владельцами. Что же можно было сказать о почти 700 тысячах крестьянских семей, которые вообще были лишены земли!

Первым крупным шагом на пути коренных преобразований в деревне был принятый в июле 1978 г. Революционным Советом указ о полной ликвидации и существенном облегчении условий выплаты крестьянством задолженности по сдаче своих земель в залог. Мы сейчас в афганской деревне создаются крестьянские союзы, кассы взаимопомощи, отделения Народной организации молодежи и Народной организации афганских женщин. Они призваны организационно сплотить трудовое население деревни, подготовить почву для последующего объединения крестьян в кооперативы. Не сомнения, — писала через несколько дней после принятия этого указа столичная газета „Анис“, — что этот шаг окажет глубокое влияние на жизнь миллионов трудящихся крестьян. Это новый революционный, прогрессивный шаг на пути освобождения нашего народа.

— Перед нами, — говорит директор фермы «Та

... — стоит еще одна немаловажная задача, осуществление которой, конечно, потребует времени. Дело в том, что основная масса мелкого крестьянства, лишенная как бы либо знаний в области научной агротехники, ведет сельскохозяйственное производство устаревшими методами. Поэтому остро стоит проблема обеспечения сельского хозяйства кадрами средней и высшей квалификации, которые помимо всего прочего могли бы направлять и менять образ мышления крестьянства. Правительство большое внимание уделяет подготовке сельскохозяйственных специалистов, распространению на селе агротехнических знаний, пропаганде новых методов сельскохозяйственного производства.

Идем вдоль широких массивов «Тарнака». Поля еще пусты. Оживленно лишь у небольших, на скорую руку выстроенных деревянных строений. Механики копошатся у тракторов. Идет подготовка к посеву озимых.

«Тарнак» — лишь малая частица — тем не менее должна внести свою лепту в подъем сельского хозяйства страны, — говорит директор. — Внедрение в крестьянство хозяйства улучшенных сортов пшеницы и других сельскохозяйственных культур — важная задача программы по обеспечению зерном, в течение долгих лет являвшейся проблемой номер один нашего сельского хозяйства. Ежегодная потребность в сортовой пшенице составляет сорок тысяч тонн, и сейчас планируется создать четыре государственные фермы.

Прощаясь с директором, пожимая его крепкую руку, я подумал, что таких энергичных людей, знающих не только свое дело, но и широкий круг проблем, стоящих перед государством и перед всем народом, встречаешь в Афганистане все больше и что их труд — залог будущих успехов страны.

ОТ КАНДАГАРА ДО ГЕРАТА

Из Кандагара мы решили выехать пораньше. Не потому, что впереди около 500 км — по первоклассной шоссейной дороге с бетонным покрытием, построенной при финансово-экономическом содействии Советского Союза, можно доехать до Герата не более чем за шесть часов.

Монумент в память битвы при Майване

Дело в том, что по пути мы решили завернуть в Лашкаргах и на развалины старого Буста.

Позади Чельзина, справа от дороги, в глубине обширного сада, где в 1709 г. Мир Вайс провозгласил независимость Кандагара от персидских властителей, находится голубое купольное здание — мавзолей национального героя. Мавзолею нет и 50 лет. Он был сооружен в 30-х годах на месте небольшой гробницы.

Неожиданно откуда-то со стороны Кандагара поднимается сильный ветер, и слепящая синева неба затягивается плотной песчаной пылью. Она обволакивает все вокруг, слепит глаза, забивается в машину, скрипит по зубам. Это дуновение Регистана — Страны песков. В самом крайнем пространстве расстилается она слева от дороги.

Но вихрь пронесся так же быстро, как и налетел, и теперь о нем напоминают только похожие на крупные апельсины шары, которые беспорядочно катятся по дороге. Это плоды колоцинта (или колоквинта), одного из представителей небогатой в этом районе флоры. Это растения из семейства тыквенных, нашедшие на крайнем

юге Афганистана свою вторую (после Африки) родину, покрывают здесь огромные пространства. Глядя на кобрицит, вспоминаю целительную влагу садовых арбузов. Но «отшельник» горек и не вкусен, его не трогают даже неприхотливые верблюды. Правда, сухие плоды колоцинта находят применение в народной медицине как сильное слабительное.

Километров через сто двадцать появляется Гиршик — небольшой волостной центр. На холмах высят глинобитные бастиионы старой цитадели, которая, как и Калат, была свидетелем многих баталий. В этом районе пустыню пересекает многоводный Гильменд — одна из крупнейших рек Афганистана. Беря начало в Центральном Гиндукуше, она неровной лентой в 1300 км пересекает юго-западные пустыни и постепенно теряет воду в Хамуно-Гильмендских озерах и лагунах уже по ту сторону границы с Ираном.

Лашкаргах, центр ирригационного комплекса, расположен в нескольких десятках километров от основной автомагистрали. Ровные кварталы коттеджей, культурный центр с кинотеатром и библиотекой, аккуратно распланированные аллеи и цветники — таков этот город. Здесь всюду встречаешь знаменитый лашкаргахский арагонит. В Кабуле из него делают журнальные столики, шкатулочки, кубки, а художники, открыв для себя прекрасные качества этого поделочного камня, выполняют из него мозаичные работы. В Лашкаргахе, кроме всего прочего, им нередко покрывают внутренние стены домов.

Осматриваем городскую мечеть, построенную в центре города в традиционном стиле всего несколько лет назад. Облицованная арагонитом различных цветов и оттенков, она очень красива. На фоне золотисто-желтых стен изумрудным пятном выделяется минарет. Свисая с купольного свода, мерно, в такт протяжным звукам молитвы, доносящейся откуда-то сверху, покачивается небольшая лампочка. Интересно, где вмонтированы усилители магнитофона?! У входа, в нише справа, видим благопоклоненного человека. Вполголоса он читает отрывки из Корана.

Ценность облицовочного камня обуславливается не только расцветкой, сколько «выходом блока». Согласно требованиям, предъявляемым промышленностью, раз-

мер монолитного камня должен не превышать и не быть меньше определенных размеров: большие блоки создают трудности при транспортировке, а мелкие требуют больших затрат на отбойку. В месторождениях афганского арагонита отбиваются блоки размером 4—6 куб. м. Основные его запасы сконцентрированы в южных районах, а наиболее крупное месторождение находится в Лашкаргахе.

Мы посетили небольшую фабрику (35 рабочих) по обработке этого ценного облицовочного материала. Прямо на глазах бесформенные, серо-белые, напоминающие известняковые, глыбы, которые доставляют на фабрику с месторождения, после отбойки и шлифовки превращаются в гладкие плиты. Здесь и густой изумрудный цвет, и все оттенки желтого — от густого медового до янтарного и нежно-золотистого, а также кофейный и даже почти черный. На одной отполированной плите мы увидели, как легкие ажурные узоры цвета морской волны переходят в светло-сиреневые тона, а рваная кофейно-коричневая линия, напоминающая скалистые отроги Гиндукуша, сменяется песочно-серым цветом пустыни. Продукция лашкаргахской фабрики идет и на экспорт в Кувейт, ФРГ, Италию и Японию. Афганским арагонитом облицован мавзолей Насера в Каире.

Развалины старого Лашкаргаха начинаются километрах в семи от города. Грунтовая дорога ведет мимо руин огромных, давно покинутых всеми, кроме пустынных ящериц и змей, караван-сараяв; над пустыми арками ворот видны остатки когда-то ажурных лепных украшений. Глядя на эту грудю развалин, трудно представить себе, что здесь находились жилые постройки. Огромный холм, на котором сохранились лишь руины старой цитадели Буста, доминирует над обширной долиной.

Старый Лашкаргах, или Лашкар-и-Базар, назывался еще и Бустом. Город и его цитадель неоднократно переименовывались, и эти названия упоминаются в источниках начиная с XI в., когда Лашкаргах стал резиденцией газневидских султанов. Слово «Буст» встречается еще в ранних зороастрийских гимнах, в списках городов Ахеменидской империи и в документах, относящихся к I в. В середине VII в. Буст был захвачен арабами, превратившими его крепость в опорный пункт для походов

центральные и восточные районы Афганистана. Однако местные племена доставляли арабам много хлопот, и только в самом Бусте завоевателям с трудом удавалось утверждать свое влияние.

В середине X в. арабский путешественник Ибн Хейсам описывал Буст как один из крупнейших городов Афганистана, а вежливость и щедрость его жителей сравнивал с гостеприимством иракцев. По словам наблюдателя-араба, на богатых городских базарах можно было купить даже финики из далекой Индии. Но в начале XII в., после того как газневидская империя была разрушена гурридскими правителями, Буст был сожжен. В XIII в. его разрушение довершили монголы, а в XIV в. — Тимур.

Огромный крепостной холм Буста сам по себе яркий свидетель того, насколько важным когда-то было стратегическое положение города: с развалин крепостных стен открывается широкая панорама долины, где сливаются Гильменд и Аргандаб и где проходили караванные пути из Ирана и Индии. В развалинах немало остатков искусных архитектурных сооружений, среди которых больше всего впечатляет спиральная диаметром 10 м лестница, уходящая в шахту почти на 40 м. Одни выводят шахту древним колодцем, другие — местом посещения оруденного отдыха.

У подножия холма — развалины торгового города с дворцами, караван-сараями, банями, мечетями и т. п. Многие стены и по сей день почти не тронуты временем. Между цитаделью и остатками окружавших ее стен сохранились несколько лет назад реставрирована декоративная арка, ширина пролета которой 24 м. Она была построена Газневидами как церемониальная арка перед главным въездом в цитадель. Сейчас же под ней, в тени, в ожидании туристов по-хозяйски расположились торговцы «старинной», предлагающие монеты, осколки старой керамики, металлические вазы и сосуды, украшения. Спросите, откуда все это, и вам ответят, что, конечно же, из развалин Буста. Так ли это, определить трудно даже и специалисту, но, видя задорный и насмешливый блеск в глазах торговцев, я думаю, что, скорее всего, это искусные подделки.

Переезжая на зиму в Буст, Газневиды со своим дворами располагались не в цитадели и не в городе, а во

дворцах и виллах, построенных севернее города. Вдоль широкого Гильменда, на его правом берегу, отчетливо видны развалины этих построек. При дворцах в каменных помещениях располагалась султанская гвардия. Поэтому это место Буста носило название Аль-Аскария или Лашкаргах — Место гвардии. В 1949—1952 гг. археологи, проведя раскопки в Лашкаргахе, восстановили общую картину дворцовых зданий в их первоначальном виде.

Три главных дворца стояли на отвесном берегу Гильменда, а самый большой и красивый — в излучине реки. Почти на километр тянулось вдоль берега это огромное сооружение, центральный двор которого имел четыре открытые террасы. Такая планировка напоминает по архитектуре широко известную на мусульманском Востоке гератскую мечеть Джам, построенную в популярном иранском стиле. Поэтому раскопки в Лашкаргахе дали новые ценные сведения и для изучения истории исламской архитектуры. Ведь в столице Газневидов Газни не осталось ни одного здания этого периода.

Пройдя через северный портал дворца, попадаешь в обширный прямоугольный приемный зал. Окруженный колоннами, он украшен фресками и сложными скульптурными лепными работами по штукатурке. В центре зала когда-то находился бассейн, сделанный в форме лепестка розы. Он наполнялся проточной водой. Разчищавшие зал археологи поначалу обнаружили лишь четыреметровые наслоения многочисленных обломков разрушенных арок, опор, колонн, скульптурных орнаментов. В развалинах южного портала были найдены панели с эпиграфическими бордюрами. К югу от большого приемного зала была обнаружена миниатюрная мечеть со скульптурными украшениями тонкой работы по штукатурке и с текстами из Корана на бордюрах. Сейчас она вмонтирована в один из альковов Кабульского музея.

Перед дворцом был разбит обширный сад. Говорят, что когда-то в нем волилось 600 тазелей и Масуд охотился на них из небольшого павильона. Современники описывали богатые пикники и охоту на равнине Гильменда, куда Газневиды являлись, пересекая реку на баржах под шелковыми балдахинами. Султаны же сопровождало большое число телохранителей, музыкантов

гокольных и егерьей с лучшими охотничьими собаками. Вероятно, тип афганской гончей «тази», в название которой афганцы вкладывают понятие «быстрый», «бегун», был распространен уже в те времена.

Сведения о происхождении тази настолько противоречивы, что трудно придерживаться какой-то одной версии. Ее родина точно не установлена, но по физическим данным афганская гончая родственна этим животным, распространенным в Иране и Аравии. Серая же персидская гончая, подвид иракской породы, была издавна известна в персоязычной литературе как «саге таши» — «аравийская гончая». Название «тази» связывают с именем городом-портом Таизз, откуда купцы еще в древние времена отправлялись к берегам Инда и через населенные кочевыми племенами районы добирались до северо-восточных районов Афганистана. От Таизза ивил начало термин «таизи», т. е. «из Таизза», позднее трансформировавшийся в «тази». Описание гончих, похожих на современную афганскую тази, находят и в древнекитайских рукописях. Скорее же всего, афганская тази — результат смешения нескольких пород гончих.

В начале XX в. тази были вывезены в Англию, а в 1900-х годах впервые был установлен их стандарт: благородная осанка, поджарые, шерсть на спине короткая и тонкая, на брюхе и лапах — длинная, кончик хвоста поднят кверху, глаза — темные. Афганская гончая отличается независимостью характера. Свое состояние она передает разнообразием звуков. Если тази подает шук, похожий на сирену, это означает, что она чем-то обеспокоена и проявляет нервозность. Собака обижается, если ее наказывают, и, чтобы вернуть расположение тази, ее нужно довольно долго обхаживать. Но в отличие от многих других пород ухаживать за тази гораздо легче. Она неприхотлива, почти не линяет и легко привыкается к хозяину. Правда, тази не отличается особой сообразительностью. Однако ни одна другая порода гончей не заменит тази в погоне за газелью.

...И снова дорога на Герат. Слева на многие километры расстилается Баквийская пустыня площадью около 3,5 тыс. кв. км. Сухая, выжженная солнцем, лишённая растительности земля. Сотни лет Баква считалась мертвым районом, но недавние исследования показали, что ее центральная и южная части богаты грун-

товыми водами на глубине от 10 до 40 м. Предварительные расчеты показывают, что эта пустыня располагает достаточным для орошения запасом подземных вод и ее освоение перспективно даже при условии бурения глубинных скважин. Правительство планирует освоить Бакву.

Здесь начаты работы по созданию экспериментальных научных станций и государственных ферм.

Фарах — город небольшой, с отличной бензозаправочной станцией, но пустующей гостиницей. Позади уже почти 350 км, и здесь уплачивается последняя перед Гератом дорожная пошлина. Когда до города остается примерно 25 км, по обеим сторонам дороги выстраиваются сосны, сопровождающие нас до самых «западных ворот» Афганистана.

ЖЕМЧУЖИНА ХОРАСАНА

Не в пример многим затерянным городам, заложеным, по легендам, Александром Македонским по пути в Индию, Герат, захваченный полководцем в 330 г. до н. э., продолжает процветать и сегодня. Потеряв свое былое значение «ключа к Индии», в наши дни он по праву считается «западными воротами» Афганистана. Древние греки именовали город Александрия Арийская. Его оригинальное название встречается в Авесте, где Гери упоминается как один из самых благословенных краев, сотворенных верховным божеством Ахуримаздой.

Древние торговые пути, проходившие через Герат на Западной Азии в Индию и Китай, создали ему славу крупного центра еще в первых веках новой эры, а после арабского завоевания город стал одним из главных центров Хорасана, вписавшего в культуру персоязычных народов немало ярких страниц. «Если Хорасан — раковина земли, то Герат — жемчужина в ней» — дошла до наших дней старая пословица. Семь месяцев осаждали Герат войска Тули — сына Чингисхана, и легенды повествуют, что когда город пал, то был он сровнен с землей, а из нескольких сотен тысяч его жителей остались лишь сорок.

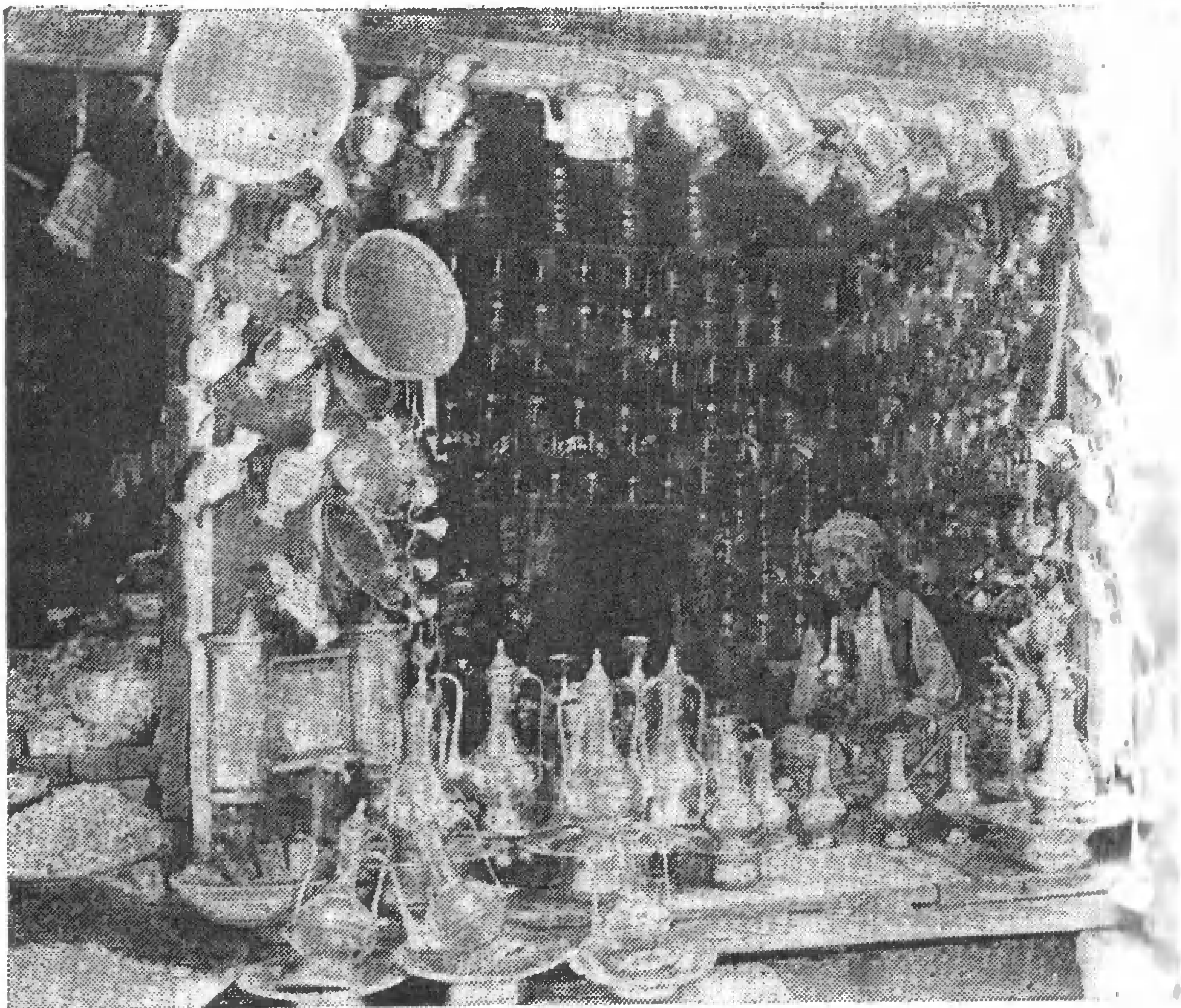
Былое величие вернулось к Герату только в XV в.

но времена тимуридских правителей, оказывавших покровительство литературе, искусству, архитектуре и философии. Именно в этот период, который впоследствии был назван Ренессансом Востока, в Герате жили и творили великий Алишер Навои, Абдуррахман Джами и Камаруддин Бехзад. Слава Хорасана, как одного из лучших районов Востока, доходила и до России, и в середине XV в. сюда было направлено посольство великого князя Ивана III, ставшее одним из первых российских посольств на Востоке. В начале XVIII в. город стал центром самостоятельного гератского княжества, существовавшего до 1732 г., а в XIX в. «ключ к Индии» явился причиной острой борьбы между Персией и Англией.

Не только из-за удобного географического положения Герат имел значение крупного центра Среднего Востока. Издавна его плодородная долина шириной до 30 км, орошаемая отводными каналами Герируда, приобрела славу «житницы Азии». Плотная заселенная, она стала важным центром интенсивной земледельческой культуры, по типу хозяйства не уступавшим известным центрам оседлого хозяйства в древней Сирии и в Египте. В Гератском оазисе и сейчас выращивают до сотни видов растений, начиная от пшеницы и бобовых и кончая хлопчатником и масличными. В отличие от многих других районов здесь истари широко применяли удобрения.

Летом в течение четырех месяцев над долиной дуют бури, которые местное население называет «120-дневные». Благодаря обилию зелени и плотности населения оазиса многие путешественники называли Герат городом-полем, где огражденный глинобитной стеной город был лишь незначительной частью большого оазиса. И сегодня в Гератской провинции, одной из самых густонаселенных в Афганистане, проживают около 800 тыс. человек, а число жителей собственно города составляет менее десятой части этого количества.

Минуем зеленые предместья и большое, украшенное ажурными арками здание резиденции губернатора. Выезжаем в Герат по живописной аллее, которая выводит на широкие асфальтированные улицы центральной части города. Здесь настоящее скопление гади, такси, велосипедов и мотороллеров. Сегодняшний Герат чист

В лавке жестянщика

и опрятен, а ведь еще полсотни лет назад путешественники описывали его как один из самых загрязненных городов этой части Среднего Востока, темные улочки, грязные бассейны и арыки которого были источниками и различных инфекций.

Городские власти много делают для того, чтобы на месте старого, охранявшегося мрачной цитаделью Герата вырос новый город с широкими улицами. Для этого были расчищены узкие проулки, снесены отжившие столетием караван-сарай и т. п. Герат, как и другие города Афганистана, шумен и многолик, но в нем нет такой сплошной суетливой толпы людей, как, скажем, в Кабуле, и в облике его улиц чувствуется какая-то особенная солидность, деловитость, спокойствие и уверенность в себе старого торгового и культурного центра.

Прямые улицы делят город на многочисленные ровные кварталы. Заблудиться в нем трудно даже тому, кто попадает сюда впервые. Без особых усилий находим

старый центр, над которым доминирует древняя цитадель. Хотя строительство крепости и приписывают Александру Македонскому, но то, что мы видим сегодня, — полуразрушенные временем и многочисленными башнями башни — было воздвигнуто на рубеже XIII—XIV вв., а после похода Тимура восстановлено сыном «железного хромца» Шахрухом, который сделал Герат своей столицей.

Недалеко от цитадели, на обширной, почти квадратной площади старого города, находится знаменитая гератская соборная мечеть Джам, квадратная по форме, с шестью воротами. У главного входа — большой полузащитенный сад. Вход в мечеть для туристов открыт ежедневно (кроме пятницы), но до полудня. С посетителей взимается плата, и за этим следит сам настоятель.

Сняв обувь, входим в мечеть через левый придел с очень узкой дверью. Читаем вывеску: «Медресе». Гератское духовное училище при мечети, одно из старейших на Среднем Востоке, было открыто более 900 лет назад. И сейчас оно остается одним из самых больших в Афганистане. Здесь обучаются около 700 человек.

Чтобы попасть во двор мечети, нужно пройти по длинному коридору с высокими потолками. Стены коридора — без традиционной отделки, и создается впечатление, что он ремонтируется. В одном из приделов размещается мастерская по изготовлению голубого и синего кафеля. Несколько мастеров продолжают ремесло, возникшее в начале XV в., когда в мечети шли грандиозные реставрационные работы. Мастерская небольшая, в ней работают всего пять человек, и каждый великолепный знаток своего дела.

За неделю мы изготавливаем керамическую плитку размером шестьдесят на сто пятьдесят сантиметров, — рассказывает старший мастер, проработавший здесь уже более четверти века. — Дел много, особенно в последние годы, когда наши изразцы отправляют и в другие города. Но прежде основная работа была, конечно, связана с реставрацией этой мечети, и несколько лет ушло на оформление ее фасада и стен. Почти вся керамическая отделка либо восстановлена, либо воспроизведена по образцам той, которая украшала здание в пятнадцатом веке.

По оценкам специалистов, история гератской мечети как уже упоминалось, одной из самых красивых и величественных на всем мусульманском Востоке, насчитывает века. Древние хроники относят ее сооружение к X в.; в то время она была построена из дерева. Известно также, что мечеть почти вся сгорела по неизвестным причинам. Правда, существует предание о том, что пожар возник в результате конфликта между попечителем и жившим при мечети дервишем, который и потушил пожар, обронив на огонь несколько слезинок.

В 1200 г. гуридский султан приказал перестроить то, что осталось от мечети. Впоследствии он был здесь захоронен. От эпохи Гуридов до наших дней сохранился лишь небольшой портал с рельефной, включающей имя правителя куфической надписью на темно-желтом фоне, украшенной цветочным орнаментом. Однако долгое время и она была скрыта под декоративными изразцами эпохи Тимуридов, пока мечеть не была вновь основательно реконструирована под руководством Алишера Навои.

В 1964 г. специалисты сняли поздние, относящиеся к XV в. украшения и восстановили портал в том виде, в каком он был в эпоху Гуридов. Богатая отделка тимуридской эпохи покрывала и внутренние части мечети. Джам, но она не сохранилась. Об огромном объеме работ, которые предстояло выполнить реставраторам — гератским художникам Сельджуки и Машалу, каллиграфам Хирави и Атаи (они начали восстановление мечети в 40-х годах), свидетельствуют фотографии двора мечети, сделанные в начале XX в. На них можно увидеть лишь голые стены и нагромождения камней.

Из темного коридора выходим в огромный, почти пустой внутренний двор, где видим лишь несколько прихожан в белом. Плиты, которыми вымощен двор, на многих местах стерлись тысячами босых ног. Двор огромен, и в нем одновременно могут совершать пятничную намаз (молитву) до 5 тыс. человек. Почти в центре стоит минарет, отделанный резным камнем, а у левой края — огромный бронзовый котел с декоративными листьями украшениями. Его высота — более полутора метров. Рассказывают, что котел был установлен здесь еще в XV в. В дни религиозных праздников его наполняют шербетом для прихожан.

Гератцы — люди приветливые и добродушные. Они любят свой город, гордятся его историей и традициями. Это я особенно ощутил в провинциальном Управлении культуры, где познакомился с коренным гератцем и старым каллиграфом Атаи — сухим старичком в белоснежном дастаре, то ли в плаще, то ли в пальто, аккуратно вычищено, хотя на дворе почти $+30^{\circ}$, но зато в чашке на босу ногу. Атаи с удовольствием рассказывает о каллиграфии и ее истории в Герате. О себе говорит охотно, да это и понятно: помимо семи основных традиционных видов искусного почерка Атаи владеет более чем 60 художественными комбинациями каллиграфии. Он хранитель местного музея, для которого сейчас возводится новое здание.

Увлеченно рассказывая о Герате, Атаи заинтересованно расспрашивает об архитектурных памятниках средневекового зодчества в Самарканде и Бухаре и с восторгом кивает, слушая о том, какое внимание в Советском Союзе уделяется сохранению исторического наследия.

Атаи показывает образцы своей каллиграфии, традицию которой бережно хранят в Герате. Недавно здесь была выпущена книга «Каллиграфы и художники Герата», охватывающая историю, в частности каллиграфии, с XV в. до наших дней; творчеству Атаи в ней посвящено немало строк.

Каллиграфия — не просто чистописание и умение красиво выводить буквы. Каллиграфия — это искусство. Чтобы овладеть им, надо посвятить ему всю свою жизнь. В средние века на мусульманском Востоке каллиграфия, «хаттати», широко использовалась для украшения книг, манускриптов, рисунков, а также архитектурных ансамблей. Ответ на вопрос, почему именно на мусульманском Востоке искусство красивого почерка получило широкое распространение, достаточно прост: пуританский ислам долгое время запрещал художественное изображение одушевленных предметов. Другая причина — особенность и своеобразие графики арабского алфавита, которым пользуются также персидский, пушту, сри, урду и ряд других языков. Наличие в нем округлых, прямых и ломаных линий, надстрочных знаков и точек стало благодатным материалом для развития искусства каллиграфии.

Вот почему первые образцы восточной каллиграфии прослеживаются в раннем средневековье в Аравии при переписывании Корана и его многочисленных толкований. Впоследствии она получает широкое распространение на территории Ирана, и не только в письменных образцах, но и в архитектуре и строительном деле. Со временем мастерство каллиграфов, «хаттатов», совершенствуется, и каллиграфия становится почти самостоятельным искусством, а сами они из книжников все больше превращаются в художников. «Книга улыбается, когда перо роняет слезы» — так образно в средние века говорили об искусстве настоящего хаттата.

Первые образцы каллиграфии в Афганистане относятся к IX в., а своего расцвета она достигла именно в Герате спустя шесть столетий при дворе тимуридов и султанов. Многие известные художники и каллиграфы переписывали и художественно оформляли книги в библиотеках правителей и медресе. Гератская художественная школа изящных искусств считалась лучшей в свое время.

В Герате собирались и лучшие мастера по изготовлению бумаги, красок и переплетов. В основанной там же в городе библиотеке и школе книжных ремесел трудились десятки видных художников, переплетчиков, переписчиков и других специалистов. Здесь были созданы искусно оформленные книги на персидском языке. Многие из них, представляя собой шедевры книгоиздания, хранятся сегодня в крупнейших библиотеках мира.

К ним относится и «Шах-наме» Фирдоуси, перенесенная и иллюстрированная лучшими мастерами кисти и карандаша в эпоху Тимуридов. По красоте письма и оформлению (прекрасные художественные иллюстрации и украшенный золотым орнаментом переплет) этот экземпляр не имеет себе равных. Между строками вставлены выполненные золотом орнаменты, а строки иллюстрированы 20 замечательными миниатюрами. Этот экземпляр «Шах-наме», по праву считающийся жемчужиной книжного ремесла, хранится ныне в музее «Гулистан» в Тегеране.

Одним из ранних почерков, нашедшим широкое применение не только в письме, но и в архитектуре, было так называемое куфическое письмо. По преданиям, оно возникло в раннем средневековье в г. Куфе, расположенной

ним на территории современного Ирака. Иногда его основателем считают хазрати Али, чьей столицей некогда была Куфа.

Из куфи возник и «накш», трансформировавшийся впоследствии в «насталик», который и по сей день считается самым изящным и лаконичным почерком. Насталик прост и четок, поэтому его, как и накш, изучают в школах, используют при написании корреспонденций. По его образцу делают машинописные и типографские шрифты. Куфи в сочетании с накшем, насталиком и тельсом украшает заголовки книг, стены и потолки храмов. «Дивани», возникший из насталика, отличается большей вычурностью по сравнению с другими почерками, читать его гораздо труднее, и сегодня он используется главным образом при выполнении оформительских работ. Самый же распространенный почерк — «шекаста» («ломаный») — также возник из насталика. Шекаста — это скоропись, имеющая свои правила написания, но позволяющая варьировать их в зависимости от стиля писателя. Им пользуются главным образом в частной переписке. Читать шекаста труднее, чем любой другой почерк. Часто здесь опускаются, например, точки, играющие столь важную роль в арабской графике.

Характерная особенность украшения каллиграфией — расположение букв текста не по прямой линии, а в художественном беспорядке, что в целом составляет композиционно завершенный рисунок. Сочетание разных видов почерка создает впечатление изящного декоративного панно. Чтобы прочесть его, нужно хорошо их знать.

Вокруг мечети Джам выстроились торговые ряды, среди которых не сразу заметишь небольшую мастерскую по изготовлению изделий из знаменитого гератского стекла: синих, бирюзовых и зеленоватых полупрозрачных сосудов, стаканов, пепельниц, кувшинов и рюмок. Хочется зайти в лавку, но оказывается, что в ней ничего нет.

— Выходной день, — поясняет сосед-лавочник, — но вы можете заглянуть в мастерскую, она открыта.

Заходим. Здесь все в таком состоянии, как будто ремесленники вышли на минутку. Никакой техники, если не считать небольшого очага, напоминающего пузатую бочку. Около него лежит кусок застывшей зелено-бирюзовой массы.

— Из нее и выдувают наши знаменитые сосуды, говорит сопровождающий нас сосед.— Мы работаем вместе. Они мастерят, а я продаю готовые изделия в своей лавке или переправляю их в Кабул в антикфоруши.

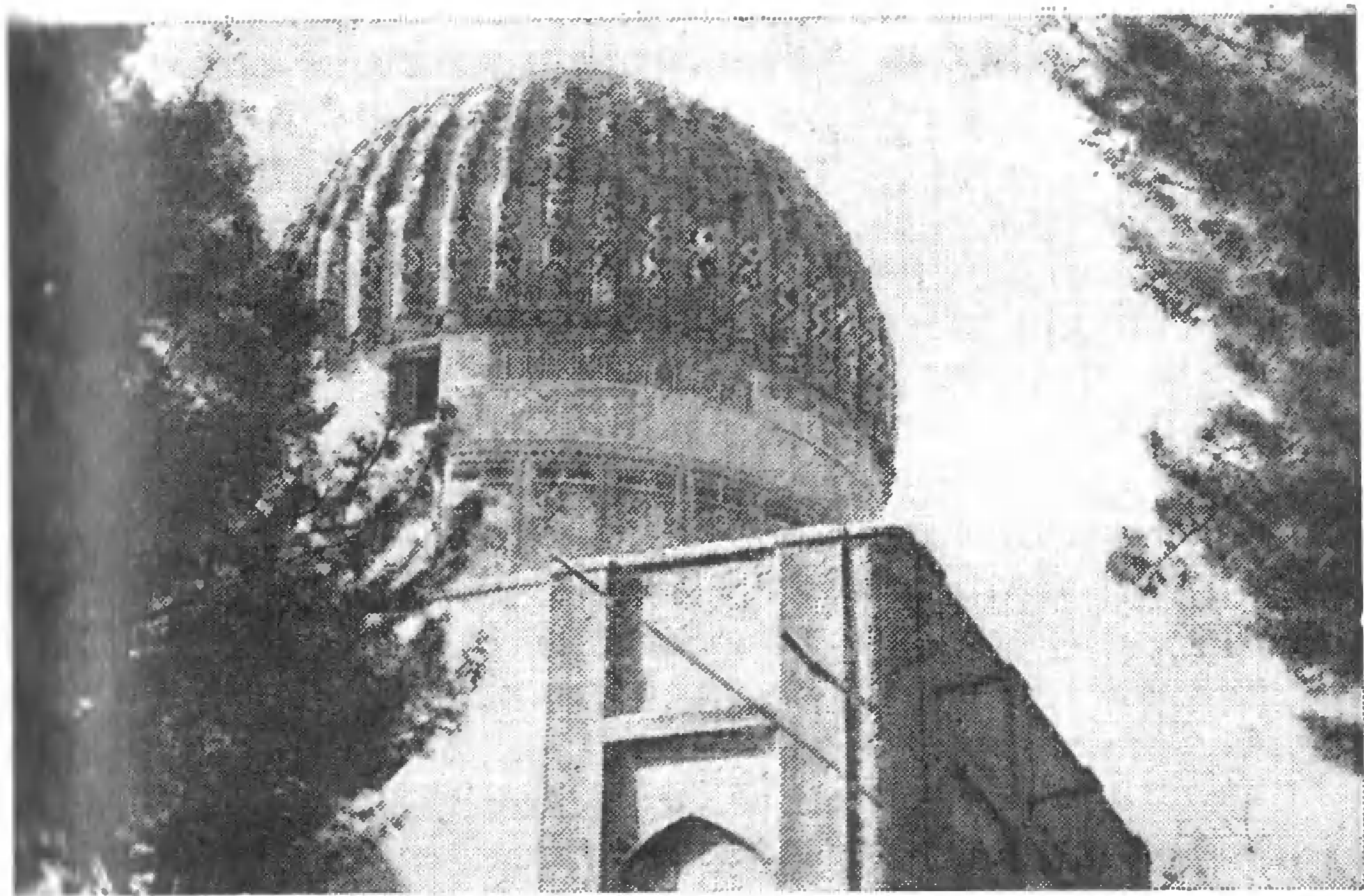
Как оказалось, секрет производства, унаследованный сыновьями от старого мастера вместе с его лавкой, весьма прост: ремесленники собирают битую стеклянную посуду, плавят стекло в очаге, растапливаемом деревянными поленьями, и затем выдувают изделия. Ежедневно мастера изготавливают до сотни различных предметов.

Множество изделий из гератского стекла продается в кабульских магазинах и сувенирных лавках. Они очень дешевы: небольшой кувшин стоит 10—15, а рюмка — от 2 до 5 афгани, но подобрать несколько одинаковых предметов чрезвычайно сложно. Лишь однажды, будучи в гостях, я видел тщательно подобранный оригинальный сервиз гератского стекла.

Базары Герата, во многом похожие на рынки других городов Афганистана, всегда отличались богатством и разнообразием товаров. В их торговых рядах часто можно встретить продукцию Малой Азии и Персии, Китая и Индии. То же можно сказать о них и сегодня. Гератцы издавна славятся изготовлением высококачественных ковров и войлочных изделий, хлопчатобумажных и шелковых тканей. Особой популярностью и по сей день пользуются плотная шерстяная («курк») и шелковая («канаваз») ткани.

Но из всех длинных рыночных кварталов города больше всего запоминается расположенный по периметру небольшой базарной площади медный ряд, где с самого раннего утра слышатся стук молотков, шум разжигаемых печей и раздуваемых мехов. Здесь лудят и паяют, куют и клепают, тут же и продают. Глядя на калейдоскоп выставленной продукции, сначала думаешь, как много несуразности и беспорядка. Но первое впечатление обманчиво. Здесь существует свой, веками отработанный порядок.

...Минареты комплекса Мусалла («мусалла» — «место молений»), расположенные при выезде из Герата, видны чуть ли не из самого центра города. Как огромные трубы, минареты возвышаются над густой зеленью городских кварталов, и кажется, что они находятся со-

Гробница Гаухаршад в Герате

ом рядом. Когда-то минаретов было много, но бо́льшая их часть снесена англичанами в 1885 г. по «стратегическим» соображениям. Разрушения довершили сильные землетрясения в 1931 и 1951 гг. Мусалла когда-то представлял собой огромный комплекс, строительство которого началось в первой четверти XV в. по указу жены тимуридского правителя Шахруха. Гаухаршад — так назвали ее — хотела создать под Гератом крупный философский и религиозный центр с мечетями, медресе, парками и культурными учреждениями.

В 1845 г. французский путешественник М. Ферье описывал эти расположенные к северо-западу от Герата строения как самые величественные во всей Азии. Сейчас от комплекса осталось всего шесть высоких минаретов, и лишь три из них могут дать представление о былом величии комплекса. Как огромные свечи на массивных подсвечниках, стоят минареты Мусалла — молчаливые свидетели Ренессанса Востока. Их отделка уже почти в значительной мере утрачена временем, и лишь в нескольких местах еще заметны остатки старой ажурной лепки, украшенной лаковыми и золотыми кафелем.

В лучшем состоянии находится гробница Гаухар-

шад, напоминающая небольшую мечеть, только без минаретов. Старик — у него хранится ключ от гробницы долго копается в связке и наконец открывает деревянную ветхую дверь. По винтообразной лестнице поднимаемся наверх. Ее ступени сильно сбиты. По узкой лестнице можно идти только по одному. Гробница сложена из кирпичей. Ее свод украшен миниатюрным орнаментом голубого, синего и салатового цвета. Снаружи открывается красивый вид на сад. На фоне вековых деревьев с густой темно-зеленой кроной разноцветный орнамент купола гробницы выглядит очень красиво. В саду на небольшой возвышенности видим минареты Мусалла, где мы были вечером. По серовато-желтым конусам минаретов скользили лучи заходящего солнца, и в то же время прямо над ними, как бы соперничая с минаретами в высоте полета, занимался нежный, почти прозрачный месяц.

Рядом с гробницей Гаухаршад находится небольшое кирпичное купольное сооружение без украшений, из которого мы, собственно, и пришли сюда. Здесь похоронен человек, над гением которого бессильна власть времени.

Великий узбекский поэт и мыслитель Низамуддин Алишер (1441—1502), известный под псевдонимом Навои («навои» — «мелодичный»), родился и долгое время жил в Герате. Дом его отца, располагавшего большим достатком, посещали поэты, музыканты и художники. В 15 лет Алишер уже пользовался славой известного поэта. Как близкому другу тимуридского султана Хусейна Байкара, Алишеру был открыт путь к высшим должностям при гератском дворе.

Под его руководством строились школы и больницы, ирригационные каналы и мосты, дороги и общественные здания. Деятельность везира, естественно, пришлась не по душе приближенным султана, и, оклеветанный, он был вынужден отстраниться от дел. Все свои силы великий поэт и мыслитель отдал служению добру и правде. Автор более 30 крупных поэтических произведений, Навои особо прославился сборником «Хамса», состоящим из пяти крупных поэм. Основные идеи их — уважение к труду, любовь к родине, стремление к совершенству и освобождению личности.

О богатстве творческого наследия узбекского поэта

свидетельствует тот факт, что, пожалуй, нет жанра в литературе того времени, в котором не творил бы Алишер Навои. В его понимании литературные произведения являются средством спасения угнетаемых от угнетения, а основная философская идея творчества поэта состоит в прославлении добра и посрамлении зла. Добро начало Навои видел в человеческой справедливости, а тиранию, деспотизм, насилие считал величайшим злом для народа. Гуманизм Навои не абстрактен. В замысли писателя отражать в своем творчестве суть человеческой жизни и самые прогрессивные идеи состоит секрет его бессмертия.

Умер Навои в 60 лет. Если разделить богатое литературное наследие поэта на эти 60 лет, то на каждый день его жизни пришлось бы 80 стихотворных строк.

Алишер Навои был яркой звездой. То же можно сказать и о его современнике, другом знаменитом гератце, Абдуррахмане Джамии (1414—1492). Перед этим одетым, как странник, старцем, когда он начинал говорить, замолкали даже горделивые вельможи. Будучи последователем суфийского ордена Накшбанди, смысл пуританского учения которого заключается в стремлении к простоте и жизни только за счет собственного труда, Джамии в своей поэзии воплотил вековую мечту народа о справедливости и равенстве, мечту о государстве без купод и рабов.

То город был особенных людей.
Там не было ни шаха, ни князей,
Ни богачей, ни бедных. Все равны,
Как братья, были люди той страны! *

Эти слова характеризуют всю глубину творчества великого поэта, особенностью которого всегда была смелость мысли и слога, и это в то время, когда малейшее отклонение от канонов — религиозных или светских — порой приводило к расплате жизнью. Великого гератца не стало, когда ему было 78 лет. Поэта хоронил весь город, его тело несли дети самих Тимуридов, а великий Алишер Навои весь год после смерти Джамии носил траур по своему мудрому учителю.

Скромная мраморная плита стоит на пустынном пе-

* Здесь и ниже пер. В. Державина и С. Липкина.

рекрестке дорог за чертой Герата. Обелиск со стихами поэта напоминает чем-то фигуру человека. К гробнице всегда кто-нибудь приходит, и кажется, будто под грустой тенью вековой чинары звучит чей-то тихий голос.

Добро всегда твори, смерть попирая!
Знай: имя доброе есть жизнь вторая.

ОРНАМЕНТЫ СТАРОГО МИНАРЕТА

Отделения «Гырзандуй» открыты во многих афганских городах. Гератское отделение находится в самом центре города. В двухэтажном офисе внимание посетителей привлекает большая цветная фотография у кассы торки обмена валюты — в бирюзовое небо упирается древний минарет. Это Джам — один из интереснейших памятников средневековой исламской архитектуры на территории страны.

Путешествующий по Афганистану обязательно увидит Джам везде, где есть отделения «Гырзандуя» или просто книжные лавки и магазины. Минарет изображен и на огромных красочных плакатах, приглашающих посетить страну, и на совсем маленьких альбомных фотографиях с видами страны, что в изобилии продаются на каждом перекрестке в Кабуле и в других городах. Джам мелькает в заголовках путевых заметок и очерков, а среди иностранных туристов считается: не побывать у минарета Джам — значит не увидеть Афганистана. Этот памятник стал символом бурного развития туризма в стране.

Чем же вызван такой повышенный интерес к одному минарету, затерянному в далекой, скалистой местности, где для туристов даже построен небольшой отель? Ведь на территории страны находятся сотни других, более доступных памятников различных эпох и цивилизаций — от поселений бронзового века до образцов восточного Ренессанса!

Если на карте Афганистана примерно через его центральную часть провести с запада на восток прямую, то Джам окажется как раз на полпути от Герата до Бамианской долины. Расположенный в центре гористой провинции Гур, на высоте более 1,5 тыс. м над уровнем моря, 800-летний минарет заставляет тех, кто хочет его

видеть, проделать утомительный и подчас небезопасный путь по горному бездорожью и почти безлюдному району. Окруженная со всех сторон крутыми, похожими на остроконечные пики скалами, одинокая долина из-за своей отдаленности от магистральных дорог и населенных пунктов почти необитаема и в настоящее время, если не считать небольшого полукочевого племени.

Добраться до минарета можно на вездеходе, причем обязательным запасом всего того, что необходимо при сборе в далекий и неизведанный путь. Однако предупредительные сотрудники «Гырзандуя» рекомендовали нам воспользоваться гужевым транспортом, и только в сопровождении хорошего проводника. Дорога доказала, что их советами не следует пренебрегать: случись здесь заблудиться — помощи ждать неоткуда, а вышедший из строя из-за самых незначительных повреждений двигатель или прокол в камере доставили бы немало хлопот. Вероятно, именно из-за труднодоступности Джам, несмотря на свой «седой» возраст, сравнительно хорошо сохранился, породив среди археологов и востоковедов споры и догадки о своем происхождении.

Первым, кому удалось побывать здесь, был известный афганский историк А. Кохзад. Посетив эти места сразу же после буквально случайного открытия минарета в 1957 г., он составил первое описание этого памятника, дав ему название расположенного неподалеку небольшого поселения полукочевого племени. Загадочный минарет сразу привлек внимание ученых, и прежде всего тем, что оказался одним из немногих хорошо сохранившихся образцов архитектуры периода гуридского государства, образовавшегося на западе современного Афганистана, в верховьях рек Герируд и Гильменд, в середине XII в. Его центром стала горная область Гур, откуда и пошло название самой династии. Энергичным Гуридам за короткое время удалось продвинуть границы своих владений далеко на восток. Они захватили не только территорию современного Афганистана, но и ряд областей Индии, в том числе Синд и Пенджаб (в настоящее время провинции Пакистана). Но столкновение с воинственными Хорезмшахами в начале XIII в. кончилось неудачей для Гуридов, и в 1206 г. их обширная, но непрочная империя распалась.

Культура этого периода полностью не изучена. Это

вызван, в частности, тем, что до нашего времени сохранилось сравнительно немного памятников архитектуры этой эпохи. Так, соборная мечеть Джам в Герате не могла служить законченной картиной монументальной архитектуры своего времени: она неоднократно перестраивалась и реконструировалась. Поэтому можно предположить, насколько интересным и неожиданным для археологов стало открытие затерянного в горных отрогах и почти не тронутого временем и стремительными событиями минарета.

Тонкая конусообразная башня, как бы стремясь вырваться из запирающих ее горных отрогов, стрелой взлетает с огромного, диаметром более 14 м основания, выполненного в форме восьмиугольника. Минарет состоит из трех цилиндрических, напоминающих телескопическую башню ярусов, связанных между собой балконообразными выступами. Архитектурную композицию завершает сводчатая галерея с шестью арками. Первый ярус достигает высоты более 35 м и отделан изящным орнаментом фигурной кирпичной кладки. Украшением каждого из восьми вертикальных прямоугольников первого яруса служит чередование рисунков правильной геометрической формы и цветочного орнамента, что придает минарету необыкновенную легкость и создает впечатление стремительного полета.

По оригинальности архитектурной композиции, тонкости и мастерству исполнения орнамента первого яруса Джам похож на один из минаретов Газни. Не исключено, что архитектура последнего оказала влияние на тех, кто строил Джам, поскольку Гуриды, захватив Газни, на какое-то время сделали своей столицей этот древний город.

Верхнюю часть первого яруса опоясывает надпись, вмещившая полный текст 19-й суры Корана. Там же, под самым балконом, нанесен крупный, хранящий остатки лазурной краски эпиграфический текст по темно-желтому фону: «Гияс-уд-Дин Мухаммед ибн Салман Султан Блистательный! Царь царей!» Эта надпись дает возможность прийти к заключению, что Джам был построен во времена самого могущественного из Гуридов. Второй и третий ярусы значительно меньше орнаментированы куфическим арабским письмом.

Высота минарета составляет 65 м, и он лишь на 10 м

принадлежит самому высокому минарету в мире — Кутб Минарету, построенному в начале XIII в. в предместье Дели, в крепости Лал-Кот. Но когда-то Джам был, вероятно, самым высоким (71 м). К сожалению, его купольная часть не сохранилась.

Особый интерес представляют сконструированные внутри минарета две параллельные спиральные лестницы. Они поднимаются до уровня первого балкона. Через узкие окна, изобретательно расположенные, чтобы не нарушать внешнего оформления башни, открывается великолепный вид на суровую, окруженную скалами долину. Лестницы ведут и под землю, что дало основание для распространения среди местного населения легенды о наличии в прошлом тоннеля, который соединял минарет с мечетью, крепостью и дворцом на другом берегу Герируда.

Происхождение минарета Джам вызывает различные, подчас противоречивые догадки, но этот вопрос до конца пока так и не выяснен. По мнению ряда ученых, башня стоит на месте древнего г. Фирузкуха — столицы Гуридов. В пользу такого предположения выдвигается один аргумент, что проживающее в окрестностях минарета полукочевое племя называет себя «фирузкухи». Однако сравнительно небольшая площадь долины, ее недоступность и отсутствие значительных археологических находок, подтверждающих, что именно здесь был расположен легендарный Фирузкух, — все это не без основания оспаривает подобные домыслы. Тем более что, по свидетельству современников, Фирузкух был большим и густонаселенным городом, а пока в долине Герируда обнаружены только остатки небольшой крепости да развалины нескольких сторожевых башен.

Остается нерешенным вопрос и о том, где был вход в минарет. Сейчас внутрь минарета можно проникнуть только через пробитое в его основании отверстие. А Кохзад утверждает, что входили в минарет через подземный тоннель от мечети и дворцовых построек, расположенных на другом берегу реки. Свои предположения он, в частности, строит на приведенной выше легенде.

Отсутствие развалин у основания минарета наводит ученых на размышления и о том, был ли Джам минаретом мечети. В связи с этим возникло предположение

о том, что он был сооружен как башня победы и триумфа. Слово «минар» означает не только «минарет», «башня», но и просто «башня». В качестве аргументов в пользу этой гипотезы ее сторонники приводят следующие фактические доводы: многие места мусульманского культа в Афганистане (да и не только в Афганистане) закладывались на местах служения божествам доисламского периода. Таким образом, не исключено, что отдаленная долина Герируда, где расположен Джам, считалась священной у местного населения еще до проникновения туда ислама. Приказав же соорудить минарет, султан Гияс-уд-Дин стремился увековечить здесь победу ислама и прославить свое собственное имя как человека, победившего этой победы. Тогда становится понятен текст одной из сур Корана, высеченный в качестве украшения на внешней части минарета. Действительно, почему именно эту суру выбрал султан Гияс-уд-Дин? Она носит название «Марьям» и содержит угрозу каре всевышнего неверным и обещания принимающим покаяние Мухаммеда красот «садов Эдема».

Работавшие в 1962 г. по укреплению фундамента минарета археологи нашли множество разбросанных в километре от башни камней с выбитыми на них надписями, датируемыми XII—XIII вв. Видимо, это остатки старого кладбища, что наводит на мысль о существовании в окрестностях минарета в период династии Гуридов общины.

Гордо и одиноко прорезает синеву неба мозаика красно-песочного минарета. Свидетель бурного расцвета и стремительного падения грозных Гуридов, он стоит тайной, в течение веков терпеливо ожидающей своего окончательной разпадки.

СТАРЫЙ КЕРИМ ИЗ СТАРОГО ГОРОДА

Развернув как-то утром «Кабул Таймс» на третьей странице, где обычно помещаются репортажи и корреспонденция о кабульской жизни, я обратил внимание на заголовок. «Не ходите к врачу, обращайтесь к Кериму!» — призывал он. В небольшой заметке рассказывалось об одном из популярных змееловов и врачей-змееловов

лучившем среди кабульцев прозвище Маргир (Змея).

Глинобитный дом Керима, где он жил со всем своим семейством, располагался в старом городе. Найти его оказалось делом нелегким, но все стало на свои места, когда наконец был обнаружен главный ориентир — торговая школа. У Керима самая обычная городская лавочка, но почти пустая. Лишь в глубине стоит несколько старых деревянных ящиков и больших металлических банок из-под кофе «Максвелл Хауз». В них Керим держит своих «подопечных».

На корточках сидел грузный старик лет шестидесяти. Белая борода «лопатой» до воротника. Поверх старой рубашки и жакета надет выдавший виды пиджак, размер на два больше нужного. В правой руке хозяин держит небольшую кобру. Змея совершенно неподвижна, и сначала кажется, что это резиновая игрушка. Но когда, видимо почувствовав чужие шаги, она стала резко motion головой, Керим, ловко перехватив кобру за туловище, повернулся к большой жестяной банке и сунул в нее змею. Про себя я поблагодарил старика: при виде змеи я не испытываю особой радости и всегда вспоминаю, как однажды в кабульском зоопарке со мной произошел курьезный случай. Когда за чашкой чая я беседовал с директором, в его кабинет неожиданно ввалился старик-кочевник с большой плетеной корзиной в руках. Белая тряпка прикрывала свернувшуюся в клубок огромную кобру. Старик явно собирался продать змею зоопарку, но директор под каким-то предлогом не соглашался. Тогда кочевник, горячо утверждая, что его кобра самая большая и лучшая в мире (!), неосторожно приоткрыл корзину, и из нее колом поднялась растерженная змея, как бы желая доказать справедливость слов старика. Положение становилось критическим: маленькая комната на втором этаже и два растерянных человека. Только ловкость кочевника, моментально накрывшего змею платком, избавила нас от возможных неприятностей.

Афганцы змей «любят» так же, как мы волков, и без какой-либо охоты откликаются на зазывания редких заклинателей, скитающихся иногда по городам. Как-то в Шибаргане мне довелось увидеть представление одного факира. Он играл на тростниковой дудочке, а кобра

мерно раскачивалась в такт. Зрителей собралось много, да и те стояли на почтительном расстоянии, готовые каждую минуту пуститься врассыпную.

Другое дело Керим. К нему обращались часто. Своим ремеслом он занимался уже более полувека и давно привык к посетителям. Если верить газете, то Керим не считал себя ни гадалщиком, ни провидцем и не раздавал талисманов и амулетов. Он ловил змей и для собственного удовольствия приручал их. Прикосновением раскаленного ножа к пораженному укусом змеи месту он исцелял попавшего в беду человека. Но именно здесь не обходилось без таинственности: Керим никому не рассказывал, из какого «булата» сделан его «заветный» нож, а врачевание сопровождал напеванием каких-то заклинаний. Говорят, он лечил и многие недуги. Больную печень, например, Керим исцелял так: бросал в котел несколько стебельков какой-то травы, смешивал их с растительным маслом и растворял смесь до тех пор, пока она не приобретала желтый цвет. Эту процедуру он проделывал на глазах у пациента три раза, также сопровождая приготовление магического шепотом, после чего... считал больного вполне выздоровевшим.

Кроме знахарей и врачевателей в Кабуле и в других городах можно встретить хиромантов и гадалщиков. Этим занимаются главным образом мужчины. Обычно они располагаются у общественных зданий, чаще всего у мечетей. Я не видел, правда, чтобы к ним часто обращались, но если такое и происходит, то между гадалщиком и клиентом завязывается обстоятельная беседа, которая может длиться часами.

Фотографироваться гадалщики не любят. Однажды один мой знакомый попытался заснять гадалщика и клиснта во время беседы. Но гадалщик, недовольно покосившись на камеру, загородился черным пропущенным зонтом. Добиться фотографии мне удалось, только став его клиентом. Сидя на мощеной мостовой, опершись спиной на одну из колонн перед входом в мечеть, гадалщик, казалось, дремал. Это был старик с небольшой седой бородой, в белом дастаре, закрученном и расписанной разноцветными блестками тюрбетом. Одежда его состояла из легких широких шаровар и длинной, почти до колен, рубашки, поверх которой был

ялота куцай, выдавшая виды жилетка. К ее карману большой булавкой была прикреплена металлическая бирюбочка типа табакерки — талисман, скорее всего с орбиткой земли из святых мест.

Перед стариком лежали небольшая книжка в картонном переплете, почти каждая страница которой была заложена листками бумаги, и восемь бронзовых фишек, похожих на тяжелые игральные кости. Я спросил, для чего все это.

Фишки — это твоя звезда, — охотно, но лаконично ответил гадалщик. — Возьми их, перемешай и брось на землю.

Из его красноречивых жестов я понял, что таким образом должно определяться мое будущее. Когда я проделал все, что нужно, старик, быстро взглянув на кости, вероятно, совершив уже одно из четырех действий прифметики, сказал:

Твоя звезда — огонь. Это хорошая, счастливая звезда, и тебе всегда будет сопутствовать удача! — И, видимо, опасаясь, что я быстро ретируюсь от счастья, добавил: — С тебя — десять афгани!

Так в десять афгани, или в полкилограмма винограда, было оценено мое счастье. Тогда я попытал его еще по старой книге с гороскопами. Гадалщик быстро открыл книгу на какой-то странице, заложеной бумажкой с непонятными мне надписями и графическими рисунками. Потом, даже не взглянув на бумажку, старик вынул ее мне, попросил сложить вчетверо, положить в бумажник и всегда держать при себе.

Тогда, — многозначительно улыбаясь, сказал он, — тебе всегда будет хорошо!

Такой «тафвиз», конечно, стоил мне в шесть раз дороже.

Во время всей этой процедуры вокруг собралась довольно большая толпа, в основном школьники, а после того как мы распрощались со стариком, получившим, вероятно, свой недельный доход, они долго сопровождали меня. По блеску в их глазах я понял, что дети радуются, что благообразный гадалщик так просто и быстро обманул любопытного «хареджи» (иностранца).

Обращаются к гадалщикам за помощью главным образом для исцеления от болезней, разрешения материальных затруднений, а иногда и для того, чтобы «при-

ворожить». Правда, последнее относится больше к суевериям, а не к гадалкам.

Как-то несколько студентов Кабульского университета провели опрос 4 уличных гадалщиков и 20 клиентов. Как можно было понять по их ответам, опубликованным в одном из номеров газеты «Анис», даже сами гадалщики скептически относятся к своей профессии. Более половины клиентов на вопрос, что заставило обратиться к гадалщику, ссылались на уговоры родственников, а некоторые прямо заявляли, что в общем-то не верят в гадания.

Однако суеверия все еще распространены, особенно среди неграмотных. Ужас могут вызвать духи покойников, которые, по поверью, даже вселяются в живых людей. Поэтому редко кто отваживается появляться в полночь в том месте, где кто-то погиб насильственной смертью, а также там, где могут обитать злые духи на пустырях, заброшенных берегах рек и ручьев. Стремлением предостеречь себя от бед, болезней и несчастий вызвано распространенное, особенно среди сельского и кочевого населения, ношение амулетов. Их зашивают в небольшие кусочки кожи или, обернув клеенкой, вешают на шею детям и молодым супругам: считают, что именно они наиболее подвержены влиянию злых духов.

Стремясь уберечь новорожденного от дурного глаза на люльку также вешают талисман, сделанный из костей диких животных. Когда много говорят о резвости и расторопности ребенка, нередко обращаются к Аллаху с просьбой избавить младенца от сглаза, который может быть вызван чрезмерной похвалой. Матери всецело стремятся изолировать детей от людей со «злым языком». По поверьям, таковыми в основном являются старухи.

Чтобы не сглазить и отвлечь злых духов, имя новорожденному принято давать не сразу, а через 6, а иногда через 40 дней. Маленького ребенка никогда не оставляют одного дома и не выносят ночью на улицу: в полночь время особенно много злых духов, которые могут нанести вред малышу. Когда младенца выносят из дома, его накрывают платком, чтобы избежать дурного глаза и взглядов на него со стороны нищих, калек, преступников, больных или просто людей с плохим характером.

Отвлечь злых духов от роженицы призван обряд, когда муж кладет на голову жене саблю или кинжал, чтобы отогнать духов как от нее, так и от новорожденного.

Серебряное кольцо надевают от сглаза вдов и пожилых женщин.

Арсенал множества примет, поверий, счастливых, несчастливых чисел составляет важную особенность бытующих среди афганцев суеверий. Мистический смысл имеют правая сторона, правые рука и нога, которые считаются счастливыми. Поэтому суеверный всегда вступит в дом только с правой ноги и никогда не вручит и не примет подарка левой рукой, а для того, чтобы показать свое уважение к дарящему, он возьмет подарок двумя руками.

Число 7 — счастливое, 13 и 39 — несчастливые, вторник — несчастливый день, а то, что делаешь в среду, кроме последней в году, обязательно должно принести удачу. Особый смысл вкладывается и в грозу, ураган, затмение солнца. Афганский историк Мухаммед Али в одной из своих работ писал, что «если в семье только один ребенок, то во время грозы родители почти уверены, что молния поразит именно его».

Наделяются смыслом и тяжелые сновидения, поскольку их толкователи говорят, что сон дает возможность предсказать будущее. Некоторые считают, правда, что сны непосредственно отражают будущие события, другие же истолковывают сновидения иносказательно. Например, выпадение зуба во сне приведет к потере близкого родственника.

...Как-то утром, года через четыре после моего знакомства с Керимом, в «Кабул Таймс» промелькнуло сообщение о смерти знаменитого змеелова. И хотя «ремесло» Керима, которому он сам когда-то обучался у своего отца, вместе с его змеями перешло по наследству к сыну старика, газета расценила «смерть великого Керима как конец целой эпохи». И это не символическое определение. В афганской периодической печати с каждым днем все более решительно ставится вопрос о необходимости борьбы с вредными суевериями, предрассудками и давно отжившими свой век традициями и обычаями.

ВЕЧЕР В «КАБУЛЕ»

Сумерки на Кабул опускаются быстро и неожиданно, и тогда окружающие долины скалы приобретают особую красоту. Почти неестественная четкость линий, смелые и непривычные сочетания самых контрастных цветов создают картинность пейзажа. Глядя на него, ощущаешь, что все это уже когда-то видел, но когда-то в Москве. Длинная очередь у Музея изобразительных искусств. Первая выставка Николая Рериха. Именно тогда меня так поразила гамма чистейших красок его гималайских пейзажей. Сейчас, но уже наяву вижу перед теми же полотнами: ведь Гиндукуш — родной брат великого Гималаев.

По вечерам Кабул не изобилует многоцветием электрической рекламы. Только крупные кинотеатры, рестораны и торговые кварталы, освещенные неоновыми вывесками рекламных плакатов, оживляют центр уже в 10—11 часам засыпающего города. В это время шумно и многолюдно только в чайных и шашлычных, где после киносеанса собираются молодежь и закончившие трудовой день рабочие и чиновники. Напротив кинотеатра «Парк», крупнейшего в городе, они занимают целый квартал. Восседающие у самого входа над чающими мангалами повара, перекрикивая шумную мелодию граммофонов, наперебой зазывают посетителей. Обычно после посещения кинотеатра мы тоже заглядывали в одну из шашлычных на порцию «кебабе-тикан». Но сегодня мы не зайдем к «Ходададу», так как приглашены на свадьбу.

Минуем притихшие улицы и посиневшие в густых сумерках и такие белоснежные днем минареты гробницы эмира Абдуррахмана и подходим к гостинице «Кабул». Наряду с «Интерконтиненталем» она одна из крупнейших в городе, а сегодня оживлена больше обычного. Скопление автомобилей, ярко освещенные окна на первом этаже большого, днем обычно пустующего ресторана. Машин и такси становится все больше, и скоро они выстраиваются у тротуара в два ряда. Появляются мужчины в вечерних костюмах, женщины в длинных платьях, модная молодежь, благообразные старики в колах и совсем пожилые женщины в легких шарфах, которыми они закрывают большую часть лица. Но это

уже совсем не чадра. Все эти люди — близкие и дальние родственники, друзья и знакомые молодых.

Собираются в просторном салоне, где играет небольшой оркестр народных инструментов, а у стен, вдоль которых стоят кресла и диваны, накрыты небольшие столы: чай со сладостями, шербет, кишмиш, соленый миндаль, фисташки. Обильное угощение будет потом, когда придут жених с невестой и их ближайшие родственники.

Семьи, на свадьбу детей которых мы приглашены, живут на европейский манер. Молодые учились в Европе. Невеста в белоснежном платье и в фате, а жених в смокинге и с бабочкой. Да и сама свадьба скорее похожа на парадный прием. Однако старые традиции, относящиеся к этому торжеству, все же соблюдаются.

Свадебные обряды не одинаковы в различных районах Афганистана. В большой степени это зависит от экономического положения семей. Но к этому событию, которое все стараются отметить на широкую ногу, пригласив как можно больше гостей, и с соблюдением старых традиций, готовятся задолго, порой много лет.

По обычаю, всеми вопросами будущего бракосочетания занимались родители; жених и невеста не принимали участия в переговорах. До свадьбы молодые должны были видеться редко, и то только случайно. И вообще, для молодого человека или девушки считалось неприличным проявлять какую-либо инициативу в вопросах женитьбы или замужества. Согласие молодых людей на брак тоже носило чисто формальный характер. Если кто-то вдруг и возражал, то в конце концов его заставляли подчиниться. Так что свадьба, задуманная родителями, редко расстраивалась.

Сватовство начиналось с посещения матерью или отцом юности родителей невесты. Отец невесты считался человеком недоступным и непреклонным в вопросах выдачи дочери замуж. Поэтому активную роль в сватовстве играли профессиональные свахи, обязанности которых обычно исполняли вдовы. Они с большим мастерством расхваливали красоту и достоинства девушки или юноши. Если соглашение было достигнуто, то отцы или их представители встречались, чтобы обсудить детали, связанные со свадебной церемонией. Главный и самый трудный вопрос сговора — определение размера

выкупа — «туфна» и приданого невесты — «махра», размеры и содержание которых подробно обсуждались и согласовывались обеими сторонами.

После этого назначался день помолвки — «ширши хори», или «намзади». Предварительные торжества, связанные с предстоящим бракосочетанием, устраивались в доме отца невесты, где гостей угощали шербетом и сладостями. В одних случаях о помолвке составлялся письменный документ, в других вполне достаточно было обещания. После этого стороны обязаны были придерживаться соглашения и данного слова, и помолвка могла быть расторгнута лишь в исключительных случаях.

Иногда родители договаривались о помолвке своих малолетних детей. Когда мальчик мог отличить правую руку от левой, его знакомили с невестой, нарекали женихом и устраивали празднество.

Свадьбу тоже было принято проводить в доме невесты, но в некоторых племенах — в доме жениха. Одним из интересных моментов традиционной свадьбы было рассматривание лиц жениха и невесты в зеркале. Эта процедура всегда являлась одной из самых значительных для молодых, так как они подобным образом получали возможность впервые увидеть друг друга. Жених и невеста, одетые в свадебные костюмы, садились рядом на небольшом возвышении. Лицо невесты было закрыто легкой вуалью. Обычай требовал, чтобы молодые люди не глядели друг на друга в открытую или украдкой до тех пор, пока перед ними не ставили зеркало.

Девушки в нарядных платьях окружали жениха и невесту. Молодые читали строки из Корана. Затем жених предлагал невесте отведать сладости, после чего получал право поцеловать ее. Вслед за тем женская половина под аккомпанемент бубна — «дойры» — начинала петь и плясать, образовав кольцо вокруг молодых.

На свадьбу было принято готовить богатое угощение из пловов, жареной домашней птицы, кебаба, шашлыка. Употребление спиртных напитков не допускалось, хотя в последнее время этот обычай, особенно в городах, нарушают.

Поздно вечером приглашали муллу, который в присутствии свидетелей совершал обряд бракосочетания. Он громко повторял имена невесты и жениха и трижды задавал каждому в отдельности вопрос, согласны ли

и вступить в брак. (У ачекзаев и некоторых других племен юга и юго-запада страны согласие молодых на брак передается и подтверждается через их уполномоченных, так как, по обычаям этих племен, присутствие жениха и невесты во время проведения обряда бракосочетания не допускается.) Получив утвердительный ответ, мулла читал выдержки из Корана, просил бога дать молодым долгую жизнь и счастье и объявлял их мужем и женой.

Брачное свидетельство — «никахнама» — заверяется печатью, а также подписями муллы, представителя власти и свидетелей.

По традиции, празднество продолжалось до глубокой ночи, а иногда и до утра, после чего невесту увозили в дом жениха. Но и здесь все происходило в строгом соответствии с обычаями: молодых должен был сопровождать кто-либо из старших членов семьи невесты. Пользуясь этим обстоятельством, он иногда намеренно куда-нибудь исчезал и отказывался от исполнения своих обязанностей до тех пор, пока ему не выплатят за участие в совершении обряда определенную награду.

В Кабуле в свадебные торжества входит и прогулка на автомобилях по городу и его окрестностям, совершаемая до восхода солнца. Часто свадебный кортеж украшается яркими бумажными или живыми цветами. Он медленно движется к дому жениха. Отсюда и возникло выражение, которым награждают шоферы своего нерасторопного коллегу, если он слишком медленно едет по переполненным улицам. «Ты что, невесту везешь?!» — насмешливо кричат они, обгоняя замешкавшегося водителя.

В сельской местности невеста и жених обычно едут верхом на скакуне светло-серой масти. При этом она сидит сзади жениха, держась за него руками. По пути следования молодых раздаются ружейные выстрелы и шумы самодельных хлопушек. Местные музыканты бьют в барабаны и бубны, прокладывая дорогу свадебной процессии.

Войдя в свой дом, жених должен подвести невесту к домашнему очагу и предложить ей попробовать специально приготовленное по этому случаю блюдо. С этого момента она становится полноправным членом новой семьи.

В первую брачную ночь, по древнему обычаю, который, правда, в городах соблюдается все реже и реже, но в сельской местности еще широко распространен, молодыми находится тетка жениха — «тоньгур». В обязанности входит подтверждение чистоты и невинности невесты. Когда же новобрачные остаются наедине, невеста в шутливой форме должна потребовать от жениха «брачное приданое», а тот в таком же тоне просит простить его бедность и считать вечным должником невесту. Если же, что бывает реже, дает ей некую сумму денег, то это символ прочности и нерушимости семейных уз.

На третий день после свадьбы отмечался «тагэ джами», знаменовавший установление дружбы двух семейств. Праздновался также тот день, когда невесту одевали в свадебное платье, украшали и красили хити ладони рук и подошвы ног. В день празднования девушку торжественно сажали на «трон», а родственники и близкие друзья преподносили ей подарки.

Свадебные обряды далеко не одинаковы у различных племен и имеют, как уже отмечалось, свои отличительные особенности в зависимости от района страны. Так, в Кандагаре в качестве подтверждения соглашения о предстоящем браке невесте от имени жениха посылаются несколько — не менее десяти — жаровен и повидлом. Все это переносят носильщики. На голову каждого водружается горка жаровен, которую прикрывают сетчатым покрывалом, расшитым разноцветным бисером и украшенным цветами. Колонна носильщиков во главе с доверенным лицом жениха, привлекая всеобщее внимание, торжественно шествует к дому невесты. По прибытии носильщики не снимают жаровен с головы до тех пор, пока родители девушки не преподнесут им подарки — бакшиш. Глава семьи принимает дары жениха и в знак утверждения состоявшегося сговора угощает им родственников, а доверенному лицу жениха дарит колах или другую ценную вещь.

После церемонии бракосочетания, которая в Кандагаре также проводится в доме невесты, каждому гостю вручают сладости (в том числе обязательно кусочки сахара), завернутые в платок. В свою очередь, в дом жениха от семьи невесты посылают поднос с засахаренными фруктами весом до 4 кг и большую голову сахара. Там от нее откалывают верхнюю часть (вио

следствии из этого сахара для молодых готовят шербет), и другую возвращают в дом девушки, где оставшийся сахар раздают гостям. Кроме того, от невесты к суженому посылается двухцветный зелено-красный платок с укрепленным в центре помпоном, вышитый по краям и посередине золотистыми нитками. Во главе процессии кто обычно несет младший брат жениха или кто-нибудь из детей его ближайших родственников.

На кандагарской свадьбе не допускается курение кальяна и сигарет, а также угощение чаем без сахара, ибо, как говорят, «свадьба от начала до конца должна быть сладкой».

На второй день свадьбы вечером празднество переносится в дом мужа, где, как правило, жёны его братьев знакомят молодую супругу с новыми для нее условиями жизни.

Третий вечер свадьбы — самый главный. В доме мужа собираются родственники и знакомые с обеих сторон. После обильной трапезы устраивается встреча с молодой женой. В этот вечер ее отец с большой торжественностью привозит в дом зятя приданое.

В провинции Газни, перед тем как начинать сватовство, устраивают смотрины девушки, для чего в ее дом посылают одну-двух женщин из семьи жениха. Первым делом они встречаются с девушкой и оценивают ее красоту и здоровье. После этого, выразив уважение семье, возвращаются и сообщают главе дома свое мнение о невесте. Если девушка понравилась, к ее отцу посылают одного-двух сватов или свах, которые излагают предложение и просят дать ответ. Чаще всего с ответом не спешат и обещают сообщить решение через некоторое время, подчеркивая тем солидность и рассудительность в выборе жениха и гордость за невесту. В случае принятия предложения семья невесты посылает жениху платок с иголкой, который укрепляется на дверях его дома.

После бракосочетания родственники молодой супруги преподносят главе семьи мужа дастар, кушак, фрукты и просят его по своему усмотрению передать все это кому-либо из членов его семьи.

Неписанные законы требовали, чтобы браки совершались только между афганцами. Долгое время считалось недопустимым выдавать замуж сестер и дочерей

даже за представителей других племен. Закон о браке 1971 г. запрещал афганским женщинам выходить замуж за иностранцев, но теперь далеко не редкость, когда молодой афганец, особенно из тех, кто обучался за границей, женат на иностранке.

Любопытно, что традиционный этикет требует не говорить о своей любви ни с кем, даже со своими друзьями и родственниками. Может быть, поэтому так много песен о любви, которые столь популярны среди людей самых разных возрастов. Их поют все: профессиональные певцы и любители, старики и молодежь, и везде: на вечеринках, свадьбах, пикниках и просто на улице.

Нередко на тихой Дар уль-Аман я встречал подростков, которые, выделявая замысловатые пируэты на велосипедах, весело напевали популярное:

Эй, девушка, куда ты идешь?
И как плавно ты идешь!
Может, чуть ты подождешь?
И меня с собой возьмешь?

Однако не очень принято восхищаться красотой женщин и дочерей (особенно среди сельского населения). Справляясь, скажем, о здоровье, там нередко говорят: «Как здоровье матери ваших детей?» Раньше нельзя было подавать руку женщине, не допускалось, чтобы она заводила разговор с незнакомым мужчиной. Дерзким ратовался поступок того, кто предложил бы помощь женщине даже при выходе из городского автобуса. Вы почему передняя часть салона предназначается только для женщин. Не принято обращаться к женщине по имени, мужчина должен называть ее «ханум-саиб» (госпожа). Многие из перечисленного отмирает, меняется, но главное остается — к чести женщины, которую по обычаю защищали даже ценой собственной жизни, афганцы относятся чрезвычайно ревностно.

Бездетность — большое несчастье в семье, а рождение сына — огромная радость, и появление новорожденного сопровождается шумным весельем. Что же касается рождения девочки, то раньше, говорят, это событие отмечалось гораздо скромнее и не всегда даже было принято поздравлять родителей. Однако я никогда не видел, чтобы к дочери относились с меньшей любовью, чем к сыну.

Брак афганцы считают традиционно священным, но допускают и разводы. По мусульманским обычаям, право развода имеет только муж, который в любое время может расторгнуть брак, произнеся при этом установленную шариатскую формулу.

При разводе дети остаются с отцом, за исключением трудных, которые до семилетнего возраста живут с матерью; отец в течение этого срока обязан полностью обеспечивать ребенка.

Однако разводы не повсеместны. Так, в некоторых районах страны они категорически запрещены традицией и считаются позором для мужчин, а само понятие «разведенный» рассматривается как оскорбление.

Особенностью афганских семей долгое время оставалась система объединенной семьи. Женатые сыновья со своими женами и детьми жили под родительским кровом. Это было характерно не только для сельской местности, но и для большинства городского населения. Главной семьи считался отец, который распоряжался всеми денежными и натуральными доходами и сбережениями семьи и давал разрешение сыновьям производить расходы даже из их собственного заработка. Мать же была хозяйкой дома, которой должны подчиняться все невестки, внуки и внучки. Невестки находились в полной зависимости от свекра и свекрови.

Жизнь объединенной семьи во многом напоминала общину, где каждый ее член, какова бы ни была его профессия, отдавал свои доходы главе семьи, из чего складывался общий фонд. Все имели одинаковое право на пищу, одежду и деньги на мелкие, повседневные расходы, но, разумеется, с разрешения главы семьи. Затраты на другие цели, например на лечение, образование, женитьбу и т. д., покрывались за счет общего фонда.

Однако в наши дни эта система рушится. Быстро меняющиеся условия городской жизни активно влияют и на семейные отношения. Молодые все чаще стремятся выйти за пределы традиционной семьи, все чаще молодые супруги живут уже совершенно самостоятельно.

Первые попытки в законодательном плане регулировать семейные отношения с целью облегчить, в частности, тяжелое положение женщины, которая нередко становилась второй, а то и четвертой женой мужа, были

предприняты в Афганистане еще в 20-х годах нынешнего века. Был разработан закон о браке, ограничивавший многоженство и запрещающий выплату калыма. В те же годы было создано Управление покровительства женщинам, открыты первые женские школы, начала издаваться женская газета.

В 1946 г. в Афганистане было учреждено Общество женщин главным образом с благотворительными целями. При поддержке государства оно проводило работу по эмансипации женщин и вовлечению их в сферу активной экономической и социальной жизни. Его деятельность сыграла немалую роль, в частности, в принятии в 1959 г. закона о снятии чадры. Сегодня народная организация афганских женщин имеет отделения почти во всех крупных городах страны. Центр матери и ребенка, строительство и оснащение которого было осуществлено при безвозмездной помощи СССР, располагает яслями, детским садом и бесплатной поликлиникой. Ее ежемесячный печатный орган, одно из крупнейших в стране периодических изданий, играет важную роль в пропаганде современного быта, общеобразовательных знаний, вопросов домоводства и воспитания детей. Народная организация афганских женщин не только ведет активную борьбу со старыми, отжившими свой век традициями, но и широко вовлекает афганок в общественно-политическую жизнь страны. В мае 1978 г. эта организация вошла во Всемирную федерацию демократических женщин.

Женское движение находит самую широкую поддержку правительства демократического Афганистана. Наряду с большой работой по распространению среди женщин основ политических знаний, проводятся мероприятия по повышению роли женщин в воспитании молодого поколения и т. п.

Старые обычаи все больше уступают место новой жизни. Сегодня уже во многих областях экономической и культурной жизни плечом к плечу с мужчиной трудится афганская женщина. Это и учительницы, и врачи, и медицинские сестры, и воспитательницы в детских учреждениях, государственные служащие и общественные деятельницы. Решение женского вопроса — важнейшая составная часть программы правительства Демократической Республики Афганистан, поставившего задачу

обеспечения полного равноправия женщин с мужчинами во всех областях социально-экономической, культурной и политической жизни.

УСТАД БРЕШНА

Небольшой двухэтажный кирпичный дом в той части старого Кабула, которая, примыкая к новому городу, продолжает хранить колорит афганской столицы начала XX в. На двери висит медная табличка с каллиграфически выбитой надписью: «Абдул Гафур Брешна».

Все, кто знал Брешну, — от начинающих художников, музыкантов и писателей до тех деятелей культуры, которые уже давно завоевали широкую известность в стране, — неизменно называли его «устад» («учитель»). В этом слове выражена вся глубина уважения к человеку, с чьим именем связаны многие страницы современной культурной жизни Афганистана.

Мы сидим в его небольшой уютной гостиной. Глубокие кресла, ковры акчинской работы, на стенах развешено несколько акварелей — любимых работ автора. На одной из них изображен старый кабульский рынок. Она так и называется — «Базар Чарчата».

— Работая над картиной, — говорит Брешна, — я хотел прежде всего передать колорит этого уже не сохранившегося уголка города. Базары на Востоке не следует рассматривать только как рынок. Это еще и место встреч, бесед, здесь обмениваются последними новостями. На базарах формируется общественное мнение. Поэтому и сейчас, когда мы говорим, что кто-то ушел на базар, это не следует понимать буквально. Он просто отправился по делам в город. Английские колонизаторы опасались кабульского Чарчата и в октябре 1842 г. варварски взорвали его.

— Чтобы понять нашу современную живопись, — продолжает Брешна, — нельзя рассматривать ее в отрыве от истоков.

Действительно, своими корнями она уходит в далекое прошлое; ведь наскальные изображения — наиболее древние памятники изобразительного искусства на территории Афганистана — относятся к IV—III тысячеле-

тиям до н. э. В течение многих веков сюда проникали и ассимилировались с местными художественными традициями многие культуры и связанные с ними художественные школы и направления. Это и оказало решающее влияние на пути развития всего искусства афганского народа. Буддийские фрески и фрагменты настенных рисунков Бамиана, резные работы по глине и штукатурке уступили место монументальной исламской архитектуре с лепкой из алебаstra и гипса. В XIII—XIV вв. на территории Афганистана получило распространение искусство художественной миниатюры, достигшее расцвета в творчестве гератца Камаруддина Бехзада (1455 — ок. 1536).

Пожалуй, именно миниатюра гератской школы в многом стала предшественницей современной афганской живописи. Ее влияние ощущается в богатстве красок, той легкости, тонкости и изяществе, которые сегодня отличают лучшие работы художников страны. Кстати, она и в настоящее время является одним из наиболее популярных видов живописи в Афганистане.

Яркий представитель миниатюры — гератский художник Машал. Он не только талантливый продолжатель этого своеобразного вида искусства. Машал многое сделал для его широкой популяризации и у себя в стране и за рубежом.

— Если будете в Герате, — советовал Брешна, — обязательно познакомьтесь с ним. В 1969 г. при Гератском педагогическом институте было открыто отделение миниатюры, которое выпустило более 500 художников.

Когда несколько лет спустя я побывал в Герате, мне не удалось застать Машала, но, зайдя в городское отделение «Гырзандуя», я попал в располагающуюся в том же здании небольшую мастерскую, где работали несколько его учеников. Я увидел тонкие, изящные миниатюрные росписи, акварели и масло, изделия из дерева и камня, отличающиеся оригинальностью и самобытностью.

Станковая портретная живопись начинает получать распространение в Афганистане с конца XV в.

Колониальная политика британского империализма в значительной мере затормозила развитие национального искусства. Из страны были вывезены многие уникальные образцы археологических памятников, фресок и

скульптурных работ, а богатые традициями искусством Афганистана в течение длительного времени было лишено возможности знакомиться с лучшими образцами классического европейского искусства.

— Первые образцы современного карандашного и акварельного рисунка появились у нас лишь в первой половине XIX в., — продолжает рассказывать художник, — а к концу того же столетия в стране насчитывался уже ряд талантливых художников, которые творили в основном при дворе эмиров. Среди них особое место занимал живописец Мир Незамуддин, оставивший после себя отличные образцы альбомной и настенной дворцовой живописи. Большим вкусом и тонкостью художественного орнамента отличаются расписанные им футляры и табакерки.

Развитие современного изобразительного искусства страны самым тесным образом связано с именем ученика Мир Незамуддина — Гулам Мухаммеда. Его творчество совпало с тем временем, когда после восстановления независимости в 1919 г. для получения специального образования в Европу были впервые направлены выпускники кабульских лицеев. Уроженец небольшого города Маймана на севере страны, Гулам Мухаммед четырнадцатилетним юношей попал в Кабул. Рано проявившееся яркое дарование художника позволило ему через некоторое время возглавить отделение прикладных работ на единственном в то время промышленном предприятии Кабула. Впоследствии Гулам Мухаммед становится активным участником движения афганских конституционалистов — младоафганцев, и именно ему поручают вручить эмиру Хабибулле коллективную петицию общества с призывом установить в стране конституционный строй. После разгрома движения в 1909 г. Г. Мухаммед вместе с многими другими участниками движения был брошен в тюрьму, где находился вплоть до 1919 г., когда на престол взошел разделявший идеи младоафганского движения младший сын Хабибуллы Аманулла, имя которого связано с провозглашением полной политической независимости страны. Тогда же Гулам Мухаммед был направлен на обучение в Германию. Ознакомившись с классическим и современным реалистическим европейским искусством и отобразив в своем творчестве его лучшие черты, Гулам Мухаммед в

то же время широко использовал в своих работах и богатство традиций народной культуры. В 1923 г. при его непосредственном участии в Кабуле была создана Школа изящных искусств и графики, которой Гулам Мухаммед руководил вплоть до своей кончины в 1938 г.

— К сожалению, — говорил Брешна, — у нас пока нет галереи, где можно было бы собрать картины наших первых художников. Только два-три полотна Гулама Мухаммеда (портреты эмиров) хранятся в Кабульском музее, большая же часть его произведений разошлась по частным собраниям в Афганистане и за границей.

...Идея возникла неожиданно. Антикварные лавки и вездесущие их владельцы — вот кто может помочь найти нам что-нибудь из работ первого афганского художника-реалиста. И действительно, обойдя с десятком лавчонок, хозяин каждой из которых отрицательно качал головой, я наконец достиг цели.

— Да, у меня есть несколько рисунков Гулама Мухаммеда и одна его работа на большом медальоне, — сказал мне один из них и добавил: — Я их храню дома. Гулам Мухаммед был действительно большим мастером и свой путь начинал с миниатюры. Приходите завтра, я принесу рисунки и медальон.

Рано утром, прихватив фотоаппарат, я был уже в магазинчике и рассматривал карандашные рисунки большого формата. Самое большое впечатление произвела на меня зарисовка, на которой изображен согнувшийся под тяжестью полного бурдюка водонос — «сакао». Рисунок прост и лаконичен: во всем облике этого человека в лохмотьях чувствуется накопленная годами усталость, натруженная спина, видно, не разгибалась уже многие годы, давно плохо слушаются большие, порезанные морщинами руки. Сакао стоит вполборота, лица почти не видно, но во всей его фигуре угадывается трудный жизненный путь несчастного. Хозяин был любезен и предупредителен, но на мою просьбу разрешить сфотографировать рисунок с сакао ответил категорическим отказом. Я так и не понял, по каким соображениям он не хотел, чтобы кто-нибудь имел фотографию «Водоноса»...

Уже после Апрельской революции 1978 г., когда все имущество бывшей королевской династии стало народным достоянием, мне довелось побывать в некоторых

мурцовых постройках бывших эмиров в Кабуле и его окрестностях. Осмотреть все не представляется просто физической возможностью: так, только в Пагмане, небольшом предгорном районе недалеко от Кабула, таких имений свыше сорока. Там же, где я побывал, видел много развешанных по стенам картин маслом. Были тут и натюрморты и пейзажи, но, всматриваясь в автографы художников на полотнах, я тщетно пытался найти имя Гулам Мухаммеда — мелькали лишь фамилии с английскими и французскими окончаниями.

— Как и Гулам Мухаммед, — говорил Брешна, — я тоже был направлен на учебу за границу и в юности исколесил всю Германию, где обучался в художественных школах Берлина и Мюнхена, а в Бремене и Лейпциге впервые познакомился с литографией. Возвращаясь в 1929 г. на родину, я впервые побывал и в Советской России, а в Москве встречался с Пудовкиным. Он тогда собирался снимать свой фильм «Потомок Чингисхана» и попросил меня консультировать кинокартину. Так состоялось мое первое знакомство с советским кинематографом. Вернувшись на родину, я с головой окунулся в работу. Я видел, как много надо было сделать для развития и популяризации современного искусства в стране. Поэтому, когда после кончины Гулам Мухаммеда мне предложили возглавить Школу изящных искусств и графики, я с радостью согласился. Несмотря на нехватку средств, мы расширили Школу, открыли в ней новые отделения (литографии, архитектуры, скульптуры, керамики и художественной вышивки) и стремились привлечь лучших специалистов, способных продолжить вековые традиции народных умельцев. Я считаю, что истоки любого художественного творчества надо искать в народном искусстве и, для того чтобы окончательно перенести живопись из области любительства в сферу профессионализма, нужно прежде всего изучить и сохранить народное начало. Каждый начинающий художник помимо постоянного изучения теории живописи, на мой взгляд, обязательно должен учиться графике, литографии и быть знаком с печатным делом. Это расширит его кругозор и отточит мастерство.

— Но ведь вы известны не только как художник и создатель «школы Брешны» в афганской живописи?

— Да, я много занимаюсь музыкой и литературой,

собираю произведения устного народного творчества — все это — после живописи. Увлечение фольклором, в частности сказками и народными рассказами, тоже не случайно и не самоцель, — развивает свою мысль Брешна. — Фольклор неотделим от повседневной жизни народа, является неотъемлемой частью разговорного языка. Мы гораздо чаще, чем многие другие народы, пользуемся афоризмами, красочными сравнениями, крылатыми словами и элементами народного поэтического творчества. Пусть вас не удивит, если в разговоре на базаре совершенно разных по возрасту и образованию людей вы услышите, как они вспоминают множество басен, притч и хекаятвов (народных рассказов). Это глубоко укоренившийся обычай.

Хекаятты, веками вбиравшие всю мудрость и опыт фольклорного творчества, вместе с поэзией долгое время оставались в Афганистане основным направлением в устной литературе. Их традиции оказывают самое непосредственное влияние и на современную литературу, которая находится в процессе становления. Изучение хекаятвов, по словам Брешны, дает богатейший материал для творчества всех афганских писателей.

Новелла, в современном ее понимании, лишь в 50-х годов начинает занимать доминирующее положение в афганской литературе. И композиционно, и тематически она еще во многом связана с хекаяттами. Афганские писатели все чаще затрагивают волнующие общественность страны социально-политические проблемы. Деревенская жизнь — основная тема афганской литературы сегодняшнего дня.

Одной из первых новелл, которая, отразив проблемы современной жизни, носит ярко выраженный социальный характер, можно считать рассказ известного журналиста М. Ш. Рахгозара «Хаким», опубликованный в 1956 г. Автор поставил перед собой задачу показать столкновение нового и старого в афганской деревне. «Хаким» лег в основу первого афганского полнометражного художественного кинофильма «Трудные дни».

— У нас все больше появляется молодых писателей-реалистов. Конечно, многим из них еще недостает опыта, не хватает мастерства, живости повествования и остроты сюжетной линии, а их герои зачастую слишком статичны. Но все это приходит с опытом, и, безусловно,

будущее афганской литературы — за ними. Есть еще одна трудность, с которой сталкиваются молодые писатели. Все они не профессионалы. На гонорары от их произведений, публикуемых главным образом в кабульских газетах и журналах, трудно сводить концы с концами, и поэтому литературу они, как правило, совмещают с основной работой.— Так говорил Брешна за несколько лет до Апрельской революции 1978 г., дожить до которой ему не довелось.

В 1973 г. на прилавках книжных магазинов появилась последняя книга Брешны «Рассказы и сказки». В ней собраны и литературно обработаны малоизвестные народные рассказы и включено несколько последних новелл автора. Творчество Брешны-писателя отражает переходный этап в развитии современной афганской литературы от традиционных форм хекаята, вобравшего в себя лучшие достижения устного творчества, до современной повести и новеллистики.

О себе Брешна мог бы рассказать намного больше. Будучи известным музыкантом, он заложил основы современной афганской эстрадной песни. Под непосредственным руководством Брешны создавался первый в стране профессиональный оркестр народных инструментов. Он дал путевку в жизнь практически всем современным афганским певцам, и благодаря его деятельности по радио впервые в стране зазвучали голоса женщин-певиц.

И все же, повторяю, главное в творчестве Брешны — это живопись; он остается ярким представителем реалистической школы в афганском изобразительном искусстве. Как художник, с одинаковым мастерством владевший техникой пейзажа и портрета, Брешна оказал существенное влияние на становление современной афганской живописи.

Полотна художника неоднократно экспонировались в СССР, Болгарии, Индии, Иране, США, Турции и других странах, где они были по достоинству оценены всеми, кто побывал на выставках его работ.

Как-то Брешна пригласил меня в свою студию, мало чем отличавшуюся от рабочей комнаты любого художника: сваленные у стены холсты и деревянные рамы, краски и кисти, несколько готовых пейзажей и натюрмортов. Многие работы, хотя еще и не были закончены,

обращали на себя внимание богатством красок, необычайной легкостью и тонкой передачей колорита афганского быта.

— В живописи у меня две слабости,— сказал тогда художник,— реализм и акварель; я хочу оставить будущему поколению картину без абстракционизма и без «какофонии» цвета и линий.

У окна я увидел начатый портрет В. И. Ленина.

— В устремленной вперед фигуре,— говорит Брешна,— я хочу передать неудержимый порыв к светлому будущему, которое олицетворяет голубое ясное небо.

Сейчас этот портрет находится в Государственном музее искусства народов Востока в Москве. Художник передал его в дар музею к 100-летию со дня рождения великого вождя советского народа.

— Брешна был буквально заражен творчеством, рассказывал мне один из представителей среднего поколения афганских художников, Сеид Мокаддас Пагах.— Начав работу, он не останавливался до тех пор пока картина не была выполнена целиком хотя бы и в черновике.

Брешна прожил недолго и скончался в 1974 году в возрасте 66 лет. Я был у устада дней за десять до его внезапной кончины; он показал свои последние работы — яркие и сочные букеты степных цветов как бы символизировали светлую мечту о будущем его древней родины. Таким мне запомнился и сам хозяин — влюбленный в жизнь, в свой народ и целиком отдавший себя служению искусству.

...Проходя по одной из центральных улиц новой части Кабула, только зная заранее, обратишь внимание на скромную вывеску «Гаусуддин. Школа живописи». Здесь работает сам и обучает своих учеников другой представитель старшего поколения афганских художников-реалистов — Гаусуддин. На полотнах, написанных крупными четкими мазками, с размахом и монументальностью, преобладают тематика народного быта, пейзажи и сюжеты афганской истории. Большие полотна Гаусуддина с изображением баталий времен англо-афганских войн я видел и в Кандагарском историческом музее.

— Мои предки — выходцы из Индии,— рассказывал Гаусуддин,— а отец и дед, будучи профессиональными

военными, принимали активное участие в борьбе за независимость. Отец с детства любил рисовать. Любовь отца к рисованию передалась и мне. Живопись стала главным делом моей жизни. Почему предпочитаю историческую тематику? Считаю, что история нашего народа, его трудного и героического прошлого, обязательно должна быть отражена в живописи. Кроме того, я стремлюсь передать своеобразие природы и быта народа.

В последние годы Гаусуддин пишет мало, отдавая все силы работе с учениками. В студии наряду со своими полотнами художник показал мне лучшие работы своих учеников.

В Афганистане все больше появляется молодых художников, творчество которых представляет собой сочетание ряда художественных школ и направлений, в том числе реализма и импрессионизма. Среди них, на мой взгляд, особо выделяется Сеид Мокаддас Негах.

Мне приходилось неоднократно встречаться с Негахом, посещать его мастерскую, бывать у него дома. Стены столовой и салона украшают небольшие, выполненные гуашью рисунки, изображающие играющих детей, животных, окрестности Кабула. Это работы сына Негаха, десятилетнего смуглого мальчика.

— На него,— улыбаясь говорит Негах,— я возлагаю большие надежды. Мальчик бесспорно талантлив, и мне хотелось бы, чтобы он пошел по моим стопам. Мне тоже приходится много трудиться,— шутит художник,— чтобы не отстать от сына.

Студия Негаха настолько мала, что с первого взгляда ее трудно назвать мастерской. Две смежные комнаты одновременно являются мастерской, небольшой галереей и выставкой-продажей. Здесь портреты и пейзажи, выполненные маслом, акварелью и разноцветным мелом, столь популярным у афганских художников: чарующие тонкостью и мастерством подбора гаммы цветов и оттенков мозаичные работы, изделия из мрамора и дерева.

Сын ортодоксальных религиозных родителей, Негах не получил специального художественного образования, да и учиться ему приходилось урывками. Однажды в беседе с корреспондентом столичного журнала «Жвандун», говоря о том, что материальные затруднения не

позволили ему завершить образование, Негах полусерьезно сказал, что окончи он лицей, то, возможно, и не стал бы художником. Однако вряд ли Негах не стал бы художником! Уже в 14 лет он тайком от родителей стал рисовать. Но свой творческий путь начал в театре, став популярным актером и режиссером. Затем Негах покинул сцену и целиком посвятил себя живописи. Вернулся он в театр, когда стал уже известным у себя в стране и за ее пределами художником.

Основное в работах Негаха — стремление передать богатство внутреннего мира человека, для чего он часто прибегает к мифологическим сюжетам. Мастер широкого диапазона, Негах не считает себя представителем какой-либо художественной школы. Он говорит, что наибольшее влияние на его творчество оказала живопись Пикассо. И это наглядно прослеживается в работах художника — и в портретах, и в пейзажах, и в мозаичных работах, которыми он увлекся в конце 60-х годов.

Мозаика — новое явление в современном афганском изобразительном искусстве, которое благодаря таланту Негаха нашло среди местных художников много поклонников. Мозаику он выполняет из местного арагонита отличающегося большим разнообразием красок и оттенков, и из бадахшанского лазурита. Для всех его работ характерно не столько богатство абстрактного рисунка, сколько реализм, основанный на народной и бытовой культуре. «Мозаика Негаха производит неизгладимое впечатление, — писала как-то „Кабул Таймс“, — благодаря его незаурядному таланту в сочетании с кропотливым подбором мозаичных пластинок».

Как художник-самоучка Негах не единственный. Несколько лет назад большой успех выпал на долю двух талантливых художников из Бадахшана. Их картины, выполненные самодельными кистями (из соломы и хлопка) и цветными красками (употребляющимися для окраски шерсти, хлопка и грубошерстных ковров), отличались искренностью, наглядно отражали суровую природу родного края и быт бадахшанских киргизов.

Такие художники, естественно, нуждались в материальной и моральной поддержке со стороны государства, их творчество заслуживает всяческого поощрения. Однако до последних лет в стране редко устраивались

авторские выставки, художники не были объединены в творческие союзы и не получали от государства никакой материальной поддержки. Все это существенно тормозило развитие изобразительного искусства.

В комплексе преобразований, проводимых правительством демократического Афганистана после Апрельской революции 1978 г., особое внимание уделяется развитию литературы и искусства. Краеугольным камнем государственной политики в этой области является решительная борьба с влиянием буржуазного искусства, с оторванностью литературы и искусства от жизни народа, за то, чтобы они стали выразителями подлинных интересов трудящихся. «Проведение коренных преобразований в сфере культуры, литературы и искусства, — писала газета „Анис“ 12 июля 1978 г., — означает начало революции в этой области. Все сферы культуры и искусства должны быть наполнены новым содержанием, должны вобрать в себя дух революции и прогресса, должны встать на службу народу». Для осуществления этих задач уже сейчас делается многое: резко увеличены тиражи периодических изданий, создаются новые литературно-художественные журналы, впервые в стране стала выходить газета «Юлдус» на узбекском и туркменском языках, расширены передачи Радио Афганистана на языках народов страны, создан специальный фонд для поощрения деятелей искусства, организовываются художественные выставки, активизируется роль театра и кино в культурной жизни страны. Особое внимание уделено изучению и популяризации творческого наследия тех прогрессивных деятелей культуры и искусства страны, имена которых были преданы забвению. И сегодня имя выдающегося афганского художника Гулам Мухаммеда, картины которого я тщетно искал во дворцах бывших эмиров, уже известно не только отдельным коллекционерам и антикварам. Его имя носит теперь Кабульский институт изящных искусств.

ТРУДНЫЕ ДНИ АФГАНСКОГО КИНО

На одном из последних Ташкентских международных кинофестивалей стран Азии, Африки и Латинской Америки специальным призом был отмечен кинофильм

«Трудные дни», созданный студией «Афганфильм». Это проникнутый глубоким чувством гуманизма и патриотизма рассказ о нелегком пути становления новой жизни, о том, как, преодолевая упорное сопротивление феодальной средневековой отсталости, в афганской деревне неумолимо пробивают путь ростки социального прогресса.

Национальная кинематография Афганистана очень молода, и ее история насчитывает немногим более четверти века. Первая киноустановка появилась в стране в 1915 г., а в начале 20-х годов в Кабуле открылся первый кинотеатр, где до 1934 г. под аккомпанемент единственного пианиста регулярно устраивались демонстрации немых кинофильмов. С середины 30-х годов в кинотеатре «Кабул» начался показ звуковых кинокартин.

В 1928 г. недалеко от Кабула, в небольшом городке Пагмане, открылся второй кинотеатр. В отличие от «Кабула», сеансы в нем не были регулярными и организовывались бесплатно, главным образом в дни празднования годовщины провозглашения независимости. Здесь впервые были показаны индийские кинофильмы, сразу завоевавшие большую популярность у афганского зрителя. В 1941 г. в Кабуле был построен первый кинотеатр для женщин.

В послевоенное время в Афганистане постепенно расширяется сеть кинопроката. Однако в стране все еще ощущается острая нехватка кинотеатров, которых нет даже во многих провинциальных центрах.

Зарождение афганского национального кинематографа относится к 1944 г., когда начали снимать документальный фильм (съемки осуществлялись в Индии). Он получил название «Любовь и дружба» и вышел в 1946 г. Однако для создания следующего кинофильма потребовалось без малого 20 лет: до середины 60-х годов в стране практически не было профессиональных кинематографистов, наблюдалась острая нехватка кинооборудования, материалов и кинематограф был почти полностью лишен финансовой базы.

На картине «Подобно орлу», появившейся на экранах афганских кинотеатров в 1964 г., хотелось бы остановиться подробнее. Незадолго до этого в Афганистане было создано Управление фотографии и кино, которое и снимало фильм совместно с кабульской Школой изящ-

ных искусств. Это рассказ о деревенской девочке, которая приходит в Кабул, чтобы посмотреть на празднества Дня независимости страны. Героиня, которую играла шестиклассница одной из столичных средних школ, переживает множество приключений, но ей все же удается побывать на всех праздничных торжествах и даже принять в них участие. Представляет интерес этнографический оттенок фильма: впервые на кинолентку афганские кинематографисты засняли народные гулянья, спортивные соревнования и национальные игры.

Оценивая сегодня историю зарождения отечественного кино, многие деятели культуры страны именно этот фильм рассматривают как первую серьезную попытку создания национальной картины, а Брешна образно назвал фильм «Подобно орлу» первой ласточкой афганского национального киноискусства. И все же этот почти полуторачасовой фильм можно отнести скорее к документальным, чем к художественным, кинолентам.

Создание Управления фотографии и кино явилось значительным стимулирующим фактором для становления афганского кинематографа. Довольно быстро был освоен выпуск короткометражных хроникально-документальных кинофильмов и киножурналов, освещавших важнейшие события жизни страны, однако все отснятые материалы продолжали обрабатываться за рубежом.

Новым этапом в развитии национального кино было преобразование Управления в 1968 г. в самостоятельную государственную организацию «Афганфильм». Оборудование студии предназначалось лишь для производства черно-белых хроникально-документальных кинофильмов, но с этого времени вся отснятая кинопродукция обрабатывалась уже в собственных лабораториях. Студия наладила систематический выпуск документальных кинолент, и одной из ее первых работ стал получасовой документальный фильм «Афганистан в развитии», выпущенный в 1969 г. к 50-летию провозглашения независимости.

Не создавая до последних лет художественных фильмов, студия, естественно, не может обеспечивать кинопродукцией внутренний рынок, поэтому на экранах кинотеатров демонстрируются преимущественно иностранные фильмы. Их число достигает 200 лент в год, причем около 60% приходится на долю Индии, остальные — на Иран, США, СССР и ряд европейских стран.

Не объединенные в прокатную сеть и подчиненные долгое время различным ведомствам и организациям государственные кинотеатры не могли в то время в полной мере осуществлять планирование проката и действенный контроль за художественным уровнем демонстрируемых фильмов. Пользуясь этим, владельцы частных кинотеатров, которых было гораздо больше, чем государственных, отдавали предпочтение так называемой коммерческой продукции и, исходя из принципа максимальной прибыли при минимальных расходах, всячески поддерживали мнение о том, что якобы сами зрители не проявляют интереса к фильмам глубокого содержания и высоких художественных качеств.

Бурное развитие мирового киноискусства, расширение разносторонних культурных связей Афганистана с зарубежными странами и постепенно возрастающая роль кинематографа в культурной жизни страны привели к тому, что в начале 70-х годов в афганской печати развернулась широкая дискуссия о путях и перспективах развития национального кино. Если учесть, что уровень грамотности населения Афганистана продолжает оставаться низким, то расширяющийся кинопрокат наряду с радио, а в последнее время и с телевидением, имеет огромное значение как важнейшее средство массовой информации. Отмечая невысокий художественный уровень демонстрируемых на экранах страны фильмов и подчеркивая необходимость повышения воспитательной роли кино, многие деятели культуры выступали за улучшение качества и за государственную монополию на импортируемую кинопродукцию. Одновременно ставились вопросы о расширении сети кинопроката, создании кинотеатров для детей, улучшении технической оснащенности кинозалов и т. д. Призывая ко всемерному развитию отечественного кинематографа и выделению для этой цели немалых государственных средств, прогрессивные круги страны связывали это и с необходимостью защитить кинорынок страны от низкопробной зарубежной продукции.

В эти же годы наблюдалась все большая тяга к созданию национального кино, чему в значительной мере способствовало наличие собственной студии, вокруг которой концентрируются профессиональные кадры.

Советско-афганские связи в области кино, как и

ся более чем полувековая история отношений между нашими странами, имеют добрые традиции. По сей день многие кабульцы с теплотой вспоминают «Петра Первого» и «Последний табор», показанные в 1938 г. на экранах афганской столицы в числе первых иностранных звуковых кинокартин. В последние годы заслуженным успехом в Афганистане пользовались «Братья Карамазовы», «Освобождение», «На пути в Берлин», «А зори здесь тихие» и др. Большая часть афганских кинематографистов получила образование в СССР, и среди них создатели «Трудных дней» — сценарист Р. Яхьяи, режиссер и исполнитель главной роли В. Латифи. «Афганфильм» имеет давние и широкие связи с Госкино и объединением «Совэкспортфильм»; в Кабуле регулярно проводятся фестивали советских кинофильмов, в которых принимают участие видные деятели нашего кино.

...Когда из кабульского международного аэропорта едешь в город, за считанные минуты крестьянские поля и постройки городских предместий переходят в респектабельные строения из бетона и стекла государственных учреждений столицы. Среди них — небольшое квадратное здание с лаконичной табличкой «Афганфильм». Рядом с ним новый комплекс радио и телевизионного центра, первые программы которого начались летом 1978 г. После Апрельской революции правительство демократического Афганистана проводит большую и важную работу по развитию и популяризации в стране новых видов искусства, призванного служить интересам трудящихся масс Афганистана.

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ МАРКИ

Разве могут почтовые марки о чем-нибудь рассказывать? Могут, и о многом. В детстве я увлекался марками. Занятие само по себе не оригинальное — это увлечение мало кого минует, и сейчас я затрудняюсь сказать, чем была вызвана эта страсть. Скорее всего, поначалу просто нравились красивые картинки с аккуратными зубцами. На них были изображены диковинные звери, высокие пальмы, остроносые пироги, седовласые генералы с четкими проборами. Удивляли и странные названия: Берег Слоновой Кости, Экваториальная Аф-

рика, Золотой Берег. Большинство из этих названий уже давно нет на географической карте мира: их смысла нет на национально-освободительного движения. Теперь на марках иные надписи — названия новых независимых государств.

Мой школьный приятель, обладатель огромной, по зависти всей Молчановке, коллекции «колониальных» марок, изучавший с соседкой-учительницей английский язык, снисходительно раскрывал мне тайны «марочной географии».

Как-то в мою коллекцию попала марка: зеленые орнаментированные края, в центре — Триумфальная арка, внизу — по французски «Афганская почта», а над рисунком — еще одна, напоминающая витиеватый рисунок непонятная надпись. Снова я увидел эту марку лет двадцать спустя в кабульском Музее истории афганской почты. Теперь я знаю, что за Триумфальная арка изображена на марке и что за надпись сделана наверху. Марка выпущена в 1949 г., к 30-й годовщине восстановления независимости Афганистана. Триумфальная арка была сооружена в Пагмане, небольшом городке под Кабулом, в честь победоносной борьбы афганского народа с английскими колонизаторами. Выпуск марок в этой знаменательной дате давно стал в Афганистане традиционным. Сейчас в моей коллекции почти все такие выпуски, и многие из них в настоящее время стали филателистической редкостью.

Составить полную коллекцию марок Афганистана с того времени, как в 1870 г. фирманом эмира Шир Али была выпущена первая в стране почтовая марка, сейчас практически невозможно, несмотря на то что по сравнению со многими странами Ближнего и Среднего Востока Афганистан выпускает их очень мало — не более десятка в год.

В стране пока нет каталогов национальных марок, организации филателистов, мало известна и история афганской филателии и развития почтового дела. Всем этим вопросам пока еще не уделялось внимания.

Бродя по антикварным лавкам Кабула, я все-таки получил общее представление о состоянии национальной филателии, а тематическое разнообразие афганских марок существенно обогатило познания о фауне и флоре, об истории и культуре этой страны.

Черно-белая марка 1870 г., на которой изображена голова льва, считается одной из первых марок на Востоке, причем коллекционеры так и называют ее — «Голова льва». В то время в Афганистане еще практически не существовало системы почтовой службы в современном понимании. В различные города почтой пересылалась лишь служебная корреспонденция. Ее в больших кожаных сумках доставляли конные посыльные или пешие скороходы, которых называли «шатерха». Местным властям вменялось в обязанность оказывать им всемерное содействие.

Сейчас афганская почтовая служба оснащена современной техникой, министерство связи имеет почтовые отделения во всех крупных городах, а авиация доставляет афганские почтовые отправления в десятки стран мира. В последние годы доходы от почтовой службы страны составили более полумиллиона долларов.

Несколько лет назад в Кабуле был открыт Музей истории афганской почты. В большом круглом зале одного из крыльев здания министерства связи собрана интересная экспозиция давно забытых литографий с изображением первых почтовых станций и почтовых понозок, экипировки шатерха и их оружие: немало опасностей подстерегало посыльных в нелегком пути по пустынным и горным дорогам. Вдоль стены — десятки застекленных стендов, в которых выставлены выпускавшиеся в разные годы марки, объединенные по тематическому принципу. Здесь же экспонируется редкая по полноте подбора генеральная коллекция афганских марок.

Создание Музея истории афганской почты — один из первых шагов министерства связи на пути популяризации в стране филателии, а отдел филателии, созданный при министерстве, принимает меры к упорядочению информации о выпуске марок в стране, об их тиражах и тематике.

В Афганистане выпуск почтовых марок обычно приурочивается к знаменательным датам в жизни страны, крупным событиям международной жизни, годовщинам ООН и других международных организаций, спортивным форумам и т. д. Все большее внимание уделяется выпуску многоцветных марок с изображениями достопримечательностей столицы и других городов, исторических и культурных памятников. Большой интерес представ-

ляют собой марки, знакомящие с богатой фауной и флорой Афганистана, а также с экспонатами коллекции Кабульского исторического музея.

Располагая недостаточной типографской базой, Афганистан пока печатает марки главным образом за рубежом. Перед выпуском каждой марки министерство связи объявляет конкурс среди афганских художников и фотографов на ее оформление.

ДОРОГАМИ ДРУЖБЫ

Впервые я встретил Султана Ахмеда в мае 1969 г. на открытии кабульского Политехнического института. Тогда ему уже было за 70. Среднего роста, седовласый человек, бородка клинышком, аккуратно подстриженные усы. Неожиданно крепкое рукопожатие, улыбка человека, прожившего долгую и богатую событиями жизнь. Именно о таких людях афганцы почтительно говорят «ришсафид» («белобородый»), вкладывая в это глубокое уважение к человеческой мудрости и опыту.

Через несколько дней я был приглашен в его дом в старой части города. Мы оказались в саду со столетними чинарами и клумбами роз. Султан Ахмед приглашает в гостиную. Здесь на одной из стен вывешено несколько парадных портретов, в том числе молодого человека в темном сюртуке.

— Таким я был пятьдесят лет назад, — говорит Султан Ахмед, взглянув на портрет, — когда меня, молодого сотрудника министерства иностранных дел, направили в Советскую Россию в составе первой афганской дипломатической миссии. В то время министерство занимало небольшое здание, но тогда его хватало для всей нашей дипломатической службы: ведь в 1919 г. независимый Афганистан делал лишь первые самостоятельные шаги на международной арене. Огромной моральной поддержкой для нашей страны была Советская Россия: она первой признала нашу политическую независимость. Вот тогда-то, в апреле 1919 г., в Россию и была направлена афганская дипломатическая миссия.

В комнату чинно вошли дети — мальчик лет десяти и девочка немного постарше. Это внуки, они принесли традиционное угощение: холодный шербет в высоких

стеклянных стаканах, а на блюдах — соленые миндаль и фисташку.

...Редкому русскому путешественнику удавалось побывать в Афганистане. И не столько коварная Амударья и сыпучие туркменские пески были тому помехой. Всячески препятствовала установлению контактов между Россией и Афганистаном «владычица морей» Англия, в 1879 г. навязавшая афганскому эмиру кабальный договор, лишивший страну возможности проводить самостоятельную внешнюю политику.

Начальные сведения о дипломатических отношениях между Россией и Афганистаном относятся к XV в., когда в 1464—1465 гг. в Герат прибыло посольство великого князя Ивана III. В 1533 г. Тавсин-ходжа, посол султана Бабура, в государство которого входили тогда и афганские земли, доставил в Москву грамоту с предложением русскому царю дружбы и братства. При дворах московских царей все чаще стали появляться купцы и торговые люди из средневосточных городов, а Астрахань превращалась в крупный центр торговли России со странами Востока. Сюда добирались купцы из Балха, Кабула, Герата и Кандагара. В 1669 г. братья Пазухины, российские послы в Бухаре, получили царский указ с поручением: их переводчик Никита Медведев должен был добратся до Кабула и Балха, изучить экономику и торговлю этих районов. Это позволило уже в 1675 г. снарядить ко двору могольских правителей российское посольство, которое, однако, сумело добратся лишь до Кабула, а затем было вынуждено вернуться в Москву. Только через 20 лет по указу Петра I в Иран, Бухару, Балх и Кабул через Астрахань вновь отправились русские купцы Семен Маленький, Сергей Лникеев и Иван Сверин. Но, благополучно добравшись до цели, они погибли на обратном пути.

После образования в 1747 г. самостоятельного афганского государства российское правительство пыталось установить с ним дипломатические отношения, однако успеха не добилося. Почти через 100 лет, в 1833 г., эмир Дост Мухаммед, опасаясь захватнических устремлений Англии, снарядил свои посольства в Россию и Персию. В результате в 1837 г. в Афганистан прибыл адъютант оренбургского генерал-губернатора Ян (Иван) Викторович Виткевич. Миссия Виткевича, доставившего

Дост Мухаммеду письмо Николая I с обещанием помощи, была успешной, и в результате его посредничества между иранским шахом, Дост Мухаммедом и правителем Кандагара был закреплен союзный договор. Однако царское правительство под давлением Англии вынуждено было отказаться гарантировать проект этого договора.

Предвидя во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. возможность возникновения конфликта с Англией, Россия решила заключить союз с Афганистаном. В 1878 г. из Ташкента в Кабул отбыла российская дипломатическая миссия во главе с генералом Столетовым, встреченная в Афганистане с большими почестями. Столетов обещал эмиру поддержку России и привнес Александру II проект договора о союзе. Однако, как и 40 лет назад, Англия помешала осуществлению этих намерений России и данному проекту не суждено было претвориться в жизнь. В этом же году Англия развязала против эмира вторую войну, в результате которой правители Афганистана лишались права самостоятельных сношений с другими государствами и могли вести переговоры с иностранными державами лишь через правительство колониальной Индии.

Еще в начале первой мировой войны эмир Хабибулла объявил о нейтралитете Афганистана. Англия же, используя свое влияние в стране, всячески стремилась превратить Афганистан в стратегическую базу для нападения на Советскую Россию. «...Захватив в свое полное подчинение Афганистан, [англичане] давно создали себе опорный пункт как для расширения своих колониальных владений, для удушения наций, так и для нападения на Советскую Россию»*, — отмечал В. И. Ленин.

27 марта 1919 г. Наркоминдел Туркестанской Советской Республики направил афганскому правительству письмо с сообщением о том, что правительство РСФСР заявило «о признании независимых соседних с Россией малых государств и установлении с ними добрососедских и торговых отношений»**.

* В. И. Ленин. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г.— Полное собрание сочинений Т. 37, с. 7.

** Советско-афганские отношения. 1919—1969 гг. Документы и материалы. М., 1971, с. 7.

В апреле 1919 г. в Термез прибыли несколько афганцев, которые, попросив встречи с официальными советскими представителями, вручили два пакета. Доставленные в Ташкент послания короля Амануллы В. И. Ленину и М. И. Калинину, а также письмо министра иностранных дел Махмуда Тарзи Г. В. Чичерину были переданы по телеграфу в Москву. Аманулла писал: «...Заявление о единении и дружбе считаю неотложно необходимым во имя объединения, мира и блага человечества... Так как Вы... вместе с другими своими товарищами — друзьями человечества взяли на себя почетную и благородную задачу заботиться о мире и благе людей и провозгласили принцип свободы и равноправия стран и народов всего мира, то я счастлив впервые от имени... афганского народа направить Вам свое настоящее дружественное послание независимого и свободного Афганистана» *.

Признание Советской Россией Афганистана в то время, когда эта страна боролась за восстановление своей политической независимости, имело огромное значение для победы афганского народа в борьбе против английских колонизаторов.

Командование английских войск, оккупировавших Закаспий, намеревалось перебросить крупные силы к Кушке для наступления на центральные районы Афганистана и Герат. Однако победоносное наступление Красной Армии в Туркестане весной 1919 г. сорвало эти планы британского империализма, и железнодорожная линия Мерв — Кушка была очищена от интервентов и белогвардейцев.

В тяжелые годы разрухи, гражданской войны и империалистической интервенции первое в мире социалистическое государство решительно выступило на международной арене на защиту национальной независимости соседнего афганского народа. Советская республика оказала моральную и дипломатическую поддержку Афганистану в его освободительной борьбе, и именно в это время было положено начало установлению постоянных дипломатических отношений между нашей страной и Афганистаном.

27 мая 1919 г., В. И. Ленин и М. И. Калинин на-

* Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958, с. 175.

Правильно ответное дружественное письмо Аманулла 28 мая 1919 г. афганское чрезвычайное посольство прибыло в Ташкент. Здесь оно было вынуждено задержаться: железнодорожная связь Туркестана с Москвой оказалась прерванной белогвардейцами. В ответ на проезд афганской миссии уже в конце мая того же года в Афганистан была направлена дипломатическая миссия Туркестанской Советской Республики.

Передо мной фотокопия документа, плотно исписанного затейливой персидской вязью. Внизу подпись «Председатель Совнаркома Российской Социалистической Федеративной Республики Советов» и подпись по-русски: «В. Ульянов (Ленин)».

«Получив первое послание от имени свободной самостоятельной афганской нации с приветом русскому народу...— говорится в этом письме,— спешим от имени Рабоче-Крестьянского правительства и всего русского народа принести ответный привет независимому афганскому народу, героически отстаивающему свою свободу от иностранных поработителей... Установлением постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достоинство» *.

— Просто невозможно восстановить в памяти все детали долгого, утомительного и небезопасного пути нашей миссии из Кабула в Бухару,— рассказывает Султан Ахмед.— Мы добирались то пешком, то верхом на лошадях, в общей сложности дней сорок. От Бухары до Ташкента было легче: ехали на поезде, но целых четырнадцать дней. Поезд часто останавливался: не хватало дров и угля, и нам вместе с другими пассажирами приходилось во время пути добывать топливо. В Ташкент прибыли только в начале июня; почти полтора месяца отнял у нас путь из Кабула. Восстанавливая в памяти эти далекие годы, я невольно сравниваю их с сегодняшним днем, когда расстояние от Кабула до Ташкента самолет покрывает всего за час. Но трудности пути с лихвой компенсировались той необычайной теплотой и

* В. И. Ленин. Послание королю Афганистана Аманулла-хану.— Полное собрание сочинений. Т. 50, с. 385—386.

дружественными встречами, которые были нам оказаны на всем пути по советской земле, и особенно тем, что в Москве мы увидели и беседовали с великим Лениным.

— Из Ташкента мы выехали в конце сентября, лишь после того, как Красная Армия разгромила Колчака и был ликвидирован барьер между Туркестаном и центральными районами России. По пути из Ташкента мне запомнилась встреча с советской дипломатической миссией, по указанию Ленина направлявшейся в Кабул. 10 октября нашу миссию во главе с Мухаммедом Валиханом приняла коллегия Наркоминдела РСФСР, а через несколько дней в Кремле состоялась беседа с Лениным. Представьте себе мое волнение перед встречей с этим великим человеком, о котором говорил весь мир! Я понимал, что присутствую при историческом событии в отношениях между нашими странами, и это еще больше усиливало мое волнение. Как и других членов миссии, меня поразили необычайная широта кругозора и глубина знаний руководителя Советской России, его удивительная простота, доброжелательность и искренность. Именно эти черты мы, афганцы, особо чтим в людях.

Рассказ Султана Ахмеда напомнил мне эпизод, который в своих воспоминаниях о В. И. Ленине приводил видный деятель Советского государства Н. Нариманов, в 1919 г. руководивший Ближневосточным отделом НКВД РСФСР. «Афганский посол,— писал он,— прибыл в Москву с одним влиятельным муллой Афганистана. В беседе со мной этот мулла очень просил меня показать ему Владимира Ильича Ленина. Я спросил, что, собственно, его интересует. Он ответил: „Его проповедь, его отношение к угнетенным ярко его выделяет из среды современных политиков и вождей всего мира. В нем я вижу пророка“» *.

— Мы долго беседовали с Лениным,— вспоминает Султан Ахмед.— Много говорили о положении в мире. Ленин расспрашивал об Афганистане, о жизни в нашей стране, интересовался, как мы доехали. Он сказал также, что наши страны были первыми, признавшими самостоятельность и государственную независимость друг

* Ленин и Восток. Сборник статей. Изд. 2-е, доп. М., 1925, с. 22—26.

друга. Прощаясь, он улыбнулся: значит, нашей дружбе крепнуть! Затем посол вручил В. И. Ленину письмо эмира Амануллы от 21 апреля 1919 г. Когда в конце октября глава миссии был снова принят В. И. Лениным, передавая ответное письмо эмиру, он еще раз заявил, что рабоче-крестьянское правительство России будет помогать молодому афганскому государству и сейчас и в будущем. Это тронуло нас до глубины души. Все мы прекрасно знали, что Советская Россия находилась в состоянии тяжелейшей борьбы с внешними и внутренними врагами. Своими глазами мы видели голод и разруху, и тем более сверхблагородно было поделиться с нами последним куском. Так мог поступить только великий народ!

— Я старый человек,— продолжает Султан Ахмед, и счастлив, что мне довелось видеть Ленина и разговаривать с этим великим человеком. Я рад, что все то, о чем мы говорили полвека назад, стало реальностью, и отношения между нашими странами стали образцом для всего мира.

Справедливость этих слов подтверждена самой историей. Советско-афганские отношения с момента их установления служат ярким примером плодотворности ленинских принципов мирного сосуществования государств, политики добрососедства, взаимного уважения, равенства, невмешательства во внутренние дела.

28 февраля 1921 г. в Москве был подписан договор, заложивший прочный фундамент дружественных отношений между нашими странами. Они получили дальнейшее развитие в Договоре о нейтралитете и взаимном ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Афганистаном (24 июня 1931 г.), которые, подтвердив миролюбивые принципы внешней политики обеих стран и мирного сосуществования государств с различным политическим строем, отразили стремление обеих сторон к дальнейшему развитию добрососедства и сотрудничества.

В последний раз я видел Султана Ахмеда зимой 1973 г.

...Февральский день. Мы сидели в саду его дома в Желалабаде. Сад напоен ароматом цветущих роз и миндаля.

— Посмотрите на Желалабад! — говорит старый

дипломат, ставя автограф на юбилейном издании сборника документов и материалов, посвященного советско-афганским отношениям* (кстати, он один из членов редакционной коллегии этой книги).— Это поистине городсад, но такими не были его окрестности полвека назад. Теперь же и их засушливая земля превратилась в сад, и Джелалабадский ирригационный комплекс стал еще одним ярким примером добрососедских отношений и плодотворного сотрудничества двух стран, у истоков которых стоял великий Владимир Ильич Ленин. И я горд тем, что внес в это свой скромный вклад.

ЦВЕТУЩИЕ САДЫ ДЖЕЛАЛАБАДА

Восточную часть долины Кабула, что смотрит на предгорья хребтов, отделяющих ее от жарких и плодородных провинций Лагман и Нанграхар, считают промышленным центром афганской столицы. Здесь сосредоточены основные деревообрабатывающие, обувные, пищевые и консервные предприятия, текстильные фабрики, мастерские автосервиса. Сюда же из центра города переведена центральная таможня. Поэтому несколько первых километров от города нелегко пробиваться по шоссе, забитому огромными грузовиками с просевшими от тяжести груза рессорами. На обочине навалены огромные рулоны, тюки, ящики. Снуют загруженные до отказа тяжелые карачи. Пробиваясь отсюда через весь Кабул, чтобы доставить грузы на склады городского оптового базара «Миндави», они часто мешают движению городского транспорта, создавая заторы и пробки. Вот и сейчас нужно быть очень внимательным: на проезжую часть пригородного шоссе в любую минуту может выскочить доверху груженная повозка, справиться с которой карачи будет нелегко.

Петляя, дорога врывается в узкое ущелье. Внизу, то справа, то слева, стремительно несется набравшая в горах силу р. Кабул. 180-километровая дорога на Джелалабад, центр провинции Нанграхар, гораздо короче той, что ведет на север через Саланг, да и масштаб гор здесь не тот. Но, пожалуй, она более живописна и

* Советско-афганские отношения. 1919—1969 гг. Документы и материалы. М., 1971.

захватывающая. То нависая над лентой шоссе, то резко отступая, дорогу молчаливо преследуют безлесные громады вершин. В небольших ущельях приютились каменные домики, кажущиеся игрушечными дома с плоскими крышами. Террасообразные поля окружены редкими посадками стрельчатых тополей. При выезде из очередного тоннеля открывается захватывающий вид на глубокое ущелье. Одна его сторона почти полностью скрыта в сумерках, хотя сейчас полдень. Трудно удержаться от соблазна и не остановиться. Слышен глухой отдаленный шум водопада. С высоты бетонного парапета видно, как, играя бриллиантовыми брызгами в отблесках солнечных лучей, куда-то в бездну мощными потоками устремляется водопад, разливаясь внизу на множество небольших речушек. Туда же, осторожно выбирая путь среди отвесные скалы, спускается дорога.

После перевала становится более влажно и жарко, хотя до Джелалабадской низменности, единственного в Афганистане района сухих субтропиков, еще далеко. Теперь перед глазами раскинулась обширная равнина, а слева из-за высокого гребня показалось спокойное русло Кабула. В тихую погоду сюда доносится далекий гул падающих с высоты огромных каскадов воды, сбрасываемой из водохранилища. Наглу — крупнейшая ГЭС страны мощностью 90 тыс. кВт. Построенная при экономическом содействии СССР, она снабжает электроэнергией весь кабульский промышленный район.

Делая плавные повороты, дорога медленно спускается в долину и петляет среди живописных тополиных рощ. На смену тесноте гор приходит широта долины, большую часть которой занимает водохранилище. Справа небольшой живописный городок, раскинувшийся вдоль реки. Это Сароби. Отступившие на задний план горы совершенно отвесны. Они красно-желтого цвета, и по склонам отчетливо видны слои горных пород. А дорога, миновав теснящие ее горы, спускается все ниже, постепенно протискиваясь в узкое ущелье. Это Танге Абришом (Шелковое ущелье), название которого восходит к одному из ответвлений Великого шелкового пути.

Холмистая местность вновь чередуется с широкими плато. Равнина как бы разбита на плоские живописные поля. Общую картину разнообразят небольшие чайные

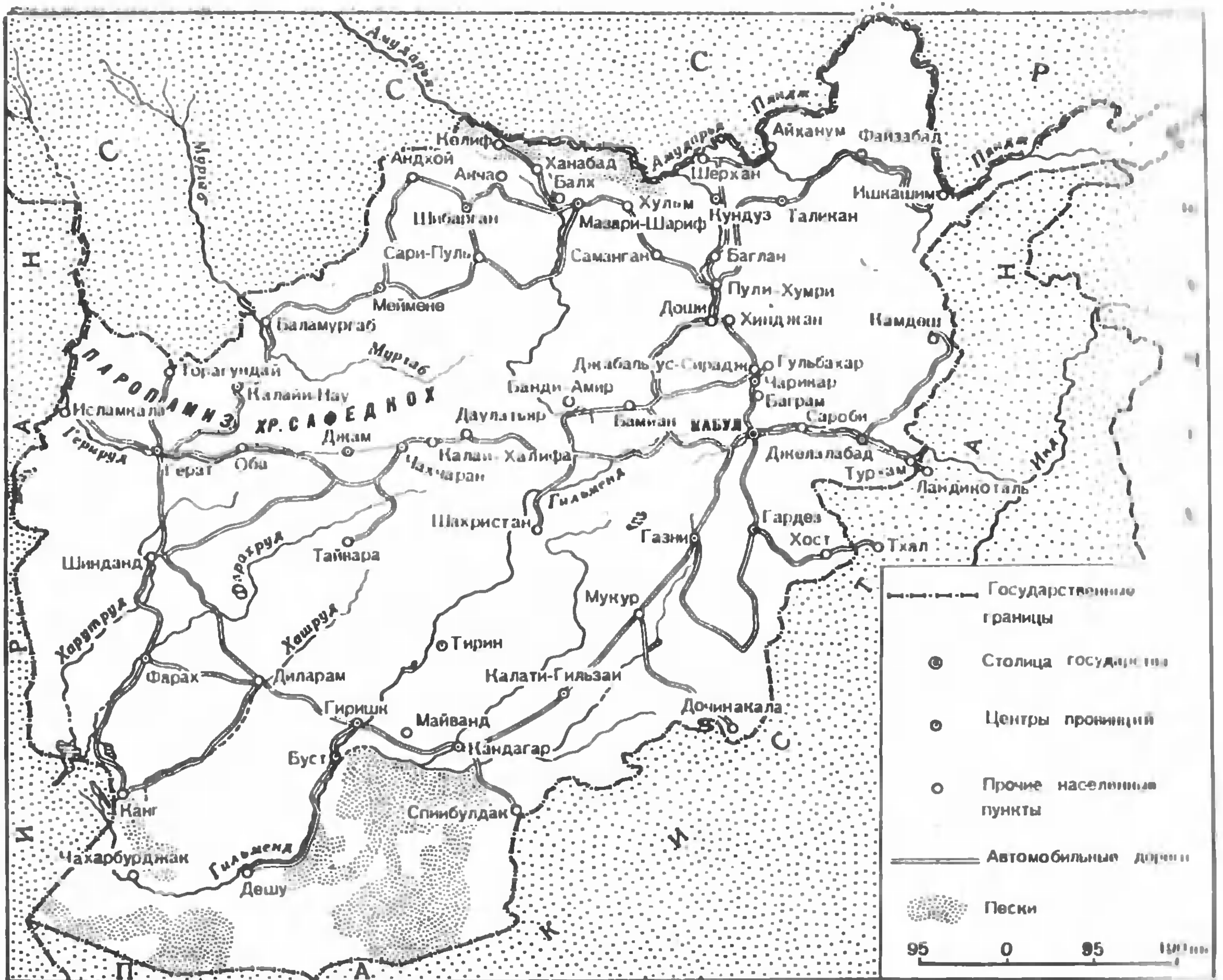
у дороги. Благодаря хорошему орошению этот район провинции Лагман всегда славится отличными сортами риса. Лагманцы считают свой край одним из самых древних оседлых районов мира и даже утверждают, что название провинции восходит к некоему библейскому имени.

Среди соседей лагманцы славятся любителями красного словца и пользуются репутацией хитроумных плутов и выдумщиков. Виной этому, утверждают кабульцы, злой дух, спустившийся в Лагманские оазисы после того, как он был изгнан из рая. Лагманцы же — они никогда не лезут за словом в карман — парируют просто. Злой дух, шутят они, поселился на вершине Асмаи, что в центре Кабула: ведь всему свету известно, что самые утонченные плуты — выходцы из Кабула.

Перед въездом в небольшой, пробитый в скале тоннель открывается необычайно красивый вид на обширное водохранилище. В центре его — несколько мелких островков с высокими финиковыми пальмами.

Чем ближе к Желалабаду, тем пейзаж живописнее. В Желалабадской долине, почти не защищенной от влажных ветров океана, выпадает осадков в несколько раз больше, чем в любой другой части страны. Потому-то она резко отличается своим климатом: в ее сухих субтропиках растут сахарный тростник, олеандр, кипарис, плодоносит финиковая пальма, пейзаж оживляют лимонные и апельсиновые рощи. Набрав влаги в горах, Кабул на этом участке своего пути к Инду становится полноводным и широким, местами образуя обширные заболоченные заводи.

Отсюда и начинается царство сухих субтропиков, о котором один мой знакомый образно сказал: «Нанграхар — хамиша бахар» — «Нанграхар — это вечная весна». Водоохранилище Дарунта снабжает водой Нанграхарский ирригационный комплекс — гордость сельского хозяйства страны. После плотины дорога бежит сквозь небольшие селения, ровные поля и уже начинающиеся предместья города. Их можно узнать не только по нескольким современным зданиям Медицинского института, но и по конусообразным глинобитным печам для обжига строительных кирпичей, которые являются своеобразной визитной карточкой каждого афганского города.

Афганистан

В Джелалабаде я бывал не раз и всегда с удовольствием. Мне нравится этот небольшой, но шумный и своеобразный город-сад. Здесь все особенно ярко, живо и контрастно: люди, природа, краски, базары. Его торговые ряды и улицы, по архитектуре мало отличающиеся от других провинциальных городков, напоминают сообщающиеся сосуды, беспорядочно и стремительно вбирающие и выталкивающие шумные людские потоки. По многочисленным улочкам и проулкам разбегаются они во все стороны от главной улицы, образуя единый в своей беспорядочности, вечно спешащий куда-то вихрь.

Достопримечательностей в Джелалабаде немного: красивые и стройные очертания остатков дворца короля Амануллы; небольшие белоснежные колонны по фасаду, придающие легкость и воздушность фамильному мавзолею эмира Хабибуллы и его сыновей, Инаятуллы

и Амануллы, и делающие его непохожим на традиционные мусульманские зияраты.

В 30-х годах в окрестностях Желалабада, в местечке Тепе-Шотор, археологи обнаружили большой буддийский храм II в. Через 30 лет афганские специалисты, проведя здесь значительные раскопки и реставрационные работы, создали своеобразный музей буддийского искусства на открытом воздухе.

Район Желалабада, так же как и Бамиана, Балха и Кабула, был когда-то одним из центров буддизма на территории Афганистана, но город возник много раньше, во II в. до н. э. По одним источникам, сначала он носил название Денпур, по другим — Данбар и Адрианпур. Основание современного Желалабада приписывают Бабуру в 1570 г., а название города — имени одного из его преемников — Желал-уд-Дина Акбара.

Желалабад считался зимней резиденцией эмиров: ведь когда в Кабуле лежит снег, здесь цветут розы и благоухают магнолии. И сегодня он известен как своеобразный зимний курорт. Это наложило печать на его архитектуру: на смену традиционным постройкам все чаще приходят современные строгие линии.

Ранней весной, когда город наполняется благоуханием цветущих садов, он неповторим. «Желалабад — это наш Шираз, — любят повторять его жители, — роз у нас не меньше, чем в знаменитом иранском городе». В персоязычной поэзии роза олицетворяет нежность и красоту, и именно в Желалабаде в дни празднования Ноуруза собираются на свою «мушаэра» — «поэтическую конференцию» — лучшие афганские поэты.

В городских лавках не только пуштуны — традиционное население Нанграхара. Здесь много выходцев из Индии. Как и в Кабуле, они живут своей колонией, занимаясь торговлей и сохраняя религию и обычаи давно покинутой их предками родины.

Не без труда пробравшись через многолюдные улицы, автомашина вырывается на шоссе. Вокруг яркая салатная зелень полей и цитрусовых плантаций, и поначалу трудно поверить, что мы въезжаем в район, где какие-то полтора десятка лет назад все было знойной каменистой пустыней. Многие сотни лет большая часть земель долины страдала от недостатка влаги. Долго ждала воды желалабадская земля, чтобы с лихвой

воздать земледельцу за его нелегкий и кропотливый труд. И это время пришло. Сейчас в окрестностях города на сотнях гектаров, орошенных Нанграхарским ирригационным комплексом, создано несколько крупных государственных ферм, специализирующихся на выращивании маслин и цитрусовых. На этих фермах советские специалисты, работая плечом к плечу с афганскими коллегами, передают им свой богатый опыт.

До первой поездки в Нанграхар я видел в Кабуле фильм с документальными кадрами, показывающими освоение засушливых массивов пустыни. Сюда пришли люди не с пустыми руками, а вооруженные современной техникой, и теперь здесь орошено более 18 тыс. га земли.

«Государственная ферма „Газиабад“» — крупная надпись у поворота. Ровные ряды аккуратных коттеджей и административных зданий, небольшие рощи, бассейн, клуб. Это поселок тех, кто здесь живет и работает, афганских и советских специалистов. А дальше, насколько хватает глаз, тянутся сады и молодые посадки.

Слушая рассказ генерального директора ирригационного комплекса и наблюдая, с какой увлеченностью говорит он о работе фермы, я невольно вспомнил его коллегу из «Тарнака». Они, на мой взгляд, совершенно разные люди, но очень похожи друг на друга деловой увлеченностью своей профессией.

Директор сообщил нам, что «Газиабад» создана в 1969 г. Вместе с другой, почти такой же по площади фермой «Хадда», вступившей в эксплуатацию двумя годами позже, их общая площадь составляет около 6 тыс. га. Организованные еще две государственные фермы, как и эти, предназначаются для выращивания цитрусовых и маслин. Урожай обеих ферм ежегодно увеличивается в 2—3 раза. Маслину и цитрусовые реализуют в различных районах страны и экспортируют в СССР.

На полях ферм высевают пшеницу, ячмень, кукурузу, просо, рис, бобовые и другие культуры, есть небольшие скотоводческие хозяйства. На всех фермах построены жилые помещения для рабочих, школы, столовые, кухни, больницы, клубы.

— Но, разумеется, мы не намерены останавливаться на достигнутом,— говорит директор,— планируем механизировать все фермы, улучшить качество выращиваемых культур и увеличить урожайность. Часть осваиваемых земель будет передана крестьянским хозяйствам, и дехкане смогут учиться обрабатывать их у работников государственных ферм. В общем дел много,— улыбается директор,— и в этом нам неоценимую помощь оказывают советские специалисты, которые учат нас правильной эксплуатации отвоеванных у пустынь земель.

Джелалабадский комплекс — один из многих примеров плодотворного дружественного советско-афганского сотрудничества. Сегодня трудно найти отрасль в афганской экономике, где бы не ощущалась польза от взаимовыгодного сотрудничества Афганистана с Советским Союзом, который оказывает содействие в наиболее важных для самостоятельного развития страны областях промышленности, сельского хозяйства, просвещения и культуры.

Более двух тысяч афганских специалистов, работающих сегодня на различных объектах экономического и культурного строительства страны, получили высшее и среднее специальное образование в СССР и в построенных в Афганистане при содействии нашей страны учебных заведениях. Они готовят горняков, геологов, гидротехников, строителей, нефтяников, дорожников и других технических специалистов. Уже не один год в различных концах страны работают выпускники кабульского политехнического института и горно-нефтяного техникума в Мазари-Шарифе. В июле 1978 г. состоялся первый выпуск в кабульском автомеханическом техникуме. Более 70 человек получили дипломы специалистов-электриков и техников по ремонту автомобилей (специальности, в которой развивающееся народное хозяйство демократического Афганистана ощущает все большую потребность).

Не будет преувеличением сказать, что торговые связи с СССР в последние полвека способствовали развитию внешней торговли страны. В начале 30-х годов в Москве было создано внешнеторговое объединение «Совафганторг», а в 1934 г. в Кабуле было открыто его представительство. Прочную договорно-правовую

базу для советско-афганской торговли заложило заключенное в 1950 г. первое межправительственное соглашение о товарообороте и платежах. Оно дало Афганистану возможность иметь гарантированный сбыт своей продукции, расширять номенклатуру экспорта за счет вовлечения в торговлю новых товаров и обеспечивать свои потребности в тех товарах, которые имеют важное значение для самостоятельного развития экономики государства.

Сейчас Советский Союз занимает лидирующее место во внешнеторговом обороте своего южного соседа и поставляет в Афганистан машины и оборудование, нефтепродукты и потребительские товары, получая взамен природный газ, хлопок и другие товары традиционного экспорта Афганистана.

Сведения о достижениях русской культуры и науки в течение долгого времени были в Афганистане весьма ограниченными, и знакомство афганцев с ними началось только после Великой Октябрьской социалистической революции, оказавшей огромное влияние на борьбу афганского народа за восстановление своей политической независимости в 1919 г.

Приезд первых советских ученых, писателей и деятелей культуры, побывавших в Афганистане в 20-х годах, положил начало советско-афганскому сотрудничеству в области культуры. В 1929 г. в Музее восточных культур в Москве (ныне Государственный музей искусства народов Востока) впервые была организована афганская выставка, а в 30-х годах в Кабуле появились первые переводные статьи о русской и советской литературе.

Теплота и чувство искреннего уважения к трудолюбивому и героическому народу Афганистана отличают произведения таких видных деятелей советской литературы и культуры, как Лариса Рейснер, Юрий Никулин, Юлиан Семенов, и других, посвященные этой стране.

* * *

Старики-афганцы часто называют свою землю страной выше полета орла. В этом выражении сконцентрированы не только прекрасные черты афганского народа: любовь к родине, гордость за нее, непримиримость к

эксплуатации и несправедливости. Оно вообрало в себя также и вековую народную мечту о подлинной справедливости, равноправии и счастье. И сегодня, когда Афганистан встает на новый путь, путь построения общества без эксплуатации человека человеком, эти слова наполняются новым содержанием. Сафар бахейр — Счастливого тебе пути, Афганистан!

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо вступления	3
Город на р. Кабул	5
Музей в Дар уль-Амане	19
Легенда о небесном камне	25
Через Гиндукуш	34
Праздник красного цветка	50
Быль и новь старого Мазара	61
«Мать городов»	69
Бозкаши	78
Мозаика древнего ремесла	82
Буддийские колоссы Бамиана	95
Путешествие в Страну света	106
Величие Газни	126
Дороги кочевий	141
Первая столица	155
«Тарнак»	163
От Кандагара до Герата	167
Жемчужина Хорасана	174
Орнаменты старого минарета	186
Старый Керим из старого города	190
Вечер в «Кабуле»	196
Устад Брешна	205
Трудные дни афганского кино	215
О чем рассказывают марки	219
Дорогами дружбы	222
Цветущие сады Джелалабада	229

Михаил Алексеевич Коновский

**СТРАНА ГОР И ЛЕГЕНД
(очерки об Афганистане)**

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *А. А. Кожуховская*
Младший редактор *И. Н. Комарова*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *Л. С. Кузнецова*

ИБ № 13410

Сдано в набор 21/ХІ 1979 г.
Подписано к печати 21/ІІІ 1979 г. А-02763
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1
Печ. л. 7,5. Усл. п. л. 12,6
Уч.-изд. л. 12,94. Изд. № 4255. Зпк. 792
Тираж 15 000 экз. Цена 40 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 40 коп.